

Инсталляция «Из песка в песок». Композиция «Заброшенный в песках город». 2004 г.

Дорогие читатели и авторы!
Подписаться на литературно-художественные
журналы «Звезда Востока»
и «Шарқ юлдузи» на 2025 год

можно в любом почтовом отделении или
 в офисе редакции по адресу:

100066, г. Ташкент, пр. Бунёдкор, Адилбар хиёбони,
 здание Союза писателей Узбекистана.

Подписной индекс «Звезды Востока» – 831.

Подписной индекс «Шарқ юлдузи» – 911.

Журнал распространяется по подписке.
В розницу можно приобрести в редакции.

3 / 2025

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

EX ORIENTE LUX

ISSN 2010–930x

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

3 / 2025

Сакура

Чайка

Полдень

Пейзаж

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД
Андрей СЛОНИМ
Евгений АБДУЛЛАЕВ
Николай ИЛЬИН
Борис ГОЛЕНДЕР
Артём ГОРОХОВ
Анатолий БАУЭР
Баходыр АХМЕДОВ
Саодат КАМИЛОВА

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Елена ДОЛГОПОЛОВА
Алексей АЛИМКУЛОВ

Республика Узбекистан
Ташкент

Тимур ГУЛЯМОВ

возвращение к читателю

РОДНЕЕ КРОВИ, ТЕКУЩЕЙ ПО ЖИЛАМ

Рассказ

Знаю, за убийство мамы предстоит расплата. Единственный ребенок мамы становится новой добычей ада. Но у меня есть мечта. Для меня уготовано утешение. Ведь ад и рай взаимосозерцаемы, как указано нам в притче о Лазаре, хотя и не взаимопроникновенны. И вот тогда... пусть из бездны, из корчей... из огня... но ведь увижу маму мою в светозарной выси! Среди райских небес! Херувимами лелеемую в ея горнем полете.

Сабит МАДАЛИЕВ

ПОЭЗИЯ

Умрите прежде, чем умрете

Из неопубликованной книги

* * *

Нам не дано за небеса решать,
пустое дело – жизнь предугадать.
Всё будет так, как Бог того захочет,
а как захочет Он – тебе не знать.

* * *

Как нищий, собирающий гроши,
поймешь однажды ты в ночной тиши,
что каждый день безжалостно уносит
с заходом солнца часть твоей души.

Жура ФОЗИЛ

переводы

ДОЛГОЖДАНАЯ ВЕСНА

Рассказы

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

...Из-за активных боевых действий полк, в котором служил Арслан, часто менял свое расположение, в результате чего письма, шедшие с фронта и обратно, не всегда доходили до адресатов. Несмотря на это, 2 мая 1945 года Арслан снова написал письмо Сохире. <...> Никто и представить не мог, что фашистская Германия капитулирует в этот день...

«Моя прекрасная Сохира! Мгновения встречи всё ближе. Фашисты капитулируют сегодня-завтра! Как только распишусь на стене Рейхстага – сразу полечу к тебе...»

Перевод с узбекского Артёма ГОРОХОВА

впервые в «звезде востока»

Андрей ФУРСОВ

Песни пробужденья

Ночь, звезды, пение сверчка,
Ты, я и листьев шорох.
В моей руке твоя рука –
Так невесома, так легка...
Твой образ мне так дорог!
Нет слов – лишь мысли и глаза,
И поцелуев шепот,
Слезинок на щеках роса
И сердца тихий грохот...

караван истории

Кодиржон НОСИРОВ

СМЫСЛ ЖИЗНИ – В БЕССМЕРТИИ...

К 100-летию профессора Т. Х. Хамидовой

...Основной проблемой литературоведческих трудов Т. Хамидовой являются русско-узбекские литературные связи, изучение вопросов взаимовлияния русской и узбекской литературы...

Мало известной даже коллегам была другая сфера деятельности Турсуной Хакимовны – сочинение стихов...

Т. Х. Хамидова <...> казалось, любила жизнь так, что не могла <...> допустить мысли о смерти. А вот читаешь такие стихи ее, и видишь перед собой другого человека <...>:

Прелесть жизни в многоцветии,
Смысл ее в бессмертии.

к 80-летию со дня рождения

Хабибулло ФАЙЗУЛЛО

Биение сердца

...Губы жаждут стихов,
и глаза ищут встречи с твоими.
Между двух берегов
я твержу незабвенное имя.

И бегут, как во сне,
незапамятной музыки звуки,
Чтобы в каждой струне
отозвалось предвестье разлуки.

Перевод с таджикского Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Сабит МАДАЛИЕВ. Умрите прежде, чем умрете. <i>Из неопубликованной книги</i>	5
Александра СПИРИДОНОВА. Под кроной любви, у корней одиночества	8
Олег ДАНИЕЛЯН. Ритмы прошлого	63

ПРОЗА

Станислав ВОСТОКОВ. Деревенька. <i>Литературные миниатюры</i>	12
Рахимжан СУЛТАНОВ. В память об учителе. <i>Очерк</i>	38
Роман ВОЛИКОВ. Шаббо. <i>Рассказ</i>	98

ВПЕРВЫЕ В «ЗВЕЗДЕ ВОСТОКА»

Андрей ФУРСОВ. Песни пробужденья	19
Сурат ШАРАФУТДИНОВ. Последняя осень. <i>Рассказ</i>	91

ЮБИЛЯРЫ

Альбина МАРКЕВИЧ. «Живем так далеко, но в рифму». <i>Фрагменты книги</i>	23
Ирина ПАРАМОНОВА. «Жива я памятью и делом»	29
София ФАЙЗИЕВА. Солнечный дождь	32
Людмила САДЫКОВА. Воплощенные образы	36

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Хабибулло ФАЙЗУЛЛО. Биение сердца. Перевод с таджикского Михаила Синельникова	41
Нурмад ШАМСОВ. Ушел молодым... ..	47

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Тимур ГУЛЯМОВ. Роднее крови, текущей по жилам. <i>Рассказ</i> ..	66
Надир ШАМУХАМЕДОВ. Живая память	85

ПЕРЕВОДЫ

Жура ФОЗИЛ. Долгожданная весна. <i>Рассказы</i> . Перевод с узбекского Артёма Горохова	49
Эргаш МУХАММАД. Дыхание весны и солнечного мира. Перевод с узбекского В. Коркии, О. Шевчук, Е. Блажеевского, Е. Бершина, А. Федотова	86
Дурбек КУЛДАШЕВ. Путь в Самарканд. <i>Повесть</i> . Перевод с узбекского автора и Камилджана Джураева	107

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Алина КУТЛУЧУРИНА. К вопросу о новых формах национального в композиторском творчестве	123
Татьяна ФАДЕЕВА. Художественная интерпретация образов А. Навои	130
Зульфия МУРАДОВА. Аския в зеркале композиторского творчества	138

КАРАВАН ИСТОРИИ

Умеда СУЛТОНОВА. От свитков до соцсетей: об истории межкультурной коммуникации	127
Кодиржон НОСИРОВ. Смысл жизни – в бессмертии... ..	134

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Виктор СУХАНОВ. А. Навои – А. С. Пушкин: идейно-тематические параллели	141
Камила НАБИЕВА. Хронотоп школы в повести А. Битова «Уроки Армении»	145
Антонина ИПЛИНА. Роль лексем-символов в художественном произведении	149

На 2-й, 3-й стр. обложки – рисунки поэта Софии Файзиевой,
на 4-й стр. – композиция из инсталляции художника Татьяны Фадеевой.

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

2025, № 3

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати
и информации
Рег. № 0296
05.02.2016 г.

Адрес редакции:

100066, г. Ташкент, пр. Бунёкор,
Адиблар хиёбони, здание
Союза писателей Узбекистана.

Тел.: (71) 231-23-67

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
zvezdavostokazv@umail.uz

Web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Елена ЮРЧЕНКО

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п. л. 13,3. Уч. изд. л. 14,86.

Тираж 400 экз. Заказ № 13

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ООО «PRINT REBEL»

г. Ташкент, Алмазарский р-н,

ул. Уразбаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе,
объемом **не более 50 страниц**.
Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.

**Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.**

Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

**Перепечатка без согласия редакции
не допускается.**

**Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.**

Copyright © «Звезда Востока»

Умрите прежде, чем умрете

Из неопубликованной книги

Сабит МАДАЛИЕВ

Без тебя годами кажутся мгновенья

*Закрой глаза, влюбись, останься там.
Джалалиддин Руми*

* * *

Я смирюсь, примирюсь с неизбежностью
раствориться, исчезнуть в безбрежности
мироздания, когда в моем сердце
для любви не останется нежности.

* * *

Еще фонари вдоль дороги горят,
но рассвет осветил занавесок края.
Прежде чем ты улыбнулась губами,
душа улыбнуться успела моя.

* * *

Мне слезы твои что вселенский потоп –
то жар нестерпимый, то снова озноб.
Я думал, любовь – это тихая, тихая радость,
а это и радость, и долгая, долгая скорбь.

* * *

С ней всё непредсказуемо. Давно
красивой жизни хочет, как в кино.
Другой бы разлюбил ее, быть может,
но мне такой печали не дано.

Сабит МАДАЛИЕВ – поэт, прозаик, переводчик, публицист. Родился в 1949 г. в Джамбуле. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. В 1991 – 1996 гг. был главным редактором журнала «Звезда Востока». Автор сборников стихов «Время цветения персика», «Поющие пески», «Марафон», «Восхождение», «И полыхает солнце», «Июльский воздух опаляет дух», «Рубай» и др., множества публикаций в журналах и альманахах. Член международной академии «Евразия». Участник I-III и VI ташкентских международных фестивалей поэзии. Живет в Ташкенте.

* * *

В тягость лето холодное, встречный
шквальный ветер крепчает под вечер,
но на сердце светло по-весеннему,
если любишь до боли сердечной.

* * *

Взбираюсь поздней осенью на крышу
и, запрокинув голову повыше,
смотрю на небеса, но без тебя
я даже неба над собой не вижу.

* * *

Свои законы у любви и счет –
сполна страдающим однажды воздаст.
Закрой лицо ладонями, послушай,
с каким надрывом соловей поет.

* * *

Под вечер чай я на плите согрею,
на даче в одиночестве старею,
всё валится из рук, мне без тебя
уже годами кажутся мгновенья.

* * *

О род мужской, я согласиться рад –
пред женщиной всегда ты виноват.
Хранить молчанье с ней – себе дороже,
но говорить – дороже во сто крат.

* * *

Печаль слетит прощально с губ –
уйдешь однажды в неба глубь.
Но улыбнешься, тихо вспомнив,
что будет мир всё так же глуп.

* * *

Кто пламя женских бедер возлюбил,
тот в страсти мимолетной погубил
надежды на спасенье в вечном мире
и в пламя ада душу опустил.

* * *

Не оставляйте женщину одну –
грех не берите лишний и вину
за одиночество немое, – в преисподней
придется вам в слезах ее тонуть.

* * *

Над берегом, где созерцанье стынет,
где шум воды под сердце бьет навывлет,
теченье принесет воспоминанье,
и снова боль любви меня не минет.

* * *

Речная гладь подернулась свинцом,
но стали вновь холодных дней венцом
текушая вода, трава зеленая
и женщины прекрасное лицо.

* * *

Сижу я у остывшего тандыра.
Под этим небом холодно и сиро.
Впустил я в душу позднюю любовь,
а оказалось, все печали мира.

Не дано нам жизнь предугадать

* * *

На мне одежда старая обвисла,
согнулись плечи словно коромысло.
Всё то, что дальше сердца моего,
Вдруг, оказалось, не имеет смысла.

* * *

Воздушный шар раздут от самомнения,
он самолюбования жалкий пленник,
но, чтоб на землю опустить его,
достаточно иглы прикосновения.

* * *

Меж пальцев мерно сыплется песок,
влюбленный в Бога слаб и одинок.
Ты на другом осталась берегу,
лишь белый мне запомнился платок.

* * *

Едва ли вы моим словам поверите,
но даже в сумасшедшей круговерти
спит большинство людей, и так их много –
тех, кто проснется только после смерти.

* * *

Всего два года надо, чтоб начать
слова ребенку сладко лепетать,
но только, Боже, жизни не хватает,
чтоб научиться, наконец, молчать.

* * *

Вполне мы были счастливы вначале,
но с горечью убытки подсчитали, –
мы радостно въезжали на базар,
с базара возвращаемся в печали.

* * *

Язык болтливый, наконец, уйми,
представь себя среди глухонемых.
Лучше хранить молчанье с небесами,
чем ни о чем беседовать с людьми.

* * *

Нам не дано за небеса решать,
пустое дело – жизнь предугадать.
Всё будет так, как Бог того захочет,
а как захочет Он – тебе не знать.

* * *

Как нищий, собирающий гроши,
поймешь однажды ты в ночной тиши,
что каждый день безжалостно уносит
с заходом солнца часть твоей души.

* * *

Одною мыслью каждый опален,
что в этой жизни недооценен,
и, даже вознесенный, он считает,
что большего заслуживает он.

ПОД КРОНОЙ ЛЮБВИ, У КОРНЕЙ ОДИНОЧЕСТВА

Прозрачный камешек упал на дно горной реки и лежит одиноко, вдали от жизнелюба-галечника, шумно-яркого, плотно сбитого, такого уверенного, что всё в этом мире правильно: река течет правильно, трава растет правильно, он, галечник, лежит ровно, значит, правильно. А прозрачный камешек, почти не видный в прозрачной воде, тих и спокоен, но только он знает все изгибы русла, по которому незаметно путешествует от истоков к устью реки. Вот задержался ненадолго здесь, у старого дерева. Ива, несмотря на почтеннейший возраст, вся в цвету, сережками укутана, словно бархатной золотистой шалью. В ее складках сыто жужжат пчелы. Пахнет медом, светом, покоем и одиночеством. Мир отсюда представляется маленьким, словно жужжащая пчела, а дерево – огромным, словно весь мир. Ива у подножия Кураминского хребта, посаженная, как говорят, столетий десять тому странствующим дервишем по прозвищу Мусафир ота, незаметна на фоне гор. Не зная тропинки, не слышав местных легенд, ее и не заметишь, пройдешь мимо. Более прямая, удобная дорога непременно уведет в сторону. Но, если однажды ты увидел дерево загадочного странника, будешь возвращаться при каждой возможности, и всегда найдутся люди, которые, если их спросить, укажут тропу. Дерево незаметно и одновременно известно. Одиноко – и всегда обитаемо, обжито пчелами, жуками, птицами. Бесконечно старо и каждую весну молодо. Скручено, в узлы завязано ветром и временем, при этом могуче и до сих пор вполне жизнеспособно.

Таким деревом, которое посадила рука дервиша, представляются мне рубаи поэта, эссеиста и переводчика Сабита Мадалиева. Я не могу посмотреть на его стихи глазами поэта, зато вполне могу сделать это с точки зрения читателя. Поскольку же любое художественное произведение предназначено не только для литераторов, но и в большей степени для всех людей, ценящих красоту смысла и смысл красоты, то мнение читателя становится не таким уж неуместным.

Прозрачный камешек на дне реки

На дне горных речек порой можно найти совершенно прозрачные камни. То ли кварц, то ли горный хрусталь. Попадают они редко и всегда неожиданно, но такие неожиданные находки почти невозможны без определенных знаний (где искать) и усилий (для начала хотя бы войти в реку). На такие камешки, будто ставшие частью потока, похожи рубаи Сабита Мадалиева. Им свойственна прозрачность чувств, мысли и – смысла. Цели, ради которой стихи приходят к поэту, а через него к читателю.

Я смирюсь, примирюсь с неизбежностью
раствориться, исчезнуть в безбрежности
мироздания, когда в моем сердце
для любви не останется нежности.

Парадокс поэзии в том, что она, будучи текстом, способна, как и музыка, выразить смысл вне- и надтекстовый. Особенно ярко эта способность проявляется там, где подобное выражение имеет давнюю традицию. Следовать

традиции непросто. Гармонично наполнить своим видением мира форму, существовавшую за много веков до тебя, не сфальшивив, не иссушив подражанием живость и свежесть чувств – задача, за которую в наши дни мало кто берется. Проще укрыться в тени свободного стиха или ритмизованной прозы. Проще, в конце концов, придумать что-то свое (или настаивать на том, что оно свое). Век социальных сетей и бесчисленных блогов предлагает все возможные варианты игры с текстом, а нам как будто интереснее следить за игрой, чем пытаться вернуть себя к литературной традиции.

Однако как раз облегчать себе жизнь поэт и не думает. Стихотворения Сабита Мадалиева написаны в традиционном жанре рубай, который легок для запоминания, но требует от пишущего буквально уложить мироздание в песчинку. Всего четыре строки, за которыми – весь путь человеческой души в поисках той единственной, высшей цели, которая только и может называться целью. Мы привыкли смотреть на рубай как на «легкий» жанр, поэзию беспечных жизнелюбков, воспевающих красавиц и вино, забывая – или даже не подозревая, – что тот же Хайям, которого так охотно цитируют по любому поводу, вкладывал в свои четверостишия совсем другой смысл. Опыаненность любовью – суфийская символика, метафора извечной тяги души к Богу и образ человека, тягу эту осуществившего в своей жизни. Рубай – не про земные удовольствия, а про духовный свет, в котором растворяется любое довольство (или недовольство) земным, в котором исчезают все маски, спадают все покровы и остается невыразимая красота насквозь пронизанной божественным сиянием души. Рубай – пересказ мистического учения и изложение внутреннего опыта, многотомный трактат и многолетняя молитвенная практика, сжатые до четырех зарифмованных строчек. Будем ли по-прежнему считать это «легким» чтением для досуга?

Возвращение к традиции – не шаг назад или в сторону в поэзии XXI века, скорее, это попытка вернуть приоритет смысла над формой (точный смысл для С. Мадалиева важнее отточенной рифмы) и мысли над впечатлениями.

Я шел пустыней, вся округа выжжена,
о дальней жизни думал я, о ближней
и плакал, неизвестно отчего,
лишь приближение смерти учит жизни.

Форма при этом сохраняет притягательную музыкальную прозрачность. Рубай С. Мадалиева звучат. Мелодия, сыгранная в четыре строки. Тем более выразительная, что мы слышим ее напрямую от автора, не в переводе. Рубай написаны на русском языке, нашим современником – и реалии нашей общей жизни читатель будет находить в сборнике неоднократно, – но выдержана в русле духовной поэзии Востока, за которой – многие сотни лет.

Одинокое дерево у подножия гор

Деревья, подобные тому, с которого я начала свой разговор, часто встречаются в горах Узбекистана. О них рассказывают удивительные истории, к ним приходят, чтобы помолиться вдали от шума и забот. Добраться до такого дерева сложно – требуется преодолеть немалые расстояния и непредсказуемые горные дороги. Потому и приходят чаще всего в одиночку и никогда – большими компаниями.

Образ дерева в Кураминских горах для меня отныне навсегда связан с образом автора, выбравшего своим ориентиром канон духовной литературы.

Что порождает известную «вилку». Несомненно, вне канона любой разговор о Боге, душе и поиске высшей цели утрачивает множество смысловых оттенков. В то же время следование канону приводит к неизбежной проблеме сужения аудитории и творческого одиночества.

Духовная поэтическая традиция Востока на русском языке явление настолько уникальное, что само по себе является доводом в пользу этого выбора. Но как раз решимость автора не идти на компромиссы в диалоге с читателем создает вполне предсказуемую проблему. Насколько широка аудитория такой поэзии сегодня? Как много тех, кто откликнется на такие, например, строки:

У моря на затерянном причале,
где брошенные лодки увенчали
тшету земную, я в слезах пойму –
тот неживой, кто не живет в печали.

Сам автор убежден, что его поэзия будет понята и принята читателями, которые сами пережили духовный опыт и не слишком пекутся о земном. Возможно, он прав. А возможно и другое: стихи «заговорят» с человеком, независимо от его погруженности в мирские заботы. Ведь вся поэзия Сабита Мадалиева глубоко человечна. Это рассказ о тайне любви, вмещающей весь мир и заставляющей чувствовать ответственность за всё, в нем происходящее. Повесть об одиночестве, на которое обречен всякий, кто ищет смысл больший, чем простое повседневное существование. Наблюдение за печалью человека, сумевшего, наконец, остаться наедине с собой.

Ничто так сильно за тебя не молит,
не причиняет сердцу столько боли,
как собственной души твоей нужда,
надломленность ее в земной юдоли.

Кто из нас хотя бы единожды не испытал подобное состояние. Рубаи Сабита Мадалиева обращены одновременно и к «посвященным», следующим учению суфиев, и к «мирянам», которые никакому учению не следуют, но чувствуют внутреннюю неудовлетворенность и стремление найти что-то большее, чем привычные ценности в виде благополучия и престижа. Первые откликнутся на обращения к Богу, сокровенные переживания души во время молитвы, размышления об ограниченности человека и беспредельности божественной благодати. Вторые заметят и оценят тонкую, цвето- и светопись стиха, когда образы возникают перед взором читателя так же ясно и четко, как если бы это были кадры из неспешного, по-философски созерцательного фильма.

Я видел, как подкрадывались дети
к стрекозам на кустах, и так был светел
стеклянных крыльев над поляной звон,
что я невольно позабыл о смерти.

Речная вода, тучи над степью, потоки дождя, ночная буря – поэзия С. Мадалиева подвижна, сама подобна горному саю или облакам, образным строем своим говоря читателю поверх слов об изменчивости и краткости жизни. И о том, насколько мы тотально не готовы к встрече с вечностью. В ней нет безмятежного спокойствия китайских и японских поэтов, хотя есть медитативность, и порой

при чтении на ум приходят ассоциации с Ван Вэем или Сайге. Но это, скорее, то глубинное, что объединяет всю восточную поэзию, которая никогда не бывает только про чувство или впечатление, но всегда – про поиск абсолютного начала, Истины с большой буквы. Если же говорить о чувствах, то главные для автора, пожалуй, боль и счастье. Парадоксально, да? Поэт постоянно испытывает боль – за чужие страдания и собственное несовершенство, но, читая, понимаешь, что автору выпало счастье подлинной любви – той бескорыстной, духовной, высшей любви, которая одна только и способна вместить в себя все печали мира. Болью и счастьем духовно светлого и душевно чуткого человека он делится со своим читателем, как делятся в дороге лепешкой и глотком воды. И стихи приобретают ценность хлеба, воды, солнца – тех простых основ, на которых держится жизнь. Рубаи Сабита Мадалиева – не десерт, который подают в ресторане, они – про основное, хлеб и воду человеческой души. Вот так же прост и основателен и одновременно сложен и утончен мир цветущей в горах ивы.

Путник в тени дерева (в завершение разговора)

У корней старого дерева сидит человек. Он пришел издалека, и впереди у него такой же дальний путь. Но вот сейчас, здесь, он может позволить себе передышку. Среди золотых ивовых сережек жужжат пчелы, где-то звенит тонкоклювый жаворонок, мчится по своей тысячелетней беговой дорожке горная речка. Тишина. Покой. Одиночество.

Я на холм поднимаюсь, где безбрежен простор,
брошу вниз на долину блуждающий взор,
мне всё больше теперь одиночества хочется
неприметной сосны у подножия гор.

Но ни дерево, ни человек не останутся неприметными. К дереву будут приходить другие путники, а человека ждут новые встречи. К автору этих стихов уже приходят новые рубаи, и, хочется верить, будут новые книги, в которых читатели узнают в лирическом герое самих себя или откроют себя заново. Надеясь, веря и неожиданно обнаруживая, что смахивают набежавшую слезу – не от избытка сентиментальности, а от неожиданно подступившего чувства огромной, не вмещающейся в сердце любви, о которой мы не умеем сказать. Но о которой за нас сказал поэт.

Свои законы у любви и счет –
сполна страдающим однажды воздаст.
Закрой лицо ладонями, послушай,
с каким надрывом соловей поет.

Александра СПИРИДОНОВА

Александра СПИРИДОНОВА родилась в 1963 г. в Пензе. Окончила факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Работала в ряде печатных изданий Узбекистана. Публиковалась в республиканских СМИ, журналах «Звезда Востока», «Автолам», «Эпоха». Автор книги рассказов «Кошка на ветке».

ДЕРЕВЕНЬКА

Литературные миниатюры

Станислав ВОСТОКОВ

КОТ В ВЕДРЕ

Из окна моей комнаты хорошо виден соседский огород, принадлежащий деду по имени Митрич. Огород этот был самый обычный – березы, черноплодка, грядки с клубникой. Одно в нем удивляло – висящее на березе ведро. Вставая утром с кровати и ложась спать, я всегда хорошо видел его в окно и поневоле гадал над смыслом этого ведра.

Как-то я окликнул Митрича через забор:

– Для чего же у тебя на березе висит ведро? Какой в нем смысл?

– Самый простой, – Митрич поставил на землю лейку, из которой поливал клубнику. – Это ведро для кота.

– Как это?! – удивился я.

– Ну, знаешь, скворцы живут в скворечнике? А у меня кот – в ведре.

– Ладно шутить!

– Делать мне нечего! У меня вон клубника не полита, какие тут шутки!

Я покосился на ведро. Никаких признаков кота оно не подавало и висело, как самое обычное ведро.

– Почему же я тогда этого кота ни разу не видел?

– Потому что он только ночью из ведра выходит, а днем там спит.

– Тогда стукни в ведро, пусть покажется!

– Вот еще – «стукни»! Пусть спит. Чего его зря беспокоить.

В ту ночь я решил обязательно увидеть необычного кота. Сел около окна и стал наблюдать.

Вскоре вышла луна, осветив висящее на суку ведро. Отражая лунный свет, оно сияло мощно, как фонарь.

Полчаса я глядел на этот фонарь, час глядел. Наконец, вместо одного ведра мне стало мерещиться два, а потом, что всё дерево увешано ведрами, как елка игрушками. Вдруг смотрю: ведро зашевелилось! Оттуда вылез огромный серый котик, выгнув спину и стал кору с дерева драть. Потом зевнул, расправил генеральские усы и пошел куда-то по своим кошачьим делам.

Станислав ВОСТОКОВ родился в 1975 г. в Ташкенте. Окончил Ташкентское художественное училище им. П. П. Бенькова по специальности «Театрально-декорационное искусство». Художник, детский писатель, переводчик, поэт. Работал в Ташкентском и Московском зоопарках, во ВНИИ охраны природы. Автор романа «Специалист по руконожкам. Остров, одетый в джерси» (2011), книги «Московский зоопарк. Рассказы служителя» (2004), переизданной под названием «Не кормить и не дразнить!» (2010).

Взглянув еще раз на удивительное ведро, я стал укладываться в кровать. А засыпая, подумал: «Как же он там спит во время дождя? Или в ведре дырка?»

КОРОМЫСЛО

Стали в нашем колодце ведра тонуть, и пошел слух, будто их водяной топит.

– Сама видела! – божилась Анна Петровна. – Сидит на дне, рожа будто ведро, а лапы как коромысло!

– Да это, наверное, и есть коромысло! – смеется Митрич. – За ведра цепляется и отрывает. Надо его из колодца вынуть.

– Да как же ты его вынешь, батюшка? – удивляется Анна Петровна.

– А вот я сейчас в колодец слажу, – вызвался косарь Костя Ковригин, – у меня руки крепкие! Главное, чтоб цепь не порвалась.

– Молодец, – говорит Митрич. – Только сапоги сначаланими. Нам эту воду пить.

– Вот еще! Небось не отравитесь, – отмахнулся Костя и стал по цепи в колодец спускаться.

– Ну, как там дела, Кость? – спрашивает Митрич сверху.

– Ничего, – отвечает Костя. – Только малек прохладно!

– Ты, чтобы не упасть, – учит Митрич, – ногами в одну стену упирайся, а спиной в другую.

– Упрешься тут, – пытит из колодца Костя, – все бревна скользкие!

Тут что-то брякнуло – и Ковригин в воду бултых!

– Костя! – кричит Митрич. – Ты что, упал, что ли?

– Ага! – отвечает Ковригин со дна. – Цепь порвалась, елки-палки!

– Так, может, тебя спасать?

– Не надо, тут неглубоко.

– А коромысло там есть?

– Есть! – кричит Костя. – И ведер полно. Несите веревку, вынимать будете!

Принесли веревку, кинули Косте. Стал он ведра привязывать, а мы поднимать. И чего только оттуда не вытащили! И ведра там были, и тазики, и кружки, и даже старый ржавый самовар.

– Кто же это, интересно, по воду с самоваром ходил? – удивляется Митрич. – Ладно, возьму себе, может, починить получится. Ну что там, всё, что ли?

– Теперь меня тащите!

Костю поднимать оказалось труднее всего. Потому что он куда тяжелее самовара был. Да еще в руках держал старое почерневшее коромысло.

– Вот он, твой водяной, – сказал Ковригин, вручая свой улов Анне Петровне. – Ведра вот за эти крючки цеплялись и отрывались.

Посмотрела Анна Петровна на Костину добычу и ахнула.

– Батюшки! Да это же мое коромысло! Я его лет восемь назад обронил! Да потом и забыла!

– Гляди больше не роняй, – говорит Костя строго. – Я туда снова не полезу! Сапог утопил из-за него!

Смотрим, а у Ковригина и правда одна нога босая.

– Как же тебя угораздило? – удивляется Анна Петровна.

– Уронил, когда вылезал, – вздыхает Костя. – Придется теперь новый покупать. Не знаете, левые сапоги по отдельности продают?

– Сказал тоже! – отвечает Митрич. – А правые они куда денут? Ну, ладно, есть у меня лишняя пара. Одолжу пока.

Потом стали определять, где чьи ведра. Четыре ведра быстро признали хозяева, а два оказались ничьими, и их Косте подарили в качестве премии и как вознаграждение за утраченный сапог. Но больше всех, конечно, Митричу повезло. Во-первых, самовар ему достался двухведерный, а во-вторых, Костя ему свой непарный сапог отдал, и Митрич его угли в самоваре раздуть приспособил. У хорошего-то хозяина всё в дело пойдет!

СОЛОВЕЙ

Я уже собирался спать, когда в окно постучал Митрич.

– Не спишь? – спросил он.

– Нет, – говорю, – а что?

– Идем ко мне, кое-что покажу.

– Да поздно уже.

– Идем, идем, не пожалеешь!

– Ну ладно, сейчас выйду.

Я оделся и тихонько, чтобы не разбудить Анну Петровну, вышел на крыльцо. По огороду стелился плотный белый туман. Из-за этого мне показалось, что Митрич стоит по колено в молочной реке.

Мы поздоровались и через туманную реку побрели на соседний двор.

– Ну, сейчас удивишься! – потирает руки Митрич. – Заходи в баню!

– Зачем это?

– Заходи, заходи, только не шуми. А то спугнешь.

Зашли мы в старую, покосившуюся баньку и сели на полоч. Минуту сидим в темноте, другую. Ничего удивительного вроде не происходит. В стене, правда, что-то шуршит. Но это неудивительно. Мыши, наверное, дерево грызут. А мне к тому же спать хочется. Привалился спиной к стене. Вдруг чувствую, Митрич в бок толкает.

– Не спи! Всё удивление проспидишь!

– А долго еще, – спрашиваю, – ждать?

– Потерпи! – шипит Митрич. – Дай ему настроиться!

– Кому же?

Тут в темноте что-то шелкнуло, а потом цвинькнуло. Я от неожиданности даже с лавочки вскочил. Чего это там цвинькает? Неужели мыши? И вдруг вокруг зажурчало, зацокало, заклекотало! Я сначала не понял, что это. А потом догадался: соловей поет! Да как громко! Вся баня звенела от соловьиного пения. Оно доносилось отовсюду: из печи, из углов, из кадушек и даже из сапог Митрича, которые он оставил у входа.

Я заворочал головой, пытаюсь разглядеть певца.

– Он в трубе сидит, – шепчет Митрич, – а печь усиливает звук, вот и выходит так громко.

Поняв, что к чему, я бросил вертеть головой и стал слушать. А соловей всё звенел и звенел, завораживая нас своей песней.

С каждой минутой она набирала силу, ширилась, как полноводная река. Казалось, вот-вот смочит нас с Митричем с темных полатей и понесет в далекие сказочные северные леса.

– Консерватория! – шепчет Митрич. – Большой театр!

Наконец, через полчаса соловей затих, и мы потихоньку выбрались наружу. Туман стал еще плотнее, и теперь банька напоминала плывущий по морю пароходик.

– Да! – сказал я, приходя в себя, – повезло тебе. У нас соловьи в трубах не селятся.

– Подумаешь, – ответил Митрич, – приходи хоть каждую ночь да слушай!

Я посмотрел на освещенную луной трубу.

– Где же он там всё-таки сидит?

– Он не в самой трубе, а под козырьком, – говорит Митрич, – вроде как в кустах. И прямо в трубу поет.

– Ну дела! Тебе теперь можно билеты на соловья продавать.

– Точно, – кивает Митрич, – а вам с Анной Петровной вход бесплатный по старому знакомству.

За месяц, пока соловей в трубе пел, у Митрича в бане полдеревни перебывало. А он за это ко всем по очереди ходил мыться. Свою-то баню он из-за соловья целый месяц топить не мог.

ДУБ

По Смоленской дороге проходил Наполеон. Говорят, даже заходил в нашу деревню.

– Вот под тем деревом стоял, – Анна Петровна указала из-за забора на старый дуб в три обхвата, – вот так, – она скрестила руки на груди, – стоял, на Москву глядел.

– А чего глядел-то?

– Смотрел, с какой стороны лучше захватывать.

– Надо же, как интересно, – сказал я и стал дальше сухую яблоню пилить.

Один раз поздним вечером прохожу мимо этого дуба. Вдруг вижу под его ветвями прислонившегося к стволу человека в грязноватом пиджаке, серых брюках и сапогах.

– Не подскажешь, который час? – спросил он глухим голосом.

– Часов одиннадцать, – ответил я.

– Ну спасибо!

Я остановился, разглядывая незнакомца. Раньше я его тут вроде не видел.

– Прямо как Наполеон.

– Чего? – удивился человек.

– Ты не тутошний, что ли? – догадался я.

– Не, я тамошний, – он показал рукой куда-то за спину.

– Говорят, под этим дубом Наполеон стоял.

Мой собеседник помолчал, раздумывая.

– Не, Наполеон под ним не стоял, – ответил он вдруг.

Я удивленно посмотрел на незнакомца, скрытого в тени дубовых ветвей.

– Он у нас под деревом стоял.

– Где это «у вас»? – не понял я.

– В Подушкино. Наше дерево даже по телевизору показывали.

Я бросил взгляд мимо дуба на шоссе, где проносились редкие машины. Там за дорогой и находилось Подушкино вместе с деревом, которым теперь передо мной козырял тамошний человек.

– Вот как? – рассердился я. – Значит, у вас он стоял, а у нас нет?

– Выходит, что так, – незнакомец растерянно развел руками.

– А если так, – распалился я, – то и тебе нечего тут стоять! Иди отсюда под свое дерево!

Я развернулся, собираясь уйти, но человек меня остановил.

- Да ты что, обиделся, что ли?
- Вот еще, – недовольно двинул я плечами. – Просто болтаешь, не знаешь что. Мы минуту постояли в тишине.
- Слушай, – сказал он, – я вот что подумал. В конце концов, он мог и под нашим, и под вашим деревом стоять. Ведь верно?
- Я молчал, не желая сразу прощать обиду, нанесенную нашему дубу.
- Постоял под нашим, а потом пошел под вашим постоял, – толковал тамошний человек. – Ну как, согласен?
- Из тени ко мне вытянулась его рука, освещенная луной. Рука была исполнена раскаяния и надежды на примирение.
- Ну, может быть, – нехотя согласился я и пожал тамошнюю руку своей тутошней ладонью, – только кажется мне, под нашим он стоял чуть дольше. Отсюда же Москву лучше видно.
- Я не возражаю, – согласился тамошний человек. – Может, он и еще под каким деревом стоял. Только мы об этом не знаем.
- Мы помолчали, глядя, как над нашими головами ветер шевелит тяжелые ветви.
- Ну ладно, – сказал я, – мне пора.
- Так я еще тут постою? – осторожно спросил мой собеседник.
- Какой разговор, – ответил я. – Только дерево больше не обижай.
- Не буду, не буду.
- Я уже отошел довольно далеко, когда он вдруг окликнул меня:
- Слышь! И ты приходи под нашим деревом постоять! Завтра приходи!
- Приду, – махнул я ему рукой, – обязательно приду!

ЛОСЬ

Ночью из лесу зашел в деревню лось. Походил по улице, свернул в заросший крапивой переулок и забрел во двор к Анне Петровне. Попил воды из бочки для полива, пожевал висящее на веревке белье, лизнул стоящую у крыльца лопату. Потом сунул голову в окно и стал есть из кастрюли кашу, зачерпывая ее длинным языком. Съел кашу, принялся за буханку хлеба.

Вдруг случайно задел рогом чайник. Тот упал, покатылся по полу. Лось испугался, хотел убежать – а рога не пускают. Застрял!

Утром Анна Петровна проснулась, вышла на кухню. Глядь – в окне лось!

Сперва схватила скалку, но потом жалко ей стало лося. Побежала за Митричем.

- Митрич, – кричит, – идем быстрее ко мне! У меня в окне лось застрял! Митрич спросонья ничего понять не может.
- Ты что, – говорит, зевая, – какой лось?
- Рогатый! Башку сунул на кухню, а вылезти не может!
- Пришел Митрич к Анне Петровне, глядит – и в самом деле лось.
- Ну и ну! – говорит. – Как же его отсюда вынимать?
- Уж не знаю как, – а только вынь его, Митрич. Что ж мне всю жизнь с этим лосем жить?
- Митрич ходит вокруг лося, не знает, с какой стороны к нему подступиться.
- А может, пусть живет? – говорит он. – Смотри, какие рога! Будешь на них белье вешать мокрое или полотенца.
- Глупости говоришь! – сердится Анна Петровна. – Вынимай животное!
- Ну ладно, – согласился Митрич. – Попробуем.

Принес пилу и стал осторожно оконную перекладину пилить. Лось стоит смиренно, только ушами дергает. Не нравится, как пила жужжит. Наконец, выпилил Митрич перекладину и вытолкал лося наружу.

Лось стоит посреди двора, а на роге занавеска висит голубенькая.

– Слышь, Митрич, занавеску-тоними с него! Чем я окно занавешивать буду?

Митрич пошел к лосю:

– Гули-гули-гули, кис-кис-кис, – лося подманивает, а тот от него пятится.

Дошел до калитки, развернулся и в лес побежал, только копыта мелькают.

– Стой! – кричит Анна Петровна. – Занавеску отдай!

Побежала было за ним, да куда там! Лось уже и след простыл.

– Занавеска – это ничего, – говорил Митрич, прибывая назад перекладину, – это потеря небольшая. Вот зашел бы ко мне, всю клубнику сожрал бы!

Этого лося потом много раз в лесу видели. Так он и ходил с занавеской, пока старые рога не сбросил.

БРАТ-ЗОЛОТЫЕ РУКИ

У Митрича три брата – в Костроме, Ярославле и еще где-то, только я забыл где.

Приехал как-то к Митричу Ярославский брат, и Митрич прямо с автобуса повел его к нам знакомиться.

– Вот он, мой брательник! – говорит, ласково обнимая брата. – У него золотые руки! Что хочешь может этими руками сделать! Хочешь, Петровна, он тебе табуретку сделает?

– Да что ты! – отвечает Анна Петровна. – Человек с дороги не отдохнул, а ты его табуретки делать налаживаешь.

– Ты моего брата не знаешь! – кипит Митрич. – У него весь отдых в работе! Делает тебе, допустим, табуретку или тумбочку, а сам отдыхает. Верно я говорю, брательник?

– Так-то оно так, – сомневается Ярославский брат, – да вот я на речку хотел сходить, покупаться. И за грибами в лес. Ты говорил, у вас лисичек много. У нас-то в Ярославле одни грузди.

– Обязательно сходим! – кричит Митрич. – Вот сделаешь Петровне табуретку, сразу пойдем за грибами, а потом купаться. У нас речка хорошая, чистая, все камешки на дне видно! Ну, Петровна, где у тебя гвозди-то?

Брат у Митрича и правда работает хорошо. Набрал деревяшек во дворе у Анны Петровны, взял у Митрича рубанок и за час сделал крепкую, ладную табуретку.

– Ну спасибо, Петровна, – кланяется Митрич, – за чай, за пирог. Теперь пойду брата с Ковригиным знакомить.

– Да за что же спасибо? – удивляется Анна Петровна. – Твой родственник даже пирога не поел, только чашку чаю и выпил.

– Это ничего. Для него главное – работа. Он, когда работает, ни о какой еде думать не может. Верно, брательник?

– Так-то оно так, – сомневается Ярославский брат, – да только пирога бы неплохо покушать.

Но Митрич его уже к двери ташит.

– Идем, идем! У Кости, наверное, ши готовы! У него такие ши, каких в Ярославле сроду не бывает!

И идут Митрич с братом к Косте. Но у Ковригина оказалась коса погнутой, и, пока все ши ели, брат-золотые руки ее выпрямлял и точил.

Так и пошло. Целую неделю он по разным домам ковал, тесал и прилаживал, а Митрич только нахваливал своего родственника да за двоих ши с пирогами ел.

Наконец, пришла пора брату уезжать обратно в Ярославль.

– Жалко, на речку не сходил, – вздыхал он, забираясь в автобус, – лисичек не набрал.

– Да что лисички, мелочь! – машет руками Митрич. – И река у нас обычная! А вот у вас в Ярославле небось Волга! Мать рек русских!

А вечером Митрич пришел к нам, сел на новую табуретку и говорит:

– На будущий год ко мне из Костромы собирается другой брат – электрик. Так он тебе, Петровна, новый счетчик поставит!

ГРОЗА

Июньским вечером случилась сильная гроза. Мы с Анной Петровной ужинали кашей. Вдруг что-то вспыхнуло за окнами и погасло. Секунду было тихо, а потом дом затрясся, крыша загудела, и над ней вроде как что-то лопнуло. Наши тарелки подпрыгнули, как живые, перевернулись в воздухе – и хлоп на пол!

Мы с Анной Петровной смотрим друг на друга, боимся пошевелиться. Ждем, что дальше будет.

Тут по крыше что-то прокатилось и глухо упало на землю.

– Что же это творится-то? – шепчет Анна Петровна.

– Кажется, молния в дом попала, – говорю. – Надо выйти посмотреть.

– Ты что! – испугалась Анна Петровна, – а вдруг в нас ударит? Давай подождем, пока гроза уйдет.

Гроза еще погрохотала и стала уходить на восток, в сторону Москвы. Начался дождь. Хотели подождать, пока и он кончится, но любопытство одолело. Накинули на себя первое, что попало, и вышли во двор. Глядим на крышу, а трубы нет!

– Да где ж она? – удивляется Анна Петровна. – Неужели молния сожгла?

– Не может быть, – говорю, – надо с другой стороны посмотреть.

Обошли дом – точно: лежит наша труба у забора, вся черная.

– Как же ее теперь назад-то ставить?

– Лучше новую сложить, – говорю, – эта-то еле держалась, вот ее молния и сбила.

Потом прибежал Митрич, накрывшись куском доски, как зонтом.

– Во, – говорит, – шандарахнуло! У меня даже самовар упал! Эй, Петровна, а где ж труба?

– Ее молния сшибла, вон она в крапиве лежит.

– Ну дела! – удивляется Митрич. – А я уж думал, не война ли началась!

Утром мы с Костей Ковригиным набрали кирпичей по деревне и сложили за день Анне Петровне новую трубу. А старую, молнией сбитую, Костя к себе уташил.

– Зачем тебе? – спрашиваю.

– Сделаю из нее клумбу. Буду, – говорит, – знакомым показывать, чтобы увидели, какая у молнии сила!

Он трубу поставил перед домом и в ней фиалки посадил. Очень красиво вышло!

Только через год в нее еще раз молния ударила и все фиалки пожгла. И тогда Костя ее выбросил на всякий случай.

На случай, если и третий раз в нее молния шандарахнет.

Песни пробужденья

Андрей ФУРСОВ

Шествие королей¹

Звездная ночь. Тишина. Лунный свет
Тени сплетает в причудливый танец.
Город заснул, в черный бархат одет,
Эльба забыла закатный багрянец...
А на покрытой фарфором стене,
Освободившись от века тенет,
В свете таинственном лунного диска
Шествуют люди надменно... и близко
Глянец фарфора – граница времен,
Тонкая пленка меж явью и былью.
Шествуют люди под тенью знамен
В вечность, сокрытую тленом и пылью.
Шествуют гордо князья, короли,
В годы былые – властители судеб...
Их силуэты, сливаясь вдали,
Тают на грани меж «было» и «будет».
Ночь пролетит, лунный диск уплывет,
Круг горизонта свет солнца приблизит.
А короли остановят свой ход,
Чтоб превратиться в фигуры на фризе.

¹ «Шествие королей» – настенное панно из мейсенского фарфора, достопримечательность Дрездена.

Андрей ФУРСОВ родился в 1985 г. Получил высшее биологическое образование в техническом университете Дрездена (ФРГ). Доктор естеств. наук (PhD). Автор 14 статей в международных научных изданиях по естественным наукам. Руководил поэтическим клубом. Призер международных поэтических турниров. Живет в Мюнхене (Германия).

Ода любимой

Любви глоток и вдох простого счастья,
Казалось, – не судьба и шансов нет.
Унынье, грусть, предательства, ненастья
Слились в полночный бесконечный бред.

Смиренье, безысходность скорлупою
Сковали, погрузив в подобье сна.
И этот сон, наполненный тоскою,
Навеки уготованный судьбою,
Взорвался вмиг, едва вошла она!

Взорвался с ярким сполохом и громом,
Сорвал оковы, дух мой обнажив,
Наполнив сердце сладостной истомой,
Вернув желанье двигаться и жить!

Она вошла уверенно и гордо.
Вошла – в меня как в собственный дворец...
И вот под марша вечного аккорды
Рука в руке идем мы под венеч.

Любовь моя, ты стала мне судьбою,
И больше нет меня – есть только *мы!*
Дорога жизни, бывшая тропой,
Вдруг превратилась в новый, дивный мир.

Один твой взгляд – и мне срывает «крышу»!
Смех звонок твой – хрустальный перезвон.
Ты будто ангел, посланный мне свыше,
Мой ставший явью самый сладкий сон!

Святая искренность, души алмаз чистейший,
Краса и мудрость, нежность, доброта –
Ты, идеал ярчайший и светлейший,
В реальность воплощенная мечта!

Люблю тебя безмерно и всецело,
Моя ты путеводная звезда!
Пока дышу, покуда живо тело,
Могу сказать уверенно и смело:
Я буду рядом... раз и навсегда!

Пройдут года. Подарят внуков дети,
Власа покроет снегом... седина...
Но для меня по-прежнему на свете
Единственной – одной на всей планете –
Навеки будешь ты, моя жена!

Прогулка...

Листья в волнении в воздухе кружатся,
 С шелестом тихим вплетаясь в ковер,
 Серого неба унылая лужица
 Грустно прядет стилой мороси флер.
 Ветер волнуется, ветви качаются,
 Пальцами тонкими переплетаясь,
 Мысли проносятся – мысли теряются,
 В дым паутинок и снов обратятся.
 Осень усталая, осень волшебная!..
 В сладкой истоме рождается сплин.
 Фразы забытые, лица ушедшие
 Встроятся в птиц исчезающий клин.
 Осень волнуется – осень прощается.
 Иней на листьях прядет кружева...
 По золотому ковру возвращаюсь я,
 Образы чтоб нанизать на слова...

* * *

Снежинки кружат в ритме зимнего вальса,
 Искрятся, танцуя в тумане луча,
 Легонько касаясь ресничек и пальцев,
 Целуют росой, что-то нежно шепча.
 Снежинки кружатся, смеясь и сверкая.
 О света пушинки, о звездочки снов!
 Летят, веселясь, и шая, и играя,
 Свободны от скуки и грусти оков.
 Снежинки кружат, беззаботно танцуя...
 Как вы одиноки в пустыне снегов!
 Лишь в миг откровенья – в момент поцелуя
 Живете и, тая, грустя и ликуя,
 Сливаетесь с миром мечтаний и снов!..
 Снежинки кружат в ритме зимнего вальса,
 Искрятся, танцуя в тумане луча,
 Тихонько целуют реснички и пальцы,
 О мире мечты что-то нежно шепча.

* * *

Ночь, звезды, пение сверчка,
 Ты, я и листьев шорох.
 В моей руке твоя рука –
 Так невесома, так легка...
 Твой образ мне так дорог!
 Нет слов – лишь мысли и глаза,
 И поцелуев шепот,
 Слезинок на щеках роса
 И сердца тихий грохот...

Волна

Ты шалила, ты играла,
 Так мала и столь мила.
 Ты ласкала нежно скалы,
 Вся бурлила и жила.
 Ты хотела в самом деле
 Слышать только о любви.
 Нежно пела колыбели
 О синеющей дали.
 Ты мечтала, так мечтала
 Лишь о ласке и тепле.
 Ты от холода дрожала
 В темной ночи синей мгле.
 Ты летела, ты летела
 Над зеркальной гладью вод,
 Ты вперед смотрела смело –
 На пылающий восход!
 Ты стремилась, ты струилась
 Всё быстрее и всё вперед;
 На сестер ты люто злилась –
 Замедляли твой полет.
 Небо тучи вдруг закрыли,
 Ветер мощный налетел –
 Всё смешалось в водной пыли,
 В лютой схватке водных тел!
 Ты кипела, ты шипела
 Гневом, яростью полна,
 Тело стало пенно-белым...
 Впереди была скала...
 Да, она тебе мешала
 На пути вперед и вдаль!
 Ты от гнева вся дрожала:
 «Уничтожу эту тварь!»
 А ветра вокруг стонали,
 Грозы били в барабан.
 Словно масса жидкой стали,
 Ты летела на таран!
 Налетела!.. И разбилась –
 Потекла безвольно вниз.
 В бурных водах растворилась,
 Не исполнив свой каприз.
 Буря стихла... На мгновенье
 Из-за туч всплыла луна.
 А в кипящей водной пене
 Родилась еще волна –
 Столь нежна, мала, ранима,
 Так предательски мила!
 Захотела нестерпимо
 Много ласки и тепла...

* * *

Тихая песня весенней капли
Словно вплетается в первые трели...
Воздух так сладок, пропитан истомой,
Чувством желанным и страстью искомой.

Ветра порывы прохладны... И всё же
Не оттого вдруг мурашки по коже? –
Песнь пробуждения, цветенья, рассвета
Душу пронзает потоками света...
Кровь закипает, в смятении – чувства,
Сердце стучит – ритм природного буйства!
Тело поет и парит: ото сна
Вновь пробудились Любовь и Весна!

* * *

Лунный диск ушербный окунулся в тучи,
Воздух стал тяжелым, влажным и тягучим,
Листьев шорох-шепот прекратился разом,
Тишины мгновенья показались часом.
Басом Громовержца взорвалось вдруг небо.
Сполохи разрядов, быль сплетая в небыль,
Разорвали будто темноты завесу.
Грохоты раскатов пронеслись над лесом,
Капли устремились вниз с протяжным ревом,
С барабанным боем жутким и суровым.
Ветер гнул деревья в бешеном порыве,
Заливаясь воем высоко, на срыве...
Ярко полыхнуло. И поток прервался.
Лунный диск, как прежде, в небе показался.
Ветер стон последний испустил и скрылся.
Полог сна над лесом снова опустился.

Альбина МАРКЕВИЧ

«ЖИВЕМ ТАК ДАЛЕКО, НО В РИФМУ»

Фрагменты книги

Присутствие Сергея Юрьевича Юрского в моей жизни стало трогательным и глубоким результатом 50-летнего знакомства не только с театральным творчеством этого великого человека, но и с его отзывчивостью миру, в котором оказалась и я.

К читателю

Личное знакомство [с С. Ю. Юрским] произошло в 1968 году, когда я готовилась к защите диплома на тему «Художники Большого драматического театра в спектаклях русской классики».

Для театральной постановки превосходного романа великого Хемингуэя Юрский сам сделал перевод, предельно приблизившись к авторскому нерву, к его боли из-за сложившейся в мире ситуации. Как режиссер-постановщик, он подобрал блистательных актеров, пригласил оригинальнейшего, прославленного художника В. Левенталя, чьи эскизы, к сожалению, не были использованы, но Юрскому они очень нравились, и он подарил мне фотографии эскизов к спектаклю.

Альбина МАРКЕВИЧ родилась в Ташкенте в 1930 г. Окончила филологический факультет Ташкентского госпединститута им. Низами (ныне ТашГПУ им. Низами), факультет теории и истории искусств Ленинградского института живописи, графики и архитектуры им. И. Е. Репина. Работала в школах Термеза, Ташкента и Ярославской области, преподавала в Ташкентском театрально-художественном институте им. А. Н. Островского. Участвовала в создании музея С. Есенина в Ташкенте и была его сотрудником. Долгое время была общественным директором клуба-музея А. А. Ахматовой «Мангалочий дворик». Публиковалась в журнале «Звезда Востока», альманахах «Мир Есенина», «Мангалочий дворик», «Под крылом Пегаса» и др. изданиях. Автор сборников стихотворений «Миг», «Жива я?!», «На палубе земной», «Одуванчик» и др., двухтомника стихов и прозы «Чувство жизни / Грани памяти». Дипломант международной литературной премии им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (РФ, 2019). Имеет множество наград и почетных грамот: Памятная медаль А. П. Чехова (РФ, 2010), Государственная медаль Пушкина (РФ, 2013), медаль Пророка Божия Илии (2020) и др.

Работая над спектаклем, Юрский заряжал всех своим замыслом и поиском ходов для воплощения этой трагической истории любви, безысходного вплетения неповинных людей в клубок страстей – и человеческих, и политических, и роковых.

Репетиция всем доставляет удовольствие, увлекает, вызывает напряженность. Юрского слушают и проявляют сочувствие к героям. Михаил Волков, Владислав Стржельчик, Владимир Рецептер, Михаил Данилов около Теняковой ведут свои партии, вознося ее каждый по-своему. Это и удивительно, и восхитительно.

**Восхищение автора, не переходящее в «женские штучки»,
отразилось в стихотворении:**

Скажи, нам сны с тобою снятся	Других любя – и я, и ты –
В один и тот же час ночной?	Давно расстались бы, но души
И я по-прежнему тобой	Смыкают над Невой мосты
Могу свободно восхищаться?	Созвучием воды и суши.

Сергей Юрьевич тонко чувствовал поэзию и сам был поэтом.

С неба по-ленинградски сыпал мелкий дождик. Мы без зонтов неторопливо двинулись к Дворцовому мосту. Заглянули выпить кофейку в какое-то кафе. Сергей Юрьевич сказал, что у него почти готова программа по Иосифу Бродскому.

Я призналась, что стихи этого поэта меня утомляют избытком перечислений, отбивающих охоту к осмыслению. Он удивился: «Как это: вы – и не поняли? Давайте я вам почитаю, ведь его перечисления – это детали мира, окружающего нас, из которого складывается что-то необычное, новое, чего многие не замечают».

И извучала прекрасная поэзия. И всё стало мне понятно. Это было дорогим подарком в такой день.

Дворцовый мост. Такси. Прощаясь, я поблагодарила Серёженьку Юрьевича за помощь, без которой едва ли справилась бы с дипломом, и за Бродского. Засмеялся и попросил писать. Пообещала... По дороге к академии я ощутила себя в окружении двух великих людей – Юрского и Бродского. Какие-то строки застряли в памяти и, повторяя их, я не заметила, как подошла к общежитию.

Шли годы, наполненные телефонными звонками, письмами с большими паузами, редкими встречами и подарками – книгами с автографами, моими приездами в Ленинград и Москву, которые всегда сопровождались приглашениями на спектакли.

Однажды во время гастролей БДТ в Ташкенте в 1973 году я пригласила Юрского к себе на Достоевскую на ужин. Он пришел с М. Даниловым, самым близким своим другом.

К дорогим гостям за нашим большим столом успели присоединиться те, кто сетовал, что днем прийти не смогут. Все очень хотели повидаться с любимыми ленинградцами, которых знали по фильмам и спектаклям БДТ. И вот знакомство состоялось.

По признанию Сергея Юрьевича, они с Михаилом Даниловым не раз вспоминали в Ленинграде наш теплый прием и тех, с кем познакомились.

По моей просьбе Сергей Юрьевич пришел в Ташкентский театральный институт имени А. Н. Островского для знакомства со студентами актерского факультета и дал мастер-класс, подчеркнув важность выразительности пауз и движения. Ребята были подготовлены к встрече – они прочитали его книгу «Кто держит паузу».

А студенты показывали ему, что и как умеют, сыграв заключительную сцену дипломного спектакля. На просмотре выступления присутствовали театровед Татьяна Злотникова, я – педагог Альбина Маркевич – и Сергей Юрский.

Однажды во время гастролей БДТ в Алматы, которые проходили в Русском театре драмы им. М. Ю. Лермонтова, я, воспользовавшись свободным временем между лекциями, на два дня полетела туда и встретила с Юрским. Он был удивлен и обрадован, пригласил меня на спектакль. Вернувшись, я встретила со студентами-театрооведами, Марком Вайлем, Юрием Александровым и Натальей Авдеевой и рассказала о своей поездке. Они выразили удивление и желание побывать в Алматы. Я подсказала им, как это можно осуществить, и передала с ними записку для Сергея Юрьевича, где попросила его помочь им попасть на спектакли.

У Марка Вайля образовался долговременный контакт с Юрским. Побывав на одном из спектаклей «Ильхома», Юрский и Тенякова оставили надписи на стенах, где значатся имена многих гостей театра. Узнав о трагической кончине Марка, Юрский выразил нам глубокое сочувствие.

Решив отметить день рождения Сергея Юрьевича, мы с ребятами записали на магнитофон небольшую программку из стихов, шуточных поздравлений и, конечно, грузинских песен. Это было посвящение великолепному спектаклю «Я, бабушка, Илико и Илларион», где стариков играли Копелян и Юрский. Сергей Юрьевич написал, что был глубоко тронут таким поздравлением, особенно грузинскими песнями.

Из писем Сергея Юрьевича автору:

Милая моя Альбина!

Спасибо Вам за память, спасибо Вам и Вашим ребятам за прелестное радиопоздравление. Особенно понравились мне грузинская песня, курсовая песня и чудесно прочтенные Вами стихи. Спасибо за подарок.

Итак, Альбиночка, я перешагнул ответственную черту под номером 40. После нашего расставания в Ташкенте покатались, покатались разные пейзажи в глазах – Тбилиси и очень помпезный и волнующий юбилей Товстоногова. Будапешт с обрушившейся на нас внутривенгерской театральной склокой, тихий городок Мишкольц, а потом дом <...>.

О творчестве.

О'Генри сделан – сам удивляюсь, но сделан. По Вашей части высший класс – декорации молодого художника Володи Терёшина с деталями Данилова – это блеск. <...>

«Три мешка сорной пшеницы» – на мой взгляд, шедевр, лучший спектакль Товстоногова. Рассказать его не берусь, а ощущение крайне сильное.

Из фильмов – серьезнейшее потрясение американским «Визитеры» Элио Казана. Так будут играть в будущем, и это чудовишно сильно и интересно – так как сейчас играют уж очень знакомо и, признаюсь, ни играть так, ни смотреть на такую игру интереса нет. В письме не изъяснить, но многое-многое должно остаться за чертой 40, там, вдали. Теперь, если не будет резкого обновления, будет явное умирание. Но об этом бы лично.

Из книг рекомендую – как важное событие – «Нижинского» Веры Красовской. Альбиночка, помню Ваш добрый дом, всех Ваших и Вас прежде всего.

Привет, Ваш С.

* * *

Дорогая Альбина!

С Новым, желательно с Совсем Новым, Годом! <...>

Прошедший год сложился у меня из О'Генри, болезней, гастролей и «Фарятьева». Появилось новое имя – Алла Соколова. Эта тридцатилетняя актриса села и написала 5 пьес – на мой взгляд, абсолютно оригинальных.

<...>

На генеральной, репетируя Фарятьева, сломал плечо, попал к хирургам и теперь выбыл из строя месяца на два по крайней мере. Жаль. Там прекрасно играли мои девочки. Особенно Наташа и Ольхина.

Теперь буду лечиться и, наверное, продолжу свою работу над книгой. Именно цель – окончить ее к апрелю.

<...>

С Новым Годом, Альбина!

И Дай Вам БОГ!

Сергей.

* * *

Милая Альбина!

<...>

Сейчас я на домашнем лечении, и маленько начал работать. «Фарятьев» отложен на апрель. Играть пока могу только «Беспокойную старость».

<...> уже надвигаются летние заботы. Гастроли, дача для Даши, отдых, лечение. Как-то всё время уходит на устройство и обслуживание жизни, а сама жизнь всё не начинается.

Под жизнью я имею в виду некую ритмичную неизменность быта, привычек, отношений – только в этих условиях может быть настоящее творчество. Таков мой вывод к 40 годам.

Когда человек дергается и дергание это переносит в искусство – это на время может быть хорошо – живой нерв. Но это ненадолго – нерв переутомляется и атрофируется. Говорю это как спец из института травматологии.

Альбиночка, всего хорошего.

И с 8-м марта.

И спасибо еще раз.

И приветы всем и ото всех

(имею в виду друзей).

Ваш С.

* * *

Милая Альбина!

Два с половиной месяца я не был дома, вошел, и первое, что увидел, – Ваш подарок и письмо. Спасибо.

<...>

У нас всё довольно тихо. После мучительного выпуска «Фарятьева», удовлетворившего меня художественно, но совершенно измучившего в плане внутритеатральных отношений, я поехал с концертами в Калининград, потом на съемки в Баку, на гастроли в Горький, снова в Баку и, наконец, на лечение плеча в Сочи. Во всех этих скитаниях ничего художественно интересного не произошло. Гастроли театра в Горьком были успешными, но менее яркими, чем обычно.

Книга моя принята для <...> дальнейшей работы. Даны поправки. Вполне правильные. Но вот сесть снова за дело не получилось. Зато написал лето повесть – без цели и задачи. Просто так. Это и забрало всё время, которое должен был отдать книге.

Сейчас распустье – в театре работы не предвидится. Есть несколько предложений от других театров поставить у них спектакль. А? Альбиночка? Черт

его знает, изменять театру трудно и нет желания. А с другой стороны, он давно мне изменил и вот-вот бросит.

<...> Всем привет. Обнимаю Вас. Окончательно буду в Ленинграде в конце сентября.

Ваш С.

* * *

Последующие 5 лет я собираю материалы и людей для открытия музея Сергея Есенина в Ташкенте.

Об этом я сообщила Серёженьке Юрьевичу по телефону, и он удивил меня вопросом: «А зачем в Ташкенте музей Есенина? Кому-то это нужно?» Тогда я более подробно рассказала об отклике ташкентских знатоков творчества, личности Сергея Есенина и о том, как много народу было на открытии. Не прекращается посещение музея студентами литфаков, школ и просто поклонниками его великой поэзии. В одном из телефонных разговоров он сказал: «Вы знаете, что вы делаете, и у вас всё состоится». И состоялось: музей Есенина в Ташкенте живет и сейчас. Спасибо моим соратникам Татьяне Сергеевне Есениной, Владимиру Викторовичу Николюку, Юрию Исааковичу Глассу, Валентину Артишевскому, Сергею Ивановичу Зинину, Петру Иосифовичу Тартаковскому, Клавдии Ивановне Савченко. Долгожданное открытие состоялось 10 июля 1981 года.

С середины 70-х мы в основном обменивались телефонными звонками. У Юрского были большие неприятности и трудности, он очень тяжело переживал отъезд в Москву, а мне пришлось решать квартирные и музейные дела, связанные с переездами по новым адресам и болезнью мамы, которая скончалась в 1982 году.

<...>

Однажды я выразила Юрскому сожаление, что нет его грамзаписи поэмы «Анна Снегина», которая пригодилась бы в музее Есенина. Вскоре он неожиданно сообщил, что в домашних условиях они с Семёном Злотниковым постарались и осуществили нелегкую задачу. Для меня это стало потрясающим событием. А потом он прислал телеграмму, что будет в Ташкентской киностудии на съемках фильма «Созвездие любви» и передаст мне бесценную кассету. Сейчас она находится в фонде музея.

<...> Вот незабываемое свидетельство безграничной доброты и отзывчивости Серёженьки Юрьевича.

Юрскому присущ замечательный юмор. Однажды он подарил мне пластинку с записью его чтецкой программы по произведениям Михаила Зощенко <...>.

В «Ташкентской правде» к 65-летию С. Ю. Юрского была опубликована статья А. Маркевич, фрагменты которой предлагаются читателю:

ЭТО СЧАСТЬЕ – БЫТЬ ЕГО СОВРЕМЕННОКОМ

В эти дни замечательный артист театра, кино и эстрады Сергей Юрский отмечает свое 65-летие. <...>

Есть имена, назвав которые, безошибочно знаешь – они дороги не только тебе, обязательно получишь в ответ улыбку, восторг, воспоминание о незабываемом. К таким именам принадлежит и имя Сергея Юрского. <...> Остап Бендер, Человек ниоткуда, Чашкий, Эзоп... «Любовь и голуби» помните? А «Республику ШКИД»? А Импровизатора из «Маленьких трагедий» Пушкина? В 200-летие Пушкина – по ТВ «Евгений Онегин», «Граф Нулин». А «Анна Снегина» Есенина? Да разве можно остановить этот поток, в котором кино, театр и

эстрадные чтецкие программы по Зошенко, Шукшину, Жванецкому? А поэтические циклы И. Бродского, Б. Пастернака? И всё виртуозно, захватывающе, неповторимо, каждый раз удивительно ново, глубоко, потрясающе!

Ташкентцы помнят его и на съемочных площадках «Узбекфильма», и в гастрольных спектаклях Русского драматического театра Узбекистана. У некоторых педагогов, выпускников Ташкентского театрально-художественного института – известных мастеров, познакомившихся с С. Юрским на встречах в студенческих студиях, сложились дружеские и творческие отношения, сохраняющиеся и ныне.

<...>

Неистощимость его таланта, завоевавшего зрителей, нашла выражение и в том, что начиналось как проба пера еще в юности – в создании стихов, потом сценариев. Пример тому и булгаковский «Мольер», и «Фиеста» Хемингуэя, поставленные им еще в БДТ.

А потом и в театре Моссовета, и в театре на Трубной площади... Всего не перечесать.

Его книга «Кто держит паузу» – школа мастерства для молодых актеров. В 80-90-е годы выходят его сборники стихов, повести и рассказы. Книга стихов «Жест», повесть «Чернов», сборники повестей и рассказов, порой сюрреалистических и абсурдистских, но всегда точных, пронизанных юмором и тревожащей надеждой на победу человечности в каждом из нас – «В безвременье», «Содержимое ящика» и другие.

Из письма С. Ю. Юрского:

Москва, 12 марта 2008 г.

Альбиночка, дорогая моя!

<...>

Вы начинали свою творческую активную общественную инициативу – тот музей Есенина. А я в те времена был полностью человеком общественным. Теперь читаю Ваше письмо и понимаю, что Вы центр своего круга. Через Вас к людям идет и оживает в поступках исторический календарь культуры. Для Вас даты, памятные дни – это пульсирующие точки современности. Восхищаюсь!

<...> *Вы храните русское слово среди всё более чужого пространства. Я живу в пространстве, где русский язык подменен и в звучании, и в смыслах. Великая Рыночная Экономика очень умело превратила в спекуляцию этот «концентрат чувств и мыслей», именуемый искусством. Я не кричу: «Караул, обокрали!» Никто меня не обокрал. Я имею возможность писать, издавать то, что написал, ставить на сцене, на экране, играть свои пьесы. Всё это я и делаю. Жизнь вовсе не кажется мне угрюмой. Но вот ЧУЖОЙ – чужой кажется. И всё это не возрастное брюзжание. Это мутация, первая стадия безумия, которое охватило мир.*

Вот про это две мои КОМЕДИИ, которые играем в театре, – «Провокация» (она идет уже 7 лет, играет сильная сборная артистов разных театров, включая Наташу¹, Дашу² и меня самого) и новый спектакль «Предбанник» (в театре Моссовета). Про это мои фильмы, сделанные для канала Культура по моим сценариям, «Случай с доктором Лекриным» (2004 г.) и «Лысая

¹ Наташа – актриса Наталья Тенякова. (Прим. ред.)

² Даша – актриса Дарья Юрская. (Прим. ред.)

певица» – сделана только что, еще не показана (последнее тоже с участием всей семьи). Про это и все мои прозаические опыты: эссе о Сталине (которого я играл в спектакле «Вечерний звон»), о мусоре, который погубит человечество, и (даже) о Тесных Вратах рая. Про это и последняя повесть «Выскочивший из круга» (журнал «Знамя», № 3 за этот год).

Искренне и нежно,

С. Юрский.

«ЖИВА Я ПАМЯТЬЮ И ДЕЛОМ»

Альбине Витольдовне Маркевич удалось выстроить свою жизнь на фундаменте больших просветительских идей, цельно, значимо, несуетно. К своему славному юбилею она подошла с необычайным по глубине и разнообразию душевным капиталом, жизненным и духовным опытом.

С ее именем связано создание музеев Сергея Есенина и Анны Ахматовой в Ташкенте, становление Русского культурного центра Узбекистана, организация Пушкинского общества и объединения есенинолюбов «Радуница»... Ее биография – замечательные страницы самозабвенной подвижнической деятельности, настойчивого поиска подлинного в жизни и искусстве, желания поделиться истинным пониманием Прекрасного с окружающими. Думаю, это осознанная позиция, и основана она на глубоком и верном понимании назначения культуры в современном мире: «Культура должна служить не только показателем цивилизации, но и средством общения, взаимообогащения», – как справедливо заметила она в одном из своих интервью.

Благодаря доброжелательности, поразительному чутью на таланты, желанию их поддержать, всестороннему, глубокому знанию литературы и искусства, ей всегда удается быть в центре культурной жизни Ташкента, она персоне, за которой ревностно наблюдают ее фанаты, а подчас и недоброжелатели.

В чем же феномен этой удивительной женщины? Прежде всего, наверное, в умении ставить и выполнять задачи, достигать жизненные цели.

Становление ее личности происходило под воздействием актеров, художников, скульпторов, литераторов, педагогов и других творческих людей – в среде, где принято требовательно, бескомпромиссно относиться к себе, что стало естественным для молодой женщины.

По воле судьбы ей посчастливилось общаться со многими великими и известными людьми, однако она оставалась простой, незаносчивой, но знающей себе цену, требовательной, но доброжелательной, уважительной – и к себе, и к другим.

Как женщина, она в меру кокетлива и самолюбива, ей нравится производить впечатление...

Активная общественная жизнь дает ей возможность самовыражения, ощущение нужности, значимости... Врожденное трудолюбие, усердие, четкое определение конечных задач, компетентность в вопросах культуры и просвещения обусловили плодотворность и общественную значимость ее работы.

Воплощение идеи создания в Ташкенте литературного музея известного русского поэта XX века Сергея Есенина потребовало много усилий и времени. Альбина Витольдовна и ее единомышленники искали и находили доводы в пользу

открытия музея, собирали необходимые материалы и артефакты, убеждали чиновников самого разного ранга в необходимости для республики еще одного музейного пространства, способного стать достойной литературной площадкой и «визитной карточкой» Ташкента. «Пробивание» музея в соответствующих инстанциях заняло четыре года!.. И (невероятно!) музей не только был образован, но и получил статус государственного. Вот как определил роль А. В. Маркевич в этом процессе известный филолог и общественный деятель Николай Иванович Зинин в частном письме: «Дорогая Альбина Витольдовна! Если бы Вы знали, какую огромную радость принесли своим сообщением об открытии музея! Когда-то написал я Вадиму (Николюку, художнику, первому директору музея С. Есенина. – И. П.) письмо, но ни гу-гу в ответ. Думал, что всё рухнуло... Но оказалось, что нет преград... вашей энергии. Это говорю я от всей души, так как без нее вряд ли мы с Вадимом и другими довели дело до конца».

Открытие музея состоялось 10 июля 1981 года, через два с половиной года музей стал государственным. Альбина Маркевич и Вадим Николюк проработали в нем до 1996 года.

Именно в музее проявился незаурядный талант А. В. Маркевич как руководителя, организатора и ведущей творческих программ. В стенах музея по ее инициативе заработали многочисленные секции и клубы, близкие по духу и тематике «есенинскому» музейному пространству (клуб книголюбов «В мире прекрасного» и другие).

В есенинском музее не было обычной музейной тишины, здесь проходили заседания Русского культурного центра, проводились встречи с любителями поэзии, народной песни, живописи, творческие вечера писателей и поэтов, презентации книг, выставки картин...

Как говорили некоторые «радетели», как ни пройдешь мимо музея, всё время в нем шумно, стены ходуном ходят, а ведь музейное дело требует тишины... Может быть, благодаря этим «радетелям» тишина на какое-то время в музее воцарилась, когда В. Николюк и А. Маркевич были вынуждены его оставить...

Сейчас музей Есенина жив: в нем опять проводятся экскурсии, музыкально-поэтические вечера, встречи с артистами, поэтами и писателями, презентации новых книг...

Новым детищем Альбины Витольдовны стал общественный клуб-музей Анны Ахматовой «Мангалочий дворик», открывшийся 18 декабря 1999 года при Русском культурном центре РУз на базе ДК ОАО «ТТЗ».

Усилиями активистов в музее был воссоздан импровизированный интерьер типичного ташкентского дворика 1940-х годов, в одном из таких двориков часто бывала, находясь в эвакуации в Узбекистане, Анна Ахматова. Поддержала создание «ахматовского уголка» председатель Ахматовского общества Узбекистана писатель и поэт Зоя Туманова, неоднократно встречавшаяся с Ахматовой. Были собраны экспонаты, рассказывающие о жизни и творчестве А. Ахматовой в Ташкенте, о ее знакомых и друзьях той поры.

На базе музея заработали тематические объединения, посвященные творчеству не только Ахматовой, но и Есенина, Высоцкого, Цветаевой, бардовской песне, камерной музыке (в частности, мне и автору-исполнителю песен и романсов Г. Арефьеву А. В. Маркевич доверила вести «Музыкальную гостиную», которая к настоящему времени переросла в полномасштабные сборные концерты в конференц-зале епархии), артистическому мастерству, проводились юбилейные вечера классиков узбекской, русской и мировой литературы. Активно заработал поэтический семинар, который в разное время вели Евгений Абдуллаев (Сухбат Афлатуни), Вадим Муратханов, Алексей Кирдянов,

Бах Ахмедов и сама Альбина Витольдовна. Этот семинар, а также возможность выступить перед заинтересованной аудиторией дали путевку в безграничный мир творчества многим авторам, в частности, Геннадию Киму, Вике Осадченко, Дмитрию Черникову, Олегу Бордовскому, Александру Курышеву, Валерии Ерёминой, Татьяне Поповой и другим.

Свои творческие вечера проводил в ДК ТТЗ (при организации активистов «Мангалочьего двора» под руководством А. В. Маркевич) Народный поэт Узбекистана Александр Файнберг.

Силами активистов регулярно издавались альманахи «Под крылом Пегаса» и «Мангалочий дворик», в которых публиковались произведения разных жанров талантливых «ахматовцев». Альманах «Мангалочий дворик», кстати, продолжает выходить до сих пор. Совсем недавно появился его девятый выпуск...

В 2013 году экспозиция музея была перемещена в здание библиотеки Представительства Россотрудничества в Узбекистане (с некоторых пор это Русский дом в Ташкенте). Появились новые возможности для раскрытия просветительского потенциала и приобщения гостей музея к родным истокам и духовным корням. Масштабными стали ежегодные «цветаевские костры», встречи с актерами театров и музыкантами; многие творческие и образовательные программы реализовывались при живом участии сотрудников и волонтеров Представительства Россотрудничества; постоянным посетителям клуба-музея стали доступны книги из его библиотеки. Частыми гостями клуба-музея теперь были молодые люди – слушатели подготовительных курсов для поступления в российские вузы, а также участники многочисленных просветительских и культурных программ, инициированных самим Представительством...

При переезде Русского дома в новое здание в 2022 году экспонаты музея были приняты на хранение Ташкентской и Среднеазиатской епархией РПЦ до получения музеем помещения. Мероприятия клуба-музея проходят в конференц-зале епархии.

В становление и полноценную работу музеев Альбина Витольдовна вложила всю себя без остатка.

Однажды один из журналистов спросил Альбину Витольдовну, о чем в первую очередь написать в статье о вас, и она ответила: «Напишите о музее Ахматовой. Жизнь музея – и есть моя жизнь!»

И, конечно, справедливо было бы добавить, что ее жизнь и в ее книгах стихов и прозы, пронизанных искренней сердечностью, наполненных гулким культурным эхом прошлого и настоящего, здоровым чувством юмора и самоиронии.

Так в чем феномен личности нашей замечательной современницы, пригласившей однажды то ли в шутку, то ли всерьез своих любимых «ташкентских ахматовцев» на свой 100-летний юбилей? Думаю, в притягательности личности, умении вызвать к себе личное отношение, невероятном обаянии, поразительной энергии, неистощимом оптимизме...

Доброго вам здоровья, неподражаемая Альбина Витольдовна!!!

Ирина ПАРАМОНОВА

Ирина ПАРАМОНОВА родилась в Ташкенте в 1945 г. Окончила факультет педагогики и психологии Ташкентского госпединститута им. Низами (ныне ТашГПУ им. Низами) и ташкентское музыкальное педагогическое училище. Работала педагогом и музыкальным руководителем в детских дошкольных учреждениях. С 2005 г. – ведущая литературно-музыкальных вечеров, а с 2022 г. – общественный директор ташкентского клуба-музея А. А. Ахматовой «Мангалочий дворик».

София ФАЙЗИЕВА

Солнечный дождь

* * *

Звезда, ввысь устремленная, засверкала,
Владыка держит планету, чуть-чуть наклоня,
Замри, душа, не ослепни от высокого накала...
Слушай! Весь мир – язык вдохновенного огня.
Душа, молчи! Не потревожь вселенную,
Что толку говорить, когда слова скупы?
Звезда с янтарными глазами, неизменная,
Не сорвется... И не порвется паутина судьбы.
Сколько же можно – до рези в глазах! –
Смотреть на взлеты птиц в небеса?
Чуть-чуть завидовать птицам: «Так жить
Просто: крылато... безмерно любить
Волю! О, как свободны их голоса!..»
Удивляют нас нежная свежесть ветров,
Тепло поленьев, ждущих костров,
Нет, не устанем от взлетов, пробежек:
Утро наступит – и солнце забрезжит.

* * *

Лепестки роз, словно ладони младенца,
Тянутся к свету, трепещут, нежны.
Но стебли роз – в колючках. Известно:
Ответишь болью за радость весны.

София ФАЙЗИЕВА родилась в 1940 г. в Тульской области. Окончила Казанский госуниверситет. В 1980 – 1990 гг. работала редактором в Издательстве литературы и искусства им. Г. Гуляма. Публиковалась в республиканской периодике. Автор тридцати поэтических сборников, в том числе для детей. Занимается живописью. Принимала активное участие в творческих мероприятиях общеобразовательных школ. Член Союза писателей Узбекистана. Живет в Ташкенте.

В горах

На изломе ледника
 Я познала цену жизни.
 Передо мной пропасть,
 Прочесть слова смогла –
 Подстрочник на языке судьбы, –
 Ошутить внезапную горечь,
 Огонь, обжигающий грудь.
 Мне сорок! – много ли это?
 Жизнь – только миг, виденье.
 Ангел крылом струит.
 «Спаси, – я прошу, – ради Бога,
 Я легка, как снежинка!
 Удержи в облаках.
 Ты – надежда и вера!
 Помоги уплыть за горизонт –
 Встретиться с мамой!»
 За горизонтом – опять горизонт...

В Монреаль

Зухре

Ты ушла.
 За собой не закрыла калитку,
 И смолкла, как будто в песке улитка.
 Сестра, беседу я продолжаю сходу:
 За себя, за тебя говорю, говорю...
 Как ты? Скользишь ли по гололеду?
 Или у пропасти, робкая, на краю?
 Что нажила до седины до самых?
 Лишь тень от тебя косая осталась.
 Тоска не угадает в моей груди,
 Обжигает душу, словно зола беды.
 А любовь твоя не была мала,
 Нет, она живая – простая и сложная –
 Страх-тоску от тебя гнала...
 Ты по жизни шла, как по бездорожью.

Дождаться!

Мне тебя не хватает.
 Тоскую. Особенно вечерами.
 Теряюсь в делах.
 Но ты далеко – за горами.
 Среди звезд покоя не напрасно ишу:
 Светом каждой люблюсь и молчу.
 Застывает строка у кончика пера:
 «Я одержима: встретиться нам пора...»
 Встречу-радость ускорить сможешь?
 Дай знак, если это возможно.
 Слез не увидишь – боюсь огорчить.
 Люблю – для сомнения нет причин.
 Тобой дорожу на своем пути,
 В унисон друг с другом произнесем «прости»,
 Дождавшись душевности, теплых рук,
 Улыбчивых взглядов – нам всё к добру!..
 Услышу твой голос – сильна моя вера! –
 Наступит мгновенье:
 войдешь в мои двери.

* * *

На пригорке, на самой вершине,
Завидуя гордым замедленным облакам,
На ветру стоял клен не старый, но весь в морщинах,
И рядом две пихты, – легко дышалось им там.
Держался клен ровно, упрямо не гнулся,
Выносливый, даже в грозу и в туман,
Соседкам спешил он своим улыбнуться
Судбою счастливый удел ему дан.
С одной и с другой говорит он невинно.
Беседа – то к дружбе вернейший шаг.
Вот только вторую найти половину
Не может...

Плачет его душа.

В Штутгарт

Элиде

Одним дыханьем память оживить...
Комочки глины из подвала
Размять в руках, водой полить,
Слепить кувшин в подарок маме.
На солнце быстро высохнет кувшин,
И хризантемы в нем задышат.
И смех в саду, и песни от души, –
Подсолнухи всё это слышат.
Как важно оглянуться и продлить
Мгновенья, словно птичьи переливы;
Воспоминаний не прервать бы нить –
Творить, и просто жить, и быть счастливой!

* * *

Под утро вздрогнул печальный голос –
Осенний ветер, похоже, скорбит.
Как жалко, звезда на части раскололась,
И небо в осколках холодных дрожит.

Волнуясь, деревья словно не дышат,
Листья, прощаясь, едва шелестит.
Слетают соломинки с мокрой крыши,
Но страху нет, меня не извести.

И вера в святое не угасает,
Найдется к спасению в мире ключ:
Бог снизойдет справедливый самый
Путем Чудотворца сквозь темень туч...

* * *

Художнику Марату Садыкову

Ты родом из Бухары, мастер акварелей!
Твои пейзажи меня обогрели.
Твори сегодня, не откладывая на завтра,
Не бойся зависти и злорадства.
Доверься кисти и краскам весенним,
О вдохновенный пери нетленной!
Рисуй с любовью моря, облака,
Землю, птиц в золотом оперенье,
Талант твой и имя – полет мотылька –
Оценят потомки: «Навеки творенья!»

Приободришься, художник, ты смел!
Удачу Господь отыскать повелел.
Встречай, как в зрелости, зори юные,
Что пробуждают миры подлунные.
Доверься следу невинных звезд,
Заметен будешь во весь свой рост.
Лови дыханье любви-светила,
Собою будь, как душа просила...

* * *

Перед любовью можешь ты повиниться
И в разные стороны грусть развести,
Но душа к душе прильнет, как птица:
Для встречи построены вновь мосты.

Забыты преграды. Дыши полной грудью,
Смотри в зеркала, ведь ты так хорош!
Тебе улыбнуться в глаза ей нетрудно, –
Смеется и плачет солнечный дождь.

* * *

А звезды ранние? – они глядят на нас,
И, вдохновенные, мы двое на планете.
Бессмертным оком вдруг луна зажглась,
И кажется, весь мир в медовом цвете.

А жизнь – огни, туманы и снега,
Слова любви (да повторятся снова!).
Небесная в ручье отражена река.
Судьба ответить на любовь готова.

* * *

Мы уйдем налегке, никакой поклажи,
Без лишних забот – в одиночестве путь.
И не будет ни мне, ни тебе поблажек:
На крыльях ли? – в неизвестности глубь.

А потому, друзья, вы на пике жизни
Минуты творчества настройтесь ценить,
Забывайте спесь, все дела Отчизне
Старайтесь бережно посвятить.

Живу... Додумалась до простого:
Дороже зернышка золотого –
Миг.

Ташкент. Весна, 9 мая 2024 года

Задышало небо.
Тишина признать торжество смогла.
Улыбнулось солнце.
О мир без слез, без гнева! –
Богатырской силой пахнула земля.

* * *

На крутом берегу у пруда
Одинокий тополь седой,
А за ним опустилась звезда:
Миг был зримым – след золотой.

* * *

Перебираю в руках четки –
Из янтарных камушек оберег.
С ним доберусь до скалы-высотки,
Под ногами – вечности снег.

ВОПЛОЩЕННЫЕ ОБРАЗЫ

Часто бывает, что мечта детства воплощается в более зрелом возрасте.
София Файзиева – натура творческая и деятельная, она мечтала писать и рисовать с детства.

Но победило увлечение поэзией. Она много ездила по странам, воплощая свои эмоции и впечатления в поэтические строки. Человеку свойственно видеть и понимать новую для него действительность преимущественно

сквозь призму собственных представлений о мире, сквозь многообразные струны его души.

Ею издано 27 сборников стихов и рассказов для детей и взрослых.

В зрелом возрасте София от одного вида искусства переходит к другому – живописи.

Оба вида искусства предполагают такие предметы изображения, как любовь, природа, мир человеческих эмоций. Поэты могут вдохновляться картинами, и, наоборот, живописцы могут черпать вдохновение из стихов.

Поэзия и живопись воссоздают мощные эмоциональные переживания, используя для этого разные инструменты и методологию. Поэты пользуются словом, ритмом, звуком. Художники – красками, цветом, формой. Поэты воссоздают образы словом, художники воплощают их на холсте красками. Оба вида искусства стремятся к созданию ярких, истинно художественных, запоминающихся образов, которые передают глубокие смыслы.

Живопись Софии Файзиевой – пейзажи, натюрморты (в том числе с цветами), миниатюры – порождение свободного мышления, не отягощенного и не засоренного материальными идеалами цивилизации, сохранившего детскую непосредственность и наивность. Цвет и эмоции на бумаге или холсте имеют доминирующее значение, не отягощенное реальностью и достоверностью изображения.

София ушла от натуральных работ, пишет по воображению, по представлению. Натура видоизменяется, проходя сквозь призму творческой натуры мастера, с особой остротой воспринимающего окружающий мир.

Она меняет фактуру, усложняет и варьирует цветовые сочетания, видоизменяет объемы, делая их более причудливыми. Иногда лист скадрирован, в него втиснута лишь часть пространства без неба, без горизонта.

Красочная палитра разнообразна. Все средства художественной выразительности в ее работах создают ощущение сказочности, первозданности природы, романтические и одухотворенные образы. Невольно восхищаешься детской непосредственностью и искренностью художника и поэта Софии Файзиевой. Грань между самодеятельным и профессиональным искусством стирается.

Ею создано более 500 картин, издано девять альбомов живописи – восхищающих, заставляющих по-новому взглянуть на мир.

Людмила САДЫКОВА

Людмила САДЫКОВА родилась в Кисловодске. Окончила художественное училище в Душанбе и Ташкентский театрально-художественный институт им. А. Н. Островского. Художник, член Академии художеств Узбекистана. Постоянный участник многих художественных выставок в республике и за рубежом. Ее полотна экспонируются в Государственном музее искусств Узбекистана, Ургенчском государственном музее искусств, в музеях США, Германии, России, Кореи. Живет в Ташкенте.

Коллектив и редакционный совет журнала «Звезда Востока» поздравляют Альбину Витольдовну Маркевич и Софию Файзиевну Файзиеву с их славными юбилеями и желают достойным авторам доброго здоровья, вдохновения, активного творческого долголетия!

В ПАМЯТЬ ОБ УЧИТЕЛЕ

Очерк

Рахимжан СУЛТАНОВ

У каждого в жизни есть человек, который существенно воздействует на формирование его личности. Таким человеком для меня является Хилям Рахимович Худайбердиев, значительно повлиявший на мое становление как журналиста и человека.

Наше знакомство состоялось в 70-е годы прошлого века, когда я учился в Москве, а потом стал работать собственным корреспондентом Узбекского телевидения и радио, а Хилям Рахимович возглавлял иновешание Госкомитета по телевидению и радиовещанию Узбекской ССР.

Тогда в СССР была выстроена четкая система пропаганды средствами радиовещания на зарубежные страны во главе с Иновещанием СССР, которое транслировало на 77 языках народов мира (на английском – круглосуточно).

Ташкентское иновещание стояло особняком прежде всего из-за большего, чем где-либо в республиках, количества языков и объема трансляции. В оперативности вещания Ташкент никогда не уступал другим станциям.

Руководил этим непростым процессом Хилям Рахимович Худайбердиев, человек широкой души, организатор от Бога, чуткий к каждому сотруднику.

Для молодого поколения поясню, что тогда, понятное дело, не существовало сотовых телефонов, мессенджеров и других, подобных современным, средств коммуникации. Единственным способом с кем-либо оперативно связаться был телефонный разговор, а для нас, журналистов, существовала такая технология, как телекс, предвестник электронной почты, по которому мы передавали свои материалы и служебные записки.

Хилям Рахимович звонил мне чаще всего утром по понедельникам после общереспубликанской летучки, рассказывал о летучке, ставил задачи, ориентировал, на что обратить внимание, с кем встретиться, с кем провести интервью для Иновещания. Именно он и сообщил мне о вводе советских войск в Афганистан в ночь с 25 на 26 декабря 1979 года.

Дело в том, что обращение в записи нового руководителя Афганистана Бабрака Кармаля к партии, к афганскому народу было передано на эту

Рахимжан СУЛТАНОВ родился в Самаркандской области в 1950 г. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова и Академию общественных наук при ЦК КПСС. Работал собственным корреспондентом Узбекского телевидения и радио в Москве в (1977 – 1993), специальным корреспондентом радиокompании «Голос России» по Узбекистану (1993 – 2013), обозревателем веб-сайта «Новости Узбекистана».

страну на языках дари, пушту, персидском, урду именно из Ташкента, усиленное мощным передатчиком, расположенным в Термезе. Как мне потом рассказывал Хиям Рахимович при личной встрече, это было сделано из здания на Хорезмской, 49, где располагались эфирные аппаратные, в присутствии руководства Гостелерадио, высоких чинов ЦК КП Узбекистана, КГБ Узбекской ССР, Туркестанского военного округа. ...Чувствовалось, что он, как фронтовик, не приемлет войну ни в каком виде. Завершив этот разговор, он сказал:

– Не стоило лезть в Афганистан... То, что не смогли сделать англичане, смогут ли другие сделать?

Однако, как служивый человек, он дал мне установки по освещению афганской тематики с гуманитарной точки зрения. Рекомендовал развивать культурные контакты, связи по линии писателей, деятелей искусства, молодежных организаций, учреждений здравоохранения.

Кстати, в те годы у меня были хорошие отношения с посольством Афганистана в Москве, расположенным на Поварской улице. Всеми связями, в том числе с прессой, там ведала выпускница Института стран Азии и Африки при МГУ, прекрасно владеющая языками дари, пушту, персидским. Как-то летом 1983 года я ей с утра долго не мог дозвониться, удалось только к обеду. Спрашиваю, почему так долго не отвечает, всё ли в порядке?

– Да нет, – говорит, – не совсем в порядке, всю ночь были в Чкаловском (крупный военный аэродром под Москвой), потом поехали в Кунцево, только к утру вернулась домой.

– А что случилось?

– Эвакуировали премьера, – последовал ответ.

А премьер-министром Афганистана тогда был видный сподвижник Бабрака Кармая, ученый-экономист Султан Али Кешманд, приговоренный к смертной казни при правлении Нур Мухаммеда Тараки и спасенный после ввода советских войск.

– А что с ним?

– Заразился желтухой...

Султан Али Кешманд был вторым лицом в тогдашней афганской иерархии, и о его болезни должна была быть какая-то информация. Я мигом помчался в Гостелерадио, где за массивными дверями с отдельной охраной располагалась редакция перехвата мировых радиостанций. Внутрь посторонних никогда не пускали, стоял милицкий пост, вышедшего дежурного по редакции я спросил, есть ли сведения о премьер-министре Афганистана Султане Али Кешманде.

– «Би-Би-Си» сообщила, что ночью его убили в перестрелке на окраине Кабула, «Рейтер» опровергает, «Франс Пресс» тоже придерживается такой точки зрения. Делийское радио трижды передало сообщение «Би-Би-Си» без комментариев. Американцы молчат.

Это было в период правления Юрия Андропова, при нем в ЦК КПСС был организован Отдел международной информации, в котором без лишней волокиты работали молодые сотрудники, ранее работавшие в ТАСС, АПН, диппредставительствах СССР в зарубежных странах.

Худайбердиев Хиям

Я сразу позвонил консультанту отдела, куратору афганского направления, сообщил, что «Би-Би-Си» известила об убийстве Султана Али Кешманда, а у меня информация, что ночью его привезли на лечение в Москву.

– У него желтуха, он в инфекционной, никто вас туда не пустит, – ответил мне консультант.

– Не надо меня пускать. Пусть лечащий врач держит микрофон моего репортерского магнитофона, я задам несколько вопросов. Всего 3-4 минуты... Пусть опровергнет лживое сообщение «Би-Би-Си»...

– Это интересно. Езжайте туда, я доложу начальству и с главврачом поговорю.

В течение часа я добрался до проходной кремлевской больницы. Здесь обо мне были проинформированы. Один из охранников сопровождал меня до холла инфекционного корпуса, там нас встретил врач, который с моим магнитофоном поднялся на пятый этаж и прошел в палату премьера. А меня проводили к телефонному аппарату в одном из кабинетов первого этажа.

Вскоре соединили с больным Султаном Али Кешмандом. Поскольку я знаю таджикский язык, а дари и таджикский схожи, мне не стоило никакого труда поговорить с ним. Больной держался уверенно, голос был бодрый, на вопросы отвечал обстоятельно. Говорил о текущей политической ситуации в Афганистане, о неоценимой помощи Советского Союза. На вопрос о болезни сказал, что не знает, где заразился, но его лечат лучшие советские врачи, он верит, что скоро выздоровеет и снова будет в строю.

Я спросил Кешманда, ознакомился ли он с сегодняшней советской прессой?

– Да, мне сегодня рассказали о содержании газеты «Правда».

Уже вечером я вернулся в здание Гостелерадио позвонил домой Хилям Рахимовичу, рассказал об интервью с Султаном Али Кешмандом. Хилям Рахимович пообещал, что уже завтра информацию передадут на всех языках вещания.

На следующий день интервью было передано. В кратком изложении со ссылкой на Ташкентское иновещание текст был опубликован в газете «Известия».

Этот факт свидетельствует об умении Хиляма Рахимовича быстро оценить ситуацию, взять ответственность на себя. В то время, когда всё было централизовано, это дорогого стоило. Ведь труд журналиста, даже если он раскопал что-то исключительное, пойдет насмарку, если его работу не оценит старший товарищ – непосредственный руководитель. Сколько материалов ушло в корзину только из-за того, что они своевременно не были оценены и направлены в печать!

Хилям Рахимович всегда находил выход из сложных ситуаций, советовал те только в делах творческих, но и в личных, чисто бытовых.

Мы, старшее поколение, помним мастерство и яркое искусство Уйгурского национального ансамбля песни и танца, организованного при личном участии и опеке незабвенного Хиляма Рахимовича.

Горжусь, что яркий представитель своего времени Хилям Рахимович Худайбердиев, самоотверженный труженик, профессионал, оставил свой след в моей судьбе, и хочется, чтобы о нем знали и помнили сегодняшние журналисты.

к 80-летию со дня рождения

Биеение сердца

Хабибулло ФАЙЗУЛЛО

Хабибулло Файзулло трагически погиб тридцатипятилетним. При жизни он выпустил на русском языке одну маленькую книгу, хотя писал много, с предельной самоотдачей и требовательностью к самому себе. Умение удивительно тонко и сочно передавать в слове плоть и душу природы многоликой памирской земли, искренность и страстность любовных строк, молодость и вместе с тем весомость философских откровений не могут оставить читателя равнодушным к творческому наследию замечательного поэта.

М. Синельников

Русло реки

Покатилась река, волны сталкивая с валунами,
Обтирая бока, обдирая ладони волнами.

Вот взмывает волна, и сошлась, и сцепилась с волною,
Ей готова она расцарапать глаза пятернею...

Как ребенок, поток голосит в колыбели спросонок,
И не вытянет ног, и не вывернет рук из пеленок.

Ищет малую шель, шевелится, ушелием сжатый...
Не найдется ужель поводырь, проводник-проводжатый?

То усилит напор, то спадет и подастся обратно.
И почует простор, и скользнет, извернется стократно.

То ли гневен и зол, то ли робок, и ласков, и тонок;
То ли горный козел, то ли смиренный долинный ягненок.

Не моя ли судьба так бушует, кипит и клокочет,
И не стихнет борьба, если сердце смириться не хочет...

Покатилась река, волны сталкивая с валунами.
И дрожат берега, отступая на миг пред волнами.

Хабибулло ФАЙЗУЛЛО (1945 – 1980) – поэт, переводчик, член СП Таджикистана. Родился в Кулябской области (Таджикистан). Окончил историко-филологический факультет Душанбинского госпединститута им. Т. Шевченко (ныне Таджикский госпедуниверситет им. С. Айни) и Литературный институт им. А. М. Горького (Москва). Работал завотделом и замредактора в газете «Мубориз», литсотрудником в газетах «Тоҷикистон комсомоли», «Душанбе окшоми» и «Маориф ва маданият», сотрудником отдела пропаганды литературы СП Таджикистана. Автор сборников стихов «Қатраи борон» («Капля дождя», 1966), «Дунёи авон» («Мир молодости», 1971) и др., книги русскоязычных стихов «Яблонька» (1972).

Древний напев

В сердце горных ушей – обломки, как зерна посева,
 Их считает река, пробивая базальтовый шит...
 Прямо в сердце мое льются чистые волны напева,
 В древнем сердце страны песня пращуров мощно звучит.
 Светлоликое солнце смеется, как малый ребенок,
 Выплывая из тьмы в розоватый прилив синевы.
 Что же плещут ручьи, и журчат, и бормочут спросонок,
 И слезится роса на мохнатых ресницах травы?
 А поток всё идет и в дороге грохочет упрямо,
 В ослепительной пене с камнями сразилась река,
 И на бурной стремнине гремят барабаны Рустама,
 И врывается гул в заповедные сны тростника.
 Тает сердце мое, талым снегом течет и струится,
 И мечты, словно птицы, крылаты и вознесены
 Выше снежных вершин, и открыта на первой странице
 Эта вечная книга зеленых сказаний весны.
 Вспоминает земля всё, что было на ней пережито,
 Всё напостила ей золотая пастушья свирель.
 Наступила весна, словно пиршество в царстве Джамшида,
 Этот пир – моя жизнь, эта песня – как радостный хмель.
 Повевает река – тают отзвуки кольцами дыма,
 Напевает свирель – и влюбленность, внушенная ей,
 Словно целая жизнь, невозвратна и неповторима...
 Бесконечная жизнь протяженностью в несколько дней.

Юность

Лишь река и луна говорили вдвоем
 О молчанье твоим и моим.
 Ослепительно белая роза луны
 Расцвела на ладони волны.

Уносили признанья мои и твои
 Ледяного потока струи.
 И да будет любовь так чиста и сильна,
 Как его молодая волна.

Я хотел бы обнять этих плеч водопад,
 Дуновением жарким объят.
 И плывут, и плывут за веками века.
 И вздыхают в реке облака.

Катит долгие годы шумящий поток,
 Как бездонное небо, глубок.
 Оглянись! В этот час под луной расцвели
 Наша юность и юность Земли.

Кинжал

Под музейным стеклом
вижу скользкое тело кинжала,
золотая змея
завитком оплела рукоять,
и раздвоен язык,
и дрожит напряженное жало –
ядовитый резец,
не уставший алкать и карать.

Целовал чародей
богатырские плечи Заххока,
и, когда он ушел
и рассеялись дым и туман,
две огромных змеи
над плечами взметнулись высоко...
Неужели, кинжал,
и тебя лобызал Ахриман¹?

Кровь замученных жертв
эту злобную сталь горячила,
и, разгулом пьяна
и заточена с разных сторон,
возвешает она,
как змеинный язык, злоречива,
свой завет вековой,
свой презренный змеинный закон...
Золотая змея
вечно жалила и поражала,
убивала детей,
побывала в руке палача,
свежей крови ждала
и дрожала, дрожала, дрожала...
От неслыханной жажды
стенала, звеня и крича.

Это время ушло.
Отшумело, давно отбежало.
Может быть, хоть оно
утолить эту жажду смогло!
...Неужели сейчас
красноватое тело кинжала,
вспоминая ее,
сквозь музейное смотрит стекло?

Резчик по дереву

Сирожиддину Нуриддинову

На безжизненном древе
Живые цветы расцвели.
И смеются цветы,
Словно капля дрожит дождевая.
И поет соловей
Над садами весенней земли.
И течет по ветвям
Соловьиная песня живая...
Вот и пьяный Хайям,
Прижимающий чашу к губам,
Вот и старый ханжа,
С причитаньями топчущий чашу...
Вот художник с резцом,
Подаривший вселенную нам,
Воплощающий жизнь,
Прославляющий молодость нашу.

И звезда в небесах,
И зерно в золотом колоске
Отразились в глазах
Оживленной толпы многолицей...
И стекает родник
По сухой потемневшей доске.
И воскресшие предки
Бредут по тропе вереницей.

И молочные реки
На дальней восточной горе
Пробуждаются вдруг
И сбегают с нагорной вершины.
И рождается солнце
Ребенком на красной заре,
Пьет напиток полей
И растет в колыбели долины.

Светлых лет,
Долгих лет
Я желаю тебе, чародей!
А творенье твое год за годом
Цветет всё чудесней.
И пылает весна
Под волшебной рукою твоей.
И безмолвное древо
Рождает звенящую песню.

¹ Ахриман – воплощение зла в древнегреческой мифологии.

Сок винограда

*Как в мед превращается вода
В сладких зернах винограда.*

Нодипур

Ты срежешь нежную лозу.
Она, цветным огнем горя,
На грудь земли прольет слезу
Из наливного янтаря.
Бурлит медовый водопад.
И молвит, падая во прах:
«Меня не знает виноград,
Я поселен в его корнях,
Бегу в корнях струей сквозной,
Под почвой радостно пою,
Когда веселою весной
Я начинаю жизнь свою.
По глянцу девичьих ланит
И по румянцу детских щек
Течет, и плещет, и летит

Мой щедрый, светоносный сок.
Ведь в нем – брожение мятежа
И виноградаря труды.
И кожа трепетно свежа
От холода живой воды.
О жгучесть человеческих слез!
Слеза горька и солона,
На землю скатится она...
Напрасен плач созревших лоз.
А грозди красные мои!
Гляди – ведь в них уже давно
Окаменели янтари...
Кипит и пенится вино,
И брызжет яростный багрец
Для молодеющих сердец».

Боль

Если б не было боли на свете, когда б не бывало
В сердце боли горячей, когда бы по капле воды
Не точила бы, мучаясь, шит снегового завала,
Ни ручьем бы не стала, ни мощной рекой никогда.

Если б не было боли, забыли бы пение птичье,
И ни гром не гремел бы, ленивые тучи будя,
Не взмывали бы молнии в блеске своем и величье,
Да и россыпь грибов не вставала бы после дождя.

Ни одна бы струна, задрожав, не проснулась тогда бы,
Не принес бы признанья, в тоске тростниковой затих
Стон пастушьей свирели, умолкло б рыданье рубаба,
И поэт не пришел бы на землю, не ожил бы стих.

Если б не было боли, младенец в своей колыбели
Не смеялся бы солнцу, цветенью весеннему рад.
Если б не было боли, тогда бы и песен не пели,
И огонь, и вода не ковали бы звонкий булат.

Жизнь, загадки твои сшиты огненной сварою боли,
И сказал мне родник, напоивший сады и хлеба,
Через сердце скалы вольной волей пробившийся в поле,
Что пребудет всегда меж покоем и болью борьба.

Горсть земли

Памяти Исмата Шарифа

В той степи, где за плугом ты шел весной,	И на поле войны, где сражался ты,
Я по следу иду твоему,	Рухнул грудью вперед, как Рустам,
В той степи, где пшеницу колышет зной,	Поднялись сады, расцвели цветы,
Горсть земли для тебя подниму.	Зашумели колосья там.

И ломается колос литой, золотой...	Из таджикского края к подножью берез
Не успел ты склониться к зерну,	И от ранней весны к зиме
И оставил несжатый клин сиротой,	Я пришел, материнскую землю принес,
И ушел на большую войну.	Положу на могильном холме.

Чтобы сны об Отчизне к тебе пришли,
 Запах почвы, что свеж и прян...
 А с могилы твоей
 Горсть другой земли
 Отнесу я в Таджикистан.

Монолог памятника

Я памятник.
 Пристальной молнией взгляда
 Твой путь прослежу,
 устремляясь вослед.
 Меня надломили жара и прохлады,
 тшета и течение прожитых лет.
 Я камень безмолвный,
 привыкший к бессилью,
 И тень моя тихо коснулась земли.
 Ты можешь, прохожий,
 смешать меня с пылью
 иль встать на колени в дорожной пыли.
 Каких-то эпох и конец, и начало
 сомкнулись в моей небывалой судьбе.
 Немало здесь лет протекло,
 и немало
 прошло, прошагало
 подобных тебе.
 Заря от улыбки моей заалела.
 От злобы моей стало небо темней.
 Но тянутся дни, и какое им дело
 до вскинутой в небо десницы моей!
 В душе моей только одни сожаленья,
 и молча обдумую думу мою.
 И сердцу не слышно дыхание тленья...
 Надломлен,
 но, не рассыпан,
 стою.

Чинористон¹

Этот город лежит у подножия гор.
Ты с холма на равнину взгляни:
Там, внизу, как бессчетных созвездий узор,
Бесконечны ночные огни.

Вереницы серебряных бус – фонари –
Светят городу ночь напролет.
Звонкозвучный Варзоб – вновь и вновь до зари –
Над его колыбелью поет.

А по скверам и паркам цветущим пройдешь,
Взгляд насытишь ли всем, что цвело?!
Ты под косами ивы, струящими дрожь,
сразу вспомнишь красу Мусалло².

И как будто минуто назад Рудаки
С гор сошел в этот город большой,
И высок пьедестал, но ступени легки
Старцу древнему с юной душой.

Он глядит на чинары аллеи густой:
«Что за город! Эдемы в цвету...
Значит, вывело Время счастливой чертой
Знак судьбы твоей, вспомнив мечту!»

...В этих чашах – спасение в знойные дни,
Мошной кроны громаден размах.
Вот сидит под чинарой, в широкой тени,
Мать с ребенком грудным на руках.

Для ребенка хотелось бы ей у чинар
Долголетия могучего взять,
Чтоб ему красоту получить от них в дар,
Жизнелюбие, и гордость, и стать.

Навевает листва и прохладу, и жар,
Не состарят года Душанбе,
Ты под сенью торжественно-стройных чинар
Будь зеленым всегда, Душанбе!

---

¹ Чинористон (тадж.) – «Страна чинар».

² Мусалло – сады Шираза.

Жажда*Марине Хагуш*

Губы жаждут стихов,
 так река в обмелениях ила
 Жаждет тех берегов,
 от которых она отступила.

Мы на лодке плывем,
 огибая глубины и мели,
 Мы с тобою вдвоем...
 Мы с тобой – близнецы в колыбели.

Словно милая мать,
 встала рядом гряда волновая,
 Чтобы лодку качать,
 чтобы лодку качать, напевая.

Этот берег окинут,
 ну а берег далекий – невидим,
 Если волны отхлынут,
 мы и вовсе на сушу не выйдем...

Губы жаждут стихов,
 и глаза ищут встречи с твоими.
 Между двух берегов
 я твержу незабвенное имя.

И бегут, как во сне,
 незапамятной музыки звуки,
 Чтобы в каждой струне
 отозвалось предвестье разлуки.

Чтобы молния вдруг
 оплела мое сердце корнями...
 Разбежавшийся круг
 отшумевшей волны перед нами.

Губы жаждут стихов,
 и стоим на речной середине –
 Между двух берегов –
 мы с тобой, как в безводной пустыне.

Перевод с таджикского Михаила СИНЕЛЬНИКОВА**УШЕЛ МОЛОДЫМ...¹**

...Первые стихотворения Хабибулло Файзулло издавались в периодической печати и с кратким предисловием С. Улугзаде. В предисловии к первому сборнику <...> он отметил мастерство поэта, тонкие наблюдения, свежесть поэтических образов, высокохудожественные зарисовки.

Популярным Хабибулло Файзулло стал еще в свои студенческие годы, систематически печатаясь в периодической печати. <...> Первый сборник «Капля дождя» («Қатраи борон») сразу же привлек внимание литературоведов и критиков, которые связывали с именем Х. Файзулло <...> будущее таджикской поэзии.

<...> О поэзии Хабибулло Файзулло, его творческом потенциале писали в статьях и рецензиях С. Улугзаде, С. Табаров, А. Сайфуллаева, С. Куняев, К. Чиллаев, А. Самадов, Ю. Ақобирзаде, А. Хакимов, А. Давронов, Ш. Ёлгори, З. Мирзоев и др., анализируя ее тематическое многообразие, формо-содержательные особенности, значение его наследия для современной таджикской поэзии, проблемы традиции и новаторства.

<...> Однако существующие многочисленные работы не дают исчерпывающей характеристики особенностей творчества поэта, позволяющей определить место и значение его творческого наследия в таджикской поэзии нового

¹ Выдержки из диссертации Нурмада Шамсова; полностью статью см.: Шамсов Нурмад Сироджович. Хабибулло Файзулло и его место в поэзии 60-70-х годов двадцатого века: диссертация ... канд. филол. наук / Таджикский национальный университет. – Душанбе, 2016. – 192 с. (Электр. ресурс: www.dslib.net/literatura-mira/habibullo-fajzullo-i-ego-mesto-v-poezii-60-70-h-godov-dvadcatogo-veka.html).

времени, хотя Х. Файзулло продолжает оставаться одним из самых читаемых поэтов в Таджикистане.

<...> По-прежнему актуальным остается исследование <...> и всесторонний анализ идейно-тематических и художественных особенностей его поэзии. <...>

Очевидна связь поэзии Хабибулло Файзулло с таджикской классической поэзией, устно-поэтическим творчеством народа, творчеством современных мастеров поэзии, но вместе с тем интересны и плодотворны новаторские поиски поэта в жанровом, содержательном, формальном аспектах, позволяющие сделать вывод о том, что Х. Файзулло внес достойный вклад в развитие таджикской поэзии второй половины XX века. <...>

Хабибулло Файзулло мастерски использовал свободный аруз, создавая высокохудожественные картины природы в циклах и отдельных лирических произведениях. В его творчестве достойное место занимают также переводы произведений поэтов разных народов мира. Он проявил высокое мастерство в использовании традиционных форм поэзии, создав яркие произведения классических жанровых форм, и тем самым доказал, что традиционные формы поэзии могут занять достойное место в литературе нового периода.

<...> Несмотря на молодость, поэт смело выразил свое отношение к конкретным событиям времени в форме мудрых наставлений и назиданий. Обращение к традициям русской литературы и открытиям новой поэзии, расширение диапазона традиционных тем способствовало укреплению содержательно-логических основ произведений Хабибулло Файзулло, обогащению его поэзии неожиданными поворотами мысли, разнообразию стихотворных размеров, придавая стихам поэта особую мелодичность и певучесть.

Поэт творчески использовал традиции и достижения новой поэзии для формирования самосознания и самопознания читателя.

К сожалению, он рано ушел из жизни...

Нурмад ШАМСОВ,
доктор филол. наук, профессор кафедры
теории и истории литературы
Международного университета
иностранных языков Таджикистана им. С. Улугзаде

ДОЛГОЖДАНАЯ ВЕСНА

Рассказы

Жура ФОЗИЛ

АРОМАТ СИРЕНИ

1945 год. Апрель. Погода стояла весенняя: почти каждый день лил дождь. А земля тем временем сотрясалась от раскатов, взрывов, рокота танков, авиации и артиллерии. То тут, то там на глаза попадались таблички «До Берлина ... километров».

Советские войска всё туже затягивали смертельную петлю на шее мерзких фашистских захватчиков, едва не ввергнувших всё человечество в пучину хаоса. Враг в предсмертной агонии оказывал ожесточенное сопротивление.

Разрушенные города и села, разбитые дороги... На каждом шагу – сгоревшие танки, развороченные орудия, взрытые окопы, разбросанные гильзы и оружие, в лужах – вода, смешанная с кровью...

На обочинах дорог, на бескрайних просторах полей появлялись могилы... солдатские могилы.

Хотя всё это и вызывало горькую скорбь, солдатские сердца не могли остаться равнодушными к весеннему преображению: естественный процесс, подтверждающий единство всего живого. Своим шелестом предрассветный дождь будто нашептывал солдатам сквозь их чуткий сон: «Будь стойким, сынок! Победа уже близка, и час возмездия скоро наступит! А потом ты вернешься в родимый край, где сможешь мирно трудиться!»

Дыхание весны было даже в смешанных с грязью безжизненных травинках и полевых цветах, перемолотых гусеницами тяжелых танков. В разоренных садах среди вывороченных с корнем буйно цветущих яблонь и вишен распускались непослушные грозди сирени – это рождало в душе пьянящее чувство: среди разрухи, крови и смерти возможна робкая надежда на жизнь.

Ужасы войны и весенняя свежесть – противоположные явления, и могут ведь у человека возникать жизнеутверждающие чувства, даже когда он истекает кровью.

Первый батальон 5-го гвардейского танкового полка разместился в местности, с одной стороны окруженной густым лесом, с другой – пригорками, просторными полями и зарослями кустарника.

Жура ФОЗИЛ (Джура Фозилов) родился в 1949 г. в Бухарской области. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУЗ). Прошел трудовой путь от наборщика типографии до главного редактора газеты «Ромитаннома», занимал административные посты. Автор 10 прозаических книг. Переводил на узбекский язык произведения К. Паустовского и В. Астафьева. Награжден орденом «Дўстлик» и почетным знаком.

Это подразделение по достоинству было первым, на всех фронтах оно было на передовой. Для танкистов батальона не было невыполнимых задач, они одерживали победы в самых ожесточенных боях. Однако и самые тяжелые потери выпадали на их долю: сгоревшие в боевых машинах экипажи, искалеченные, израненные бойцы...

Командир батальона был человеком жестким, решительным, порой бескомпромиссным, но солдаты любили и уважали его за справедливость и между собой называли Батя.

На первый взгляд могло показаться, что танкистам дали трехдневный отдых, но это мощное подразделение готовилось к решающей атаке. Озабоченные командиры ничуть не походили на отдыхающих, а, скорее, напоминали повадками сосредоточенных тигров, готовящихся к прыжку. Они восполняли ряды бойцов новичками вместо выбывших, возмещали подбитую технику, пополняли запасы боеприпасов, топлива и продовольствия. Кроме того, личному составу надо было привести в порядок обмундирование, внешний вид и хоть немного отдохнуть и отвлечься.

Для того чтобы место расположения батальона не было выявлено противником и не стало мишенью для авиации и дальнобойной артиллерии, были предприняты все меры: по периметру расставлены часовые, над могучими Т-34 натянуты четырехугольные маскировочные сети, словно чимилдик¹ над новобрачными на Востоке (хотя танки вовсе и не походили на женихов). Бойцы теперь могли немного передохнуть.

После полудня для пополнения хозяйственного взвода прибыли новые бойцы – десятеро ребят, прошедших подготовку и успевших понюхать пороху...

Особенно быстро разлетелась весть о батальонной кухне. Новый повар – выходец из Бухары, парень лет 23-24, оказался очень веселым и остроумным. Внимание всех привлекал орден Красной Звезды, сверкавший у него на груди. Обычно танкистов-гвардейцев украшало множество наград, но орден Красной Звезды – это дело особое. Поэтому всех интересовало, где и когда новичок получил эту высокую награду. Бурибой на это отвечал коротко: «За бои на Курской дуге». Авторитет повара на новом месте службы мгновенно возрос. Солдаты отлично знали, насколько тяжелыми были танковые сражения на Курской дуге. Вот почему после его пояснения никто больше не лез к Бурибою с расспросами. Сослуживцы поняли, что он смелый боец.

Зато теперь их терзал другой вопрос: «А каков из него повар?» Их по три раза в сутки до отвала кормили успевшей осточертеть перловкой, поэтому все мечтали о блюде, хоть немного более изысканном. К счастью для них, повар-орденоносец оказался настоящим мастером своего дела: он привез с собой разные ароматные специи, маш, рис и сухофрукты.

Ближе к вечеру из полевой кухни разносились такие диковинные ароматы, что танкисты, измученные однообразной баландой, не могли найти себе места.

Вскоре стало известно, что на ужин приготовлено блюдо под названием машхурда². Солдаты, наполнив котелки, приступили к поглощению пищи. Одной ложки каши (на пробу) было достаточно, чтобы оценить мастерство повара и непременно похвалить его.

– Браво, Бурлай! Молодец, джигит! – кричали находчивые танкисты. Его непривычное для слуха имя они стали произносить как Бурлай. В общем, повара так и стали звать.

¹ Чимилдик (узб.) – полог, закрепляемый на над новобрачными.

² Машхурда (узб.) – суп с машем и рисом.

Машхурда была приготовлена с ароматными специями, сухофруктами, и бойцы даже шутили, что, если таким блюдом накормить покойника, он тут же оживет. Бойцы, конечно, преувеличивали, но еда и вправду получилась очень вкусной. Даже особо придирчивые товарищи из младшего командного состава не могли этого не признать.

Словом, Бурибой, он же Бурлай, с первого дня понравился сослуживцам. Несмотря на свою ловкость и мастерство, он был очень скромным пареньком, поэтому и к похвалам относился спокойно. Повар обычно прикладывал руку к груди, вежливо благодаря сослуживцев за похвалу, и тем, кто приходил за добавкой, никогда не отказывал.

Однажды Бурибоя вызвал в свою палатку командир батальона. Повар сразу стал серьезным, снял фартук, колпак, привел себя в порядок. Он надел пилотку, затянул ремень, одернул гимнастерку и уверенно зашагал к командиру.

– Товарищ майор! Сержант Абдуллаев по вашему приказанию прибыл! – рапортовал он, козырнув.

Командир батальона, широкоплечий, крепкий мужчина, некоторое время внимательно рассматривал вошедшего, а потом, отложив формальности, тепло обратился к нему:

– Молодец, сержант Абдуллаев! Баракалла¹! Поди сядь рядом, дай обнять тебя.

Абдуллаев так смутился, что не двинулся с места: так и стоял по стойке «смирно».

Тогда комбат медленно поднялся, обнял повара за плечи и усадил рядом с собой, после чего сказал:

– Мы все уж очень устали от каши. Попробовав твоё блюдо, я даже подумал: что за высокая кухня? Руки у тебя по-настоящему золотые. Мы ели просто чтоб голод утолить. А вот это – настоящее угощение. Ну, расскажи, сержант Абдуллаев, откуда ты сам-то, чем занимался до войны?

– Я родом из Узбекистана, из Бухарской области. А до войны работал трактористом.

– Из Бухары, значит? Надо же! Я по службе бывал и в Ташкенте, и в Бухаре. Бухара – город-легенда! Кстати, если был трактористом, то неудивительно, что попал в танковый полк.

Бурибой молчал. В палатке, кроме командира батальона, находилось еще трое. Их внимание было приковано к ордену, сверкавшему на груди сержанта.

Политрук, сидевший напротив комбата, спросил:

– В каком бою орден получил?

– На Курской дуге. Я был механиком-водителем. Наш танк тогда сгорел, а я был тяжело ранен...

Повисло неловкое молчание. Все хорошо знали, что танковое сражение на Курской дуге было самой страшной битвой в истории войн и какими ужасающими были потери и разрушения с обеих сторон в том аду. Поэтому бывшего механика-водителя больше не донимали вопросами.

– Ну, политрук, плесни водки.

Политрук отвинтил крышку фляжки и разлил содержимое по пяти алюминиевым кружкам. От резкого запаха спиртного у Бурибоя закружилась голова.

Комбат поднял кружку:

– За нашу победу и за орденосца-танкиста сержанта Абдуллаева!

Все залпом осушили кружки... кроме повара.

¹ Баракалла (узб.) – молодец.

Бурибой продолжал молчать. Комбат вопросительно посмотрел на подчиненного:

– Ну, сержант, почему не пьешь?

– На службе не положено, товарищ майор. Санчасть еще не накормлена.

Комбат снова взглянул на него испытующе:

– Ладно, ладно! С дисциплиной у тебя порядок. Но, согласно разрешению Народного комиссариата обороны, на передовой бойцам положены боевые сто грамм. Об этом мы все хорошо знаем.

Комбат уговаривал его поест. Но, поняв, что гость чувствует себя неловко, словно на иголках, вложил ему в руки буханку черного хлеба, банку консервов, колбасу и разрешил идти.

Сержант вышел из палатки в странном состоянии: словно хмельной, хоть и не притронулся к кружке.

Когда он добрался до полевой кухни, еще не стемнело, как раз ужинали бойцы хозяйственного взвода и врачи и медсестры санитарной части.

Повара снова стали хвалить, но он словно не слышал, спеша поделиться провизией, полученной от комбата, с сослуживцами.

Когда машхурды уже почти не осталось, с алюминиевым котелком в руках подошла медсестра лет 22. Девушка была светленькая, с голубыми глазами и золотистыми выюшимися волосами, выбивающимися из-под пилотки.

– Ассалом алейкум, Бурибой-ака¹, – сказала она по-узбекски. – Еще что-то осталось?

– Осталось, осталось, – ответил Бурибой, разглядывая ее с головы до ног, – приберегли для друзей.

Девушка, обрадовавшись, протянула котелок и сказала:

– Я из Ташкента. Как раз перед началом войны закончила медучилище. С подругами пошли на фронт добровольцами. Меня зовут Маргарита.

– Вот как, сестричка, выходит... мы земляки, – сказал повар, протягивая с доброй улыбкой полный котелок. – Приятного аппетита!

Так и завершился ужин.

Пока убирали посуду, в голове повара мелькнула мысль: «Эх, вот были бы продукты, я бы сварил настоящий бухарский плов на топленом жире... Все бы пальчики облизывали! Но где уж в такое время взять нужные продукты?..»

На следующий день выяснилось, что у Бурибоя есть еще несколько полезных качеств и умений. Оказалось, он отлично поет, а еще стричь-брить умеет и сапоги чинить. А это для отдыхающих бойцов необходимо как воздух. Готовя обед, Бурибой напевал зычным голосом бухарские частушки (терма):

Милая моя, душенька,
Приди в дом мой гостем!

Красивой головке – платок от меня,
А косам роскошным – конек² от меня.

Бровкам дугою – усьма³ от меня,
А глазкам-алмазам – сурьма от меня.
Губкам твоим – поцелуй от меня.
Ножкам твоим – сапоги от меня.

Фигурке твоей – наряд от меня.

Став голубем, взвиться бы ввысь

И миг спустя к любимой воротиться:

Всё – один к одному, а я тебя берегу!

¹ Ака (узб.) – брат; уважительное обращение к мужчине.

² Конек – изогнутый гребень с высокими зубцами.

³ Усьма, или вайда красильная – растение, которое на Востоке используется женщинами для подводки бровей.

Помощники и солдаты, сновавшие по поручениям, с интересом слушали его и подбадривали.

К обеду поспела шурпа с горохом, перцем, лаврушкой и еще какими-то приправами. И, хотя для бойцов это блюдо было не в диковинку, аромат приправ и мастерство повара сделали свое дело: вскоре от приготовленного не осталось ни ложки! Все ели и нахваливали.

Полчаса-час послеобеденного отдыха для бойцов – святое. В это время солдат никто не трогает. Каждый занят своим делом: кто дремлет, кто пишет письмо домой, а кто приводит в порядок форму или бреется.

И тут, оказывается, что Бурибой снова нарасхват! На привале у разросшихся кустов сирени он уже точит бритву о широкий кожаный ремень, а очередь желающих подстричься и побриться тем временем становится всё длинней.

Когда солнце стало клониться к закату, пришла Маргарита. Она поздоровалась, замялась, и Бурибой стало ясно, что девушка хочет с ним о чем-то поговорить. Сдвинув пустые ящики от артиллерийских снарядов, он пригласил гостью присесть.

– Я слышала, что вы, оказывается, из Бухары, – сказала она. – Когда я служила в медсанбате, у меня была подруга из Бухары, ее звали Мунира. Случайно не знакомы с ней?

– Нет, – мотнул головой Бурибой, – среди знакомых Муниры нет.

Парень тихо вздохнул и стал шарить пальцами в нагрудном кармане гимнастерки. Выудив оттуда две фотокарточки, обернутые в бумагу, он протянул одну девушке.

Маргарита бережно взяла карточку и увидела изображение благообразной женщины лет шестидесяти. Сердце отчего-то сжалось. «Наверное, это его мать...» – мелькнула мысль. И Бурибой тут же подтвердил ее догадку.

– Моя матушка... Отец еще накануне войны умер. Я единственный сын. Моя родная, наверное, молится сейчас Аллаху, чтобы я живым вернулся...

Голос повара задрожал, глаза девушки заблестели. Повисла тишина.

Бурибой протянул девушке вторую фотокарточку. Она взглянула – и в меркнушем солнечном свете увидела нечто волшебное. Со снимка улыбалась необычайной красоты девушка лет 17-18, одетая в простое платье, поверх которого – жилетка, волосы заплетены в мелкие косички, а на голове шахрисабзская тюбетейка «ироки». Хотя фотография была не самого лучшего качества, лицо девушки всё же словно излучало свет.

Медсестра смотрела то на фотокарточку, то на Бурибоя, не в силах ничего сказать. «Как же ему не вздохнуть... Я знала, что бухарские девушки красивые, но чтобы настолько!...»

Возвращая фотографию, она прошептала:

– Это ваша избранница?

– Да, – ответил парень, стараясь скрыть от девушки свою печаль. – Бог даст, вернусь домой, сыграем свадьбу. Ситора хочет стать учителем...

Девушка промолчала. Трудно сказать, испытывала ли она симпатию к своему собеседнику. В этот момент ее душа разрывалась от противоречивых чувств. Одно можно было сказать уверенно: она проклинала войну, которая отобрала у этих молодых людей весну их жизни.

Медсестра, побывавшая вместе с ранеными в подземельях, когда шли тяжелые оборонительные бои, видевшая бойцов, лишившихся рук и ног, горевших заживо, и сама смертельно боявшаяся быть изуродованной или попасть в плен, часто размышляла: «После всего, что пережила, способна ли я любить? Смогу ли стать матерью? Не покалечила ли война мое сердце, не лишила ли его умения любить?»

Бурибой понял, что чувствует в этот момент девушка, и решил подбодрить землячку, которая собралась уходить:

– Выше нос, сестричка! До Берлина совсем немного осталось. Даст бог, скоро отпразднуем победу! А там уже и домой вернемся, на свадьбе твоей будем веселиться. Я громче всех «горько!» буду кричать!

Вот только война... эта война!.. И она решила, что не суждено Бурибой дойти до Берлина, не суждено отпраздновать победу и кричать «горько!» на свадьбе медсестры, как и вернуться к своей любимой Ситоре.

Из штаба в гвардейский танковый полк поступил секретный приказ. Батальону предстояло незамедлительно приступить к выполнению поставленной боевой задачи.

Послышались отрывистые команды офицеров. Взревели танковые моторы, которые вместе с лязгом гусениц заставляли вздрагивать. Лица бойцов вмиг стали напряженными.

В предрассветный час роты выступали в боевом порядке...

Согласно приказу батальону предстояло пробить укрепленный участок фронта и вклиниться в оборону противника...

До фронта было рукой подать. В боевом порядке они преодолели это расстояние меньше чем за час. Начало светать, спасительной защитной пелены ночи так не доставало!..

Совсем скоро их обнаруженный противником батальон подвергся воздушному обстрелу. Внезапно в небе появились два самолета, которые, спикировав, словно вороны, обрушили на танки бомбы. Ужасные взрывы вмиг обратили всё в хаос.

Самолеты раз за разом шли на новый заход, сея семена смерти.

Горящие танки, едва слышные крики раненых, взрывы за считанные минуты превратили спокойное раннее утро в настоящий ад.

...Взрывы начали постепенно стихать, и самолеты скрылись в том же направлении, откуда стремительно появились...

Несколько танков и боевых машин оказались подбиты, немалыми были и потери среди личного состава.

Но какими бы ни были потери, приказ должен быть выполнен безоговорочно: законы войны беспощадны, никакие потери и ошибки не берутся в расчет.

В этот миг подразделение напоминало раненого льва, свирепая атака которого ужасна.

Снова слышались короткие команды. Танки выстроились в боевой порядок и неумолимо продолжили движение.

Хозяйственный взвод, санитарная часть и некоторые вспомогательные службы еще не успели выступить. Но они тоже оказались под бомбежкой.

После налета картина была ужасающей. Санитарные машины и обозы с продуктами разбиты и перевернуты, от времянок не осталось и следа. В воздухе стоял запах пороха и гари, земля тарашилась в небо пустыми глазницами воронок от бомб.

Самая душераздирающая картина была у полевой кухни. Огромный котел, в котором еще недавно варилась полюбившаяся всем машхурда, был опрокинут. Догорала развороченная повозка, рядом с ней в предсмертных муках корчилась лошадь. А чуть поодаль распростерся тот самый Бурибой-Бурлай, сумевший за 2-3 дня прийти по душе всем.

Маргарита, помогавшая раненым, неосознанно двигалась именно в этом направлении – туда, где была полевая кухня.

...Она ошеломенела от ужаса. Миг спустя уже летела к повару, правая рука которого лежала на груди. Девушка подумала, что Бурибой ранен. Но

неподвижные глаза его были открыты, а лицо застыло. По лбу из-под черных волос струилась кровь.

Медсестра, повидавшая много крови и смертей, не выдержала – расплакалась и опустилась на колени рядом с безжизненным телом. В неподвижных открытых глазах юноши отражались весеннее небо и лучи восходящего солнца. С трудом сдерживая рыдания, девушка бережно закрыла глаза повару.

...Бурибоя похоронили с воинскими почестями. Шеренга бойцов дала дружный залп из винтовок. Звуки выстрелов эхом раскатились по лесочку, речной долине и бескрайнему полю...

С той весны минуло немало лет.

9 мая... Ташкент. У подножия монумента Скорбящей матери говорит 94-летняя женщина с белоснежными волосами – Маргарита Семёновна:

– После войны я не пыталась найти мать и возлюбленную Бурибоя. Хотя и могла бы, но не сделала этого. Что бы я сказала матери, убитой горем, девушке, не надевшей подвенечного платья? Как бы их утешила? Есть ли на этом свете лекарство от скорби по единственному сыну?.. Я не знала... Только став матерью, поняла: ничто не может облегчить материнскую боль. Ведь я не смогла бы рассказать ей, как закрывала глаза ее любимому сыну... Мое сердце этого не выдержало бы.

Когда война закончилась, я не знала, что делать, как жить. Имела ли я право на любовь, могла ли любить, – не понимала.

Но Господь милостив – он даровал мне Надежду, Любовь, Жизнь. И, знаете, я ненавижу войну.

* * *

Над скромной могилой солдата, обретшего покой под кустами сирени, едва слышно шепчутся ветер и дождь, словно читают эпитафию: «Царствие небесное тебе, юноша! Ты пал во имя Надежды, Мечты и Будущего человечества! Такая смерть – жизнетворящая!»

Широко распутившиеся цветы на ветках сирени молчаливо кланяются, соглашаясь...

Свежий ветер разносит их аромат...

Неукротимые ветры мечутся по бескрайним просторам, будто хотят навсегда стереть уродливые следы войны с лица земли...

А мир продолжает наполняться ароматом сирени. Их нежные цветочки открываются солнцу, а оно поднимается всё выше и выше...

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Далеко-далеко гремела война, и её холодное дыхание добралось даже до благословенной Бухары. Зловещий холод проник сначала в души людей, потом тенью лег на лица. Война оставила неизгладимый печальный след в глазах солдат, вернувшихся с фронта без рук или ног.

У ворот Кимёшди базара, в грубо сколоченной тележке, просил милостыню инвалид без рук и ног – бывший боец. Его жалобные мольбы вызывали слёзы у прохожих:

– Братья мусульмане! В бою под Москвой я подорвал танк и потерял руки и ноги. Однако никто не оценил мой подвиг. Год провалялся в госпитале, а награды достались отсиживающимся в окопах. Теперь я никому не нужный инвалид!

Засаленная пилотка, пустые рукава гимнастёрки, место, где должны были быть ноги, прикрыто соломой... На него невозможно было смотреть без слёз. Трое суток днём и ночью несчастный солдат плакал и просил о помощи у ворот рынка. И твердил: «У немцев много танков, победить их очень трудно...»

А потом вдруг внезапно исчез. По слухам, боязливо распускаемым торговками на базаре, беднягу забрали энкавэдэшники за «антисоветскую пропаганду». Таинственное исчезновение инвалида сильно напугало раненых, вернувшихся с фронта. Они перестали появляться на улицах. И без того тихие, улочки древнего города стали почти безмолвными.

Когда-то очень оживлённый, а теперь заметно опустевший Ляби-хауз был окружён тысячами тутовыми деревьями, чьи обильные плоды как раз поспели, и только дети целый день вертелись под тутовниками, точно воробы, собирая ягоды, которые хоть ненадолго помогали забыть о голоде.

Природе было безразлично происходящее, она вопреки всему продолжала жить по своим законам. По голубой глади Ляби-хауза плавала пара уток. Они курсировали по пруду и, подобно ребятам на берегу, лакомились ягодами, падающими в водоём. В зеркале воды отражалось медресе Диван-Беги. На самой высокой ветке наполовину высохшего тутовника свила гнездо пара аистов. Они деловито щёлкали клювами и бросали высокомерные взгляды на суетящихся внизу соплеменников.

Пара уток и пара аистов...

Спокойствие этих птиц напоминало о вечности бытия. Зарафшанская вода текла далеко-далеко под сводами и арками канала Шахруд. Жаркий июньский полдень. Прохладное дуновение Ляби-хауза дарит измученным зноем душам хоть немного облегчения и возможность передохнуть.

Одна за другой нырнули в воду утки. Следовавшие за мальчиком лет пяти-шести девушка и молодой человек направились в тень раскидистого тутовника. Парень, на вид лет двадцати с небольшим, был в военной форме. Знаки отличия указывали, что он служит в пехоте.

Девушке – семнадцать-восемнадцать, на ней белое выходное платье с вышивкой на воротнике и подоле. Она – студентка женского педагогического училища.

Юношу звали Арслан, девушку – Сохира.

Завтра Арслану предстояло возвращаться на фронт. Влюблённые, не знающие, как долго продлится их разлука, пришли, чтобы проститься. Мальчика же пара взяла в спутники, чтобы уберечься от косых взглядов прохожих.

Яхъёжон, не по возрасту молчаливый и задумчивый, время от времени задавал какой-нибудь вопрос, сосредоточиваясь взглядом в основном на военной форме лейтенанта и лишь изредка поглядывая украдкой на вышитое платье девушки.

– Это Яхъёжон, сын моего дяди, очень умный малый, – представил лейтенант мальчугана. – Дядя тоже на фронте. Сестры весь день на учебе, а он – утешение нашим родителям.

Беседа юноши и девушки никак не клеилась. Неизбежность грядущей разлуки в сердцах обоих вызвала гнетущую тревогу. И сама мать-Бухара, казалось, разделяла их волнение и печаль – в ее молчании ощущались подчеркнутая торжественность и бесконечная грусть. Юноша долго и пристально смотрел на девушку и вдруг произнес:

«Нет исцеления беде сердечной,
И не звучит танбур в моей душе...»

Бейт был прочитан очень тихо, почти шепотом, но строки отозвались в ушах девушки раскатом грома. Казалось, даже старые тутовые деревья вздрогнули. С медресе Нодир-Диван-Беги как будто слетела вековая дремота. Эти слова в полной мере передавали чувства влюбленных в тот самый момент.

Яхъёжон, хоть и делал вид, будто наблюдает за плавающими утками, заметил тревогу и внутреннее смятение на лицах спутников.

Сохира, опутив ресницы, сказала:

– Ваш бейт такой печальный, что сердце сейчас разорвется...

– Что поделаешь, – вздохнул Арслан. – Мы стоим перед великим испытанием...

Лейтенант притянул к себе ветку шелковицы, склоненную к воде, и, наполнив ладонь ягодами, предложил Сохире. Девушка взяла три-четыре ягоды и протянула Яхъёжону.

Лакомясь тутовником, Яхъёжон не сводил задумчивого взгляда с гнезда аистов. Когда Сохира снова протянула ему ягоды, он покачал головой:

– Я наелся, ешьте сами, опажон!

Девушка хотела передать ягоды Арслану, но он тоже отказался:

– Я тоже себе набрал!

Пока Сохира колебалась, есть ягоды или нет, Яхъёжон вдруг спросил:

– Дядя, почему аист всё время стоит на одной ноге?

– Охо! Ты что ж, даже этого не знаешь? – весело подмигнул Арслан. – Если он разом обе ноги поднимет – упадет же!

Все трое рассмеялись. Казалось, рассеялась грусть, тяготившая молодых людей с самого утра.

Солнце уже стояло в зените, приближалось время прощания, но влюбленные всё не могли насмотреться друг на друга, стараясь оттянуть момент расставания. Наконец, Арслан достал из нагрудного кармана гимнастерки небольшую книжечку и протянул ее девушке – она была такая миниатюрная, что легко помешалась в ладони.

– Это вам... когда будете вспоминать обо мне – почитаете...

До войны Арслан успел окончить три курса педагогического института. Когда началась война, он, завершив ускоренные курсы командиров стрелковых соединений, сразу ушел на фронт. Художественная литература была его страстью.

Девушка бережно взяла книжечку в руки. Это была одна из прекрасных жемчужин восточной прозы – повесть «Красная роза и соловей».

– Спасибо! – Вы очень меня порадовали. Похоже, это замечательная книга.

Лейтенант подхватил:

– Прекрасной девушке дарят только прекрасные книги.

Арслан и Яхъёжон проводили девушку до начала одной из улиц, примыкающих к Ляби-хаузу.

– Пишите почаще! – сказала Сохира, махнув рукой на прощание.

– Как только доберусь до части – обязательно напишу! – ответил Арслан.

Девушка зашагала, быстро удаляясь. До поворота она несколько раз обернулась и махнула рукой. Глаза ее были полны слез.

Когда Арслан повел мальчика за руку домой, на душе стало совсем тяжело. Он вспомнил, что под Москвой идут ожесточенные оборонительные бои. Его стрелковый полк попал там в окружение. В попытке прорвать окружение почти весь личный состав погиб.

Из взвода, которым командовал Арслан, выжили единицы. Сам командир получил тяжелое ранение. Пролечившись полгода в одном из госпиталей в глубоком тылу, перед возвращением в расположение полка он получил десять

дней отпуска. Вот только больше половины этих дней ушло на дорогу – в родительском доме он успел погостить всего два дня.

* * *

Боевые действия переместились в Западную Европу. За каждый клочок земли, каждую высоту, каждый город и деревню гибли тысячи солдат, а реки окрашивались в ярко-красный цвет от крови.

К этому времени Арслан уже дослужился до звания командира роты, грудь его украшали несколько орденов и медалей. На капитанских погонах сияли по четыре маленьких звездочки.

Однажды после полудня на линии фронта воцарилось какое-то затишье. Всё вокруг погрузилось в такую глухую, зловещую тишину, что даже бывалые бойцы насторожились. Ни звука, ни треска, ни свиста пуль, ни взрывов бомб или снарядов. Не затишье ли это перед большой бурей? Не может ведь поле боя быть тихим, как кладбище?

Да, после тяжелых боев в округе появляется множество военных захоронений, но они совсем не похожи на мирные кладбища. Могилы в любой момент могут попасть под артиллерийский или авиационный обстрел, быть раздавленными гусеницами тяжелых танков. Погибшие не могут покоиться с миром даже в своем последнем пристанище. Война продолжает тревожить их души.

К неожиданной тишине на линии фронта солдаты быстро привыкли. Командир роты Арслан спустился в землянку и, сев на сколоченную из неструганых досок скамейку, принялся писать письма. Первое он адресовал родителям, сообщив, что жив и здоров. Второе предназначалось Сохире. Парень выводил строчку за строчкой, от волнения не замечая даже, как учащенно бьется его сердце. Письмо его невозможно было читать без волнения...

«Ассалому алейкум, Сохира! Вы и вправду настоящая волшебница¹! Ваше последнее письмо просто околдовало меня. Я почувствовал, будто снова стою у Ляби-хауза. Не могу передать словами, как это приятно. Потому что, будучи по горло в крови и грязи, ощутить вдруг себя в таком прекрасном месте, как Ляби-хауз, всё равно что очутиться в Эдемском саду. Спасибо вам, дорогая!

Пару слов о себе. Сейчас на фронте очень популярным стало стихотворение Константина Симонова “Жди меня...” Бойцы его часто переиначивают по-своему. Несколькоими строчками из него хочу поделиться с вами:

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло.
<...>

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Я тоже, как в стихотворении, вернусь, если будет на то воля Божья... К тому времени вы завершите учебу, а я продолжу службу. Эх, после войны мы создадим счастливую семью! Мне уже сейчас это снится...»

Арслан писал Сохире удивительно красивые письма, читая их, девушка то радовалась, то тихо пролиwała слезы.

Между действующей армией и Бухарой эти письма летали без остановки, и даже бумага, на которой были написаны признания влюбленных, отзывалась радостным шелестом на искренность чувств.

¹ Имя Сохира с узбекского можно перевести как «волшебница».

Сохира тоже преуспела в эпистолярном искусстве: прочитав ее послания, даже утомленный сражениями влюбленный капитан не мог сомкнуть глаз всю ночь. Из каждой строчки веяло дыханием древней и вечно молодой Бухары. Капитан, бесконечно скучая по родному городу, не находил себе места.

...На поле боя слово вновь взял «бог войны» – артиллерия. Земля дрожала, всё вокруг сотрясалося от грохота танков. Крики «Ура-а-а!» прервали птичий сон на лесных ветвях. За танками в атаку ринулась пехота.

После каждой атаки ряды роты капитана Арслана Абдурахима заметно редели, пополняясь затем новыми бойцами. И вновь звучала команда «Вперед!».

Идти в атаку под дождем пуль из пулеметов, снарядов минометов и орудий – невероятно тяжело. Во время рукопашных схваток, когда в окопах перемешивались ряды вражеских и своих солдат, земля и небо содрогались от диких криков, стонов, брани и предсмертных воплей. Даже мать-природа не выдерживала этого ужаса, плача, стеная от боли.

Тем не менее в короткие передышки между боями, когда появлялась хоть малейшая возможность перевести дух, солдаты охотно шутили, рассказывали байки, делились друг с другом мечтами о том, что будут делать после войны.

Мысли Арслана уже давно витали в Бухаре. Все свободные минуты он посвящал письмам: либо сам писал, либо читал полученные.

В один из дней пришло очередное письмо от Сохиры. Каждый раз, получая весточку от нее, юноша чувствовал волнительную радость. Но в этот раз всё было иначе. С дрожью в пальцах он вскрыл конверт и ощутил сильное волнение.

«Господи, в чем дело? – думал он. – Почему я так дрожу? Ведь это не первое письмо от нее. Обычно ее письма приносили умиротворение, а не тревогу...»

Оказалось, что офицер беспокоился не напрасно... После приветствий и обычных расспросов о жизни, сердце Арслана вдруг заняло от боли.

«Арслан-ака, – писала девушка. – На нас обрушилось страшное горе. Вчера мы получили “черное письмо” об отце... Эта новость сломала нас с мамой. День и ночь она плачет. Ничем не могу ее успокоить, да и сама не нахожу себе места».

В нескольких местах чернила расплылись – видимо, слезы девушки упали на бумагу. Внутренняя дрожь понемногу утихла, но душа капитана оставалась во мраке, перед глазами стоял образ Сохиры с глазами, полными слез.

Сохира была спокойной и уравновешенной девушкой. Уже к середине письма чувствовалось, что она сумела совладать с эмоциями.

«Да, мы пережили тяжелую утрату, – продолжала она, – но у нас нет права без конца лить слезы и предаваться горю! Мама не устроила траур, мы всё еще надеемся, что это ошибка. Я продолжаю учебу, мама ходит на работу. Вы ведь знаете из моих предыдущих писем, что мы усыновили восемь осиротевших детишек, эвакуированных из Ленинграда. Дети смысленные, послушные. Пока я на учебе, малыши вполне справляются сами. Потом возвращаюсь я, позже – мама с работы, и уже вдвоем мы занимаемся ими. Всё идет своим чередом, но иногда, когда ночью просыпаются самые маленькие, плачут и зовут своих матерей, сердце просто разрывается. Я тоже вспоминаю отца и тихо плачу – но маме не показываю своих слез...»

Кстати, по “заборной карточке” теперь дают хлеб и для детей. Родственники из кишлака по мере возможности привозят тутовник, сухофрукты, кукурузу, тыкву. Так и удастся накормить наших малышей».

Как бы девушка ни старалась казаться бодрой, под конец из ее груди вырвался крик, способный прожечь сердце каждого:

«Арслан-ака! Когда вы вернетесь? Приезжайте скорее, мое сердце всё изошло кровью!»

Ураган, утихший было в сердце Арслана, от ее отчаянных слов разыгрался с новой силой. Но он усилием воли взял себя в руки и дрожащими пальцами аккуратно убрал письмо в нагрудный карман. Довольно! Он, командир, отвечает за судьбу роты, а значит, не имеет права на лишние эмоции и скорбь. И точка!

Вот уже больше четырех лет всё человечество, несмотря на страдания, пытается преодолеть бедствия, принесенные проклятой войной. А значит, каждый солдат, каждый офицер должен находить в себе силы одолеть не только врага, но и слабость и сомнения. Война не считается со вздохами, слезами, страданием. Ее может остановить только человеческая воля, превосходящая по силе.

Размышляя об этом, командир роты почувствовал некоторое облегчение. Он вернулся к исполнению служебных обязанностей – настало время ужина.

* * *

Каждый день войны оставлял глубокий след, наполненный кровью, стонами и смертью. Солдаты замертво падали на землю, как спелые ягоды тутовника, цветущие города и села обращались в руины и пепел.

Простоявшие века исторические памятники, созданные благословенной рукой человека, сады, сравнимые с Эдемом, плодородные поля – всё разрушено, сожжено. Кровавая печать войны лежала на всём.

Из-за активных боевых действий полк, в котором служил Арслан, часто менял свое расположение, в результате чего письма, шедшие с фронта и обратно, не всегда доходили до адресатов. Несмотря на это, 2 мая 1945 года Арслан снова написал письмо Сохире. Никто, кроме Аллаха, не знал, что это письмо окажется последним. Никто и представить не мог, что фашистская Германия капитулирует в этот день.

Стрелковый полк вел ожесточенные уличные бои в Берлине – за каждый подвал, чердак, дом шла смертельная схватка. Однако письмо капитана дышало энтузиазмом, каждая его строчка была пропитана чувством победы и триумфа:

«Моя прекрасная Сохира! Мгновения встречи всё ближе. Фашисты капитулируют сегодня-завтра! Как только распишусь на стене Рейхстага – сразу полечу к тебе... До встречи у Ляби-хауза!»

Когда Арслан закончил писать, рота получила срочный приказ: «Фашисты, засевшие в трехэтажном здании в начале улицы, ведут ожесточенный обстрел и не дают полку продвинуться вперед. Уничтожить мерзавцев немедленно!»

Бой за это проклятое здание, как и написанное немного раньше письмо, стали последними в жизни Арслана. Хотя дом был разрушен огнем танков и артиллерии, его штурм обошелся очень дорого. Злополучное здание стало последним пристанищем Арслана и десятков его боевых товарищей...

Сердце тяжело раненного самоотверженного офицера замолчало навеки. Но последнее его письмо уже летело в Бухару. Спустя день после отправки письма капитана, командир стрелкового полка послал еще одно – на имя отца Арслана. Его содержание, в отличие от последнего письма Арслана, было мрачным. На фронте такие послания называли «похоронкой», а в Узбекистане – «қора хат», «черным письмом».

Оба послания одно за другим прибыли в Бухару. Письмо, написанное Арсланом, наполнило сердце Сохиры безмерной радостью, а сообщение командира, адресованное Абдурахиму Фозилу, повергло домочадцев в траур и скорбь.

Сохира вновь и вновь перечитывала письмо любимого, подносила его к глазам, прижимала к груди, и слезы радости струились по щекам. Сердце ее согревала надежда на скорую встречу.

А в доме Абдурахима-аки стоны отца, рыдания матери и сестер не оставляли равнодушными даже булыжники в основании старого дома.

Разумеется, эта весть долетела и до Сохиры, жившей всего за две улицы. Девушка, которая еще недавно прижимала к глазам письмо Арслана, написанное его рукой в Берлине, и предавалась сладким мечтам, словно окаменела от страшной вести.

Первая любовь была настолько глубока, что за одну ночь ее черные волосы стали белыми, как снег. Утром, увидев дочь измученной и осунувшейся, мать, не выдержав, крепко прижала ее к себе и разрыдалась...

Девушка попыталась утешить мать:

– Не плачьте, мамочка... Кому теперь нужны мои черные волосы?

– Не говори так, девочка моя! Твой сад еще расцветет!

– Не расцветет, мама. Мои цветы... они завяли, не успев раскрыться...

Боль, обрушившаяся на два дома у Ляби-хауза, была так тяжела, что даже перо бессильно ее описать. В те роковые дни тысячи людей лили слезы, потеряв отцов, братьев, сыновей...

В 1970-е родители Арслана – сначала мать, а затем отец – отошли в мир иной.

Прощаясь с близкими, Абдурахим-ака подозвал младшую дочь и, протянув ей письмо, пожелтевшее от времени, сказал:

– Береги это, дочка. Хоть это письмо и принесло нам страшную весть, в нем командир части пишет, что твой брат пал героем в Берлине 2 мая... Все эти годы оно было моим единственным утешением, моей памятью о нем...

Сохира так и не вышла замуж. В ее сердце навсегда остался только он – храбрый и всегда улыбающийся Арслан. Никого другого она так и не смогла представить на его месте. Сваты то и дело приходили в дом, и мать с надеждой смотрела на них, но Сохира была непоколебима. Под ее подушкой хранилось последнее письмо любимого и повесть «Красная роза и соловей». Сколько горьких слез пролилось на ее страницы – знали лишь Аллах и сама девушка.

Окончив институт, Сохира посвятила свою жизнь учительству. Вместе с матерью в суровые послевоенные годы они вырастили и воспитали восемь приемных детей – дали им тепло, образование и дорогу в жизнь. Один за другим, словно оперившиеся птенцы, дети покидали родное гнездо. Только юноша из Белоруссии, по имени Гаврила, однажды сказал, что никуда не уедет. Он стал опорой двум женщинам, отдавшим ему свою любовь. Женился, создал семью и остался в ставшем родным доме.

Состарившись, Сохира смотрела за детьми Гаврилы, не чувствуя себя одинокой.

Судьба человека – это путь, направление которого неизвестно заранее. Яхъёжон, тот самый мальчик, который когда-то гулял у Ляби-хауза с Арсланом и Сохирой, стал журналистом и писал неплохие стихи:

Цвет снов моих – неблагодарный,
Как ранних выюг холодный след:
Цветы посек мороз нещадно.
Герои в бой ушли в рассвет.

Цвет снов моих – неблагодарный,
Ночей кровавых пелена.
Найду ль тебя, мой дядя славный?
Дорогу спутала война.

Цвет снов моих – неблагодарный,
В них Ты и девушка – пери,
Где мне найти вас, сны нежданные,
Вы детства лучики мои.

Цвет снов моих – неблагодарный,
И в них отдохновенья нет.
Тоска достанет плед коварный,
В подушке – письма горьких лет...¹

¹ Стихотворение Яхъё Вахובהа.

Это стихотворение прочитал младший брат Яхъёжона. Он мечтал стать журналистом, как и его старший брат, и интересовался любовной историей, связанной с их семьей. Старший рассказал ему эту печальную повесть.

Трагически завершившаяся история любви отозвалась в душе будущего писателя жгучей болью, которая спустя долгие годы вылилась на бумагу.

* * *

У Ляби-хауза поспел тутовник... Тысячелетние туты-старцы всё еще плодоносят, и прохожие наслаждаются их густой тенью. Хауз полон изумрудной воды. Под легким ветерком его поверхность идет рябью, похожей на морщины девяностолетнего аксакала.

В канал Шахруд теперь стекает не Заравшан, а глинистая вода Амударьи. Животворящая влага по-прежнему поет свою вечную печальную песню – одну и ту же уже много столетий – и, пройдя под арками и куполами, уносится вдаль.

На ветру, что веет со стороны Шахруда, листья тутов шелестят, словно рассказывают далекую историю. Ведь за тысячи лет чему только они не были свидетелями...

Кто знает, может, они поют о любви героически павшего в бою юного Арслана и прекрасной Сохиры, прожившей жизнь затворницей? А может, это шепот Яхъёжона, признающего в чувствах любимой? Или же дыхание любви, которую наш друг-писатель, хранивший историю о судьбе дяди целых шестьдесят лет, поведал своей возлюбленной именно здесь, у этого пруда?..

...Ляби-хауз, июньский полдень. Люди укрылись под сенью тутовника. В воде, как и сотни лет назад, отражается фасад Диван-Беги ханаки. Кажется, будто ничего вокруг не изменилось. Но внимательный наблюдатель сможет приметить неуловимые перемены и невосполнимые утраты.

Могучие туты всё еще плодоносят, но стали напоминать стариков, согнувшихся под ветром времени, – больше сухих стволов, обломанных ветвей... На высокой сухой ветке самого старого дерева, растущего между хаузом и Шахрудом, – гнездо. Там когда-то жил аист со своей спутницей, они то и дело постукивали клювами, как некогда ночные стражники посохами, словно охраняя святую Бухару.

Теперь этих аистов больше нет... Хотя поэты и писали: «Аисты вернулись в Бухару», хоть и слагались песни о них, но птицы так и не возвратились к Ляби-хаузу.

И всё же, хоть и не вернулись аисты, над прудом царит светлая аура от звонкого, озорного детского смеха, который всегда слышен у воды. Детский смех – символ вечной жизни.

Настанет день, и те, кто сегодня с визгом и радостными возгласами обрызгивает друг друга водой, завтра будут воспевать историю любви, которую кто-то не успел рассказать...

Перевод с узбекского Артёма ГОРОХОВА

Артём ГОРОХОВ родился в Чирчике. Окончил юридический факультет НУУз, работал в различных государственных органах. Публиковался в журнале «Звезда Востока», газетах «Свой», «Чирчик», «Даракчи», в сборниках «Антология русской прозы» (М., 2018), «Доира-2. Современная малая проза Узбекистана». Автор рассказов, очерков, нескольких романов. Переводчик с узбекского языка. Член СП Узбекистана.

Ритмы прошлого

Олег ДАНИЕЛЯН

Краткий отчет о проделанной работе

Эта упругость времени. Эта ответственность возраста.
Просто безмыслие темени. словно беззвучие возгласа.
Как отчитаться Космосу? Как разобраться с опытом?
Чтоб не увязнуть в косности. Схиму принять безропотно...

Дети! Так вроде взрошены. Деревья? Как будто посажены.
Не то чтоб густились рощами, но, помню, бурили скважины...
Что-то, казалось, сделано. Что-то хотелось бы выправить.
Ну что же ты так неуверенно? Было хорошее! Было ведь!

В чем-то мы были первыми! Хотя допускались вольности...
Вместе с друзьями верными песни допеты полностью.
Умного много сказано. Горы особо не сдвинуты.
Фото, немного смазанным, мы словно из времени вынуты.

Нет, мы не стали пророками, такая случилась напасть.
Мы просто прошли дорогами, не давая друг другу пропасть.
Так пусть расстилаются звездами непройденные пути,
Мы не расстались с грезами. (Долго ль еще идти?)

Пусть ангельский свет аметистовый
Пророчит последний поход!
И тихо отчалит от пристани
Старенький пароход...

Олег ДАНИЕЛЯН родился в 1954 г. в Ташкенте. Окончил филфак ТашГУ (ныне НУУз). Работал в НИИ машиностроения, преподавал в ТашГУ. Автор научных статей. Публиковался в журнале «Звезда Востока» и др. изданиях.

Память

Память моя в беспокойной юдоли
Вьется дымком над моей головой.
Память моя – перекасти-поле,
Кружит в степи и зовет за собой.

Как всё сложилось, понять не могу.
Вот я мальчишкой по саду бегу.
Кто-то в обиде, кому-то помог,
Помню, как руки мне лижет шенок.

Память живет в обветшавшей скворешне,
Там, где дорожка в заброшенный сад.
Я бы туда не вернулся, конечно,
Просто решил обернуться назад.

Здесь проходила ты, взгляды бросая,
Простоволосая и босая.
Радость, волнение, неслышное «да» –
Вот и взрастилось дерево стыда.

В сад, где живут мои детские страхи,
В темном чулане скрипучая дверь.
Бледная немочь в посконной рубахе,
Призрак печальный, неведомый зверь...

Предал. Отрекся. Петух прокричал.
Совесть свою я в саду повстречал.
Впору кликушей на паперти выть...
Полно бы душу свою беречь!

В этом саду я найду без труда
Древо раскаянья, древо стыда.
Бабочку смысла доныне лови
С древа обмана на древе любви.

Память моя в беспокойной юдоли
Вьется дымком над моей головой.
Память моя – перекасти-поле –
Кружит в степи и зовет за собой.

В парке имени Тельмана

В тихом парке уют вечерний,
Старый дуб шелестит стихами.
В этом шорохе виолончельном
Ритмы прошлого не утихают...

А в стихах предсказанье разлуки,
Грусть с оттенками отречения.
Привкус боли и странные звуки
Одинокой виолончели.

Теплый ветер печально качает
В старом парке могучие ели.
Я не знаю, что означают
Эти звуки виолончели.

Словно спутанной лапками птицей,
Над площадкой взлетают качели.
Угадать бы, откуда струится
Этот голос виолончельный.

Разрывает упругий покой
Сильный тенор Андреа Бочелли.
Ухожу. И уходит со мной
Тихий отзвук виолончели...

Осенний гость

Посвящается В. А.

Мой друг приехал гостевать и сразу начал воспевать
И угошенья, и прогулки, деревья в нашем переулке.
Меня, мой дом и домочадцев. Собачек взрослых и шенков.
И в город рвался прогуляться, поест осенних шашлыков.

А город был богат и важен, солиден и многоэтажен
И гостя сразу не признал. «Ты жил ведь здесь? Я так и знал!
Ну что ж, я рад. Ты проходи. По старым паркам поброди.
Здесь все акценты поменялись. Нет сквера старого. Увы.

Нет улицы, где с Ней встречались у кассы старенькой “Хивы”.
Я помню всех. Я с вами связан. Ко мне приходят ваши сны...
А для тебя хранить обязан тот дом на улице Весны...
Ну что ж, иди к своим друзьям, мне много говорить нельзя».

Он сразу всем друзьям поведал, как будто в первый раз отведал
Осенних сладостных плодов, и рассказать теперь готов,
Как изумителен на вкус наш красносхарный арбуз,
Который ел нетерпеливо, а следом – ледяное пиво!

А стол накрыт был так, как надо. Пришла вечерняя прохлада
И златотканым сюзане накрыла небо. Я бы не был
Самим собой, коль в казане уже бы не шкворчал палов.
И баклажан, пыхтя на углях, через минуту был готов.

Был вкусен судачок в фольге, с дунганским перцем запеченный.
И, на восторги обреченный, рожок луны горел во мгле.
Лилось паркентское вино – и освежало, и бодрило.
А в нем волнение говорило, хоть и не мальчик он давно.

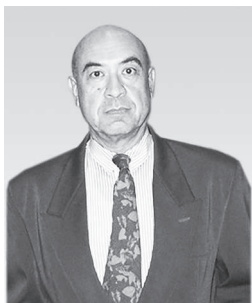
Был вечер сказочно богат созвездьями по небосклону.
А я по древнему закону всё соглашался: «Верно, брат!»
Полураспад. Полупрохлада. Начало сентября. Дожди.
Он убеждал меня: «Не жди от осени другой награды».

Бродить и слушать листопады... Костра последнего дымок
Шекочет ноздри. Если б смог, он провожал бы птиц на юг
В преддверии тоскливых выюг. Как грустно стая бы кричала.
Он любит осени начало...

Он уплывал в воспоминаньях на узкой лодочке луны,
Как будто в древние преданья какой-то сказочной страны.
Он доставал из рукава обрывки ярких впечатлений.
И пил вино, а свет вечерний стеклила рыжая трава.

Он не пьянел, он уплывал в сомнамбулические дали
И вспоминал свои печали, а может, детство вспоминал.
А я сидел под старой грушей. Не возражал, а просто слушал.
Я ничего не отвечал.

Он где-то жил всё это время. Был счастлив. Иногда серчал.
А город без него скучал...

РОДНЕЕ КРОВИ, ТЕКУЩЕЙ ПО ЖИЛАМ

(Печальная биография)

Рассказ

Тимур ГУЛЯМОВ

*И так же, как не дрогнет добродетель,
Каких бы чар ни напускал разврат,
Так похоть даже в ангельских объятьях
Пресытится блаженством и начнет
Жрать падаль...
Уильям Шекспир*

ТЕНЬ ГАМЛЕТОВА ОТЦА

I

Я родился вечно високосным годом Дракона – в один из двух дней равенствия. Явился в мир не просто желанным, но страстно желанным ребенком.

Родители мечтали о многодетной семье, и поэтому почти каждый год после замужества мама старалась родить ребеночка, но... все беременности заканчивались выкидышем. Когда подходили сроки, папа отвозил маму именно в тот роддом, в котором мама в перерывах между родами как раз и работала акушеркой.

– Шура (по-узбекски маму звали Шарофат) опять рожать приехала! – говорили сестрички, мамыны подружки, провожая маму к ставшей уже персональной железной кровати, стоявшей в боксе «для своих».

Исступленное желание непременно обзавестись в этом мире собственными детьми доводило маму до умопомрачения: она была готова выполнять любые, самые идиотские «рекомендации» врачей.

Когда, забеременев после очередного выкидыша, она вновь появилась в своей палате-боксе, чтобы проконсультроваться у врачей, некий корифей родовспоможения Тахтапульского роддома сказал ей:

– Шура, лежи и не двигайся! А то ты мне и этого ребенка расплескаешь...

Надо было знать мою маму, и люди, помнящие ее, поверят мне, когда я сообщу, что после этих слов врача она, чтобы сохранить в себе ребенка, буквально неподвижно пролежала в кровати все девять месяцев.

Тимур ГУЛЯМОВ (1952 – 2020) родился и жил в Ташкенте. Окончил Московской государственной институт международных отношений. Писатель, переводчик с узбекского, английского и немецкого языков. Автор нескольких прозаических публикаций и переводов в периодических изданиях Узбекистана, в том числе в журнале «Звезда Востока».

В результате очередной ребенок разросся до такой степени, что не мог уже родиться, не умертвив при этом маму, и врачи, подчиняясь этическому принципу «жизнь роженицы ценнее жизни плода», вырезали ребенка из живота. По частям.

Это был мой брат.

Рожая мою сестру и, очевидно, пытаясь хоть как-то пересилить боль родовых схваток, мама укусила пресловутую железную кровать за ее край. При этом треснул один из ее зубов в передних резцах (остальные зубы ее в великолепном состоянии сохранились вплоть до самой смерти). Сестренка родилась здоровенькой и умерла через три месяца, когда мама, успокоившись, что произвела на свет доношенную здоровую девочку, съела перед кормлением грудным молоком непомерно много свежей клубники. Диагноз гласил: «Сепсис».

Шли годы, дети продолжали умирать, маме исполнилось 37 лет, и, когда, наконец, на свет появился я, бабушка – папина мама – сказала:

– Назовем мальчика Тимуром (Темир – по-узбекски «железо»). Пусть, как железка, валяется где угодно, только пусть будет живым и невредимым.

Да и врачи «успокоили» маму тоже, сказав, что больше рожать она не сможет.

Всё мое детство мама с упоением вылизывала плод, доставшийся ей в таких муках. Божественный оберег дополнял уникальный экран маминой любви.

Пополудни, летними днями, когда в сени вишневых деревьев нашего большого двора я спал в своем подвесном гамачке, раскинув руки и ноги или, наоборот, свернувшись клубком в позе волка, всем, включая нашего пса Марсика, под страхом лишения жизни мама запрещала производить громкие звуки и нарушать мой покой.

Однажды по какому-то делу пришла соседка. И из-за калитки дома жизне-радостно стала звать:

– Шарофатхон! Шарофатхону-у-у...

Вдруг за калитку выскочила мама. Угрожающе вращая глазами, она зашикала и замахала на женщину руками.

Посерев от страха и плюя от ужаса себе за пазуху, соседка попятилась назад.

– Что случилось? – только и могла она прошептать.

– Тише, – так же шепотом ответила ей мама. – Тимур спит...

Много лет спустя, когда на нашей улице мы с мамой порой встречали эту соседку, она, деланно пугаясь и приложив палец к губам, с улыбкой шептала:

– Тсс-с-с, Тимур спит...

Разумеется, никому, даже моему папе, мама не могла доверить столь ответственное дело, как телесное мое омовение, – в женскую баню вместе с мамой я ходил до двенадцати лет. Отчетливо помню лоснящиеся вздернутые и, наоборот, сморщенные женские груди, шайки с горячей водой, хороший напор кранов, запах хозяйственного мыла.

Пуповина, тянувшаяся ко мне от мамы, питающая и оберегающая меня, так и не была перерезана, так и осталась навсегда. Она превратилась в шарф-поводок, на котором мама, предупреждая падения и сквозняки, водила меня, пятилетнего, укутанного в шубку и шапку, по зимним скользким улицам Ташкента. Обретала вид рубля, который мама еженедельно в течение десяти школьных лет передавала буфетчице тете Клавье, чтобы я мог зайти в буфет и, не стесняясь отсутствия с собой денег, купить себе один-два пирожка с рисом по десять

копеек штука. (За все годы учебы в школе мне так ни разу и не пришло в голову взять и съесть хотя бы один пирожок).

В студенческие годы мамина пуповина обрела вид тридцати рублей, которые она ежемесячно присылала мне в Москву в дополнение к моей семидесятипятирублевой стипендии, обеспечивая тем самым мне чуть ли не инженерский по тем временам месячный оклад. Уже тогда мама сделала меня состоятельным студентом, имеющим возможность (и регулярно – вернее, каждую субботу или воскресенье – реализующим эту возможность) посещать попеременно рестораны «Узбекистан» на Неглинке и «Баку» на площади Маяковского.

Позже, сочась кровью, мамина пуповина превратится во всемошнные бдения, кроткое ожидание меня, гуляющего по ташкентским ресторанам...

Пройдет много лет, мамы не станет, и, как многие умные люди, вполне осознав и признав себя матереубийцей, я пойму, что мамина пуповина продолжает питать и оберегать меня, обеспечивая мне не заслуженное мною уважение родственников.

Выделение из среды сверстников, генезис уникальности начались для меня в пятилетнем возрасте, когда приспели сроки ритуального обрезания.

Разумеется, папа не посмел перечить маме, когда она заявила, что не допустит, чтобы «чиль-чиль хасса» мне, как соседским мальчикам, делал «неотесанный» старик-брадобрей, использующий в качестве режущего инструмента отточенную камышовую шепу. И поэтому обрезание мне делал хирург. Скальпелем. В операционной.

Кроме хирурга и его ассистентов в операционной конечно же была и моя мама. Помню, низ маминого лица закрывала марлевая повязка, а лоб ее от волнения был усеян крупными каплями пота. Хишно склонившись надо мной, хирург больно манипулировал в моем паху.

Я орал благим матом и, пытаюсь хоть что-нибудь выторговать себе в компенсацию за боль, кричал:

– Не пойду завтра в детский сад!

– Да, да! – порывисто, с готовностью отозвалась мама. – Не пойдешь, не пойдешь!

Бедная мама с радостью, если б могла, приняла бы за меня любые муки.

По прошествии нескольких дней, когда я уже прекрасно себя чувствовал и бегал не хуже, чем раньше, не будучи обрезанным, выяснилось, что хирург, взявшийся за проведение ритуальной операции исключительно по просьбе мамы, немного недооттяпал от моей крайней плоти до нормы как положено.

Тут уже папа, исполнившись возмущения «этими докторишками, которые и обрезание-то толком сделать не умеют», заявил, что все беды происходят из-за нарушения старых узбекских обычаев, что необходимую после невежественного хирургического вмешательства вторую коррекцию моего причинного места теперь произведет «специалист», что в качестве анестезии я буду опоен вином, и Асад-ака – младший брат папы и мой дядя – будет таскать меня на плечах до тех пор, пока я не угомонюсь.

Отвергнув пункты опьянения вином и таскания на плечах, мама всё же согласилась на «специалиста».

Будучи полностью во власти взрослых, я в назначенный день покорно прошествовал в родительскую спальню и улегся навзничь на курпачу, постеленную прямо на напольном ковре. В спальню вошел благообразного вида старик в синей тюбетейке. Присев передо мной на корточки, он улыбнулся и совсем не больно чиркнул бритвой у меня под животом. Затем обложил место женой

ватой, водрузил на него тубетейку и ушел. Я лежал и глядел в потолок. В комнату несколько раз с интересом заглядывали девочки-подростки, мои троюродные сестры Зухал и Зилол.

Исполнив завет, который Бог поставил между Собой и Авраамом, его сыновьями Исааком, Измаилом и всеми их потомками, папа на радостях закатил богатый по тем временам пир. Для угощения гостей были заколоты теленок и два барана.

Признаюсь, смутно помню, как протекало собственно празднество; наш большой двор был полон людей, и, кажется, все смеялись, а мама поставила передо мной блюдо с жареными кусочками бараньей печенки и ляган с пловом. Я ел, попеременно зачерпывая сразу из двух тарелок...

Зато прекрасно помню происшествие, случившееся накануне.

К вечеру один из баранов так объелся дынными и арбузными корочками, что ноги в конце концов отказались поддерживать в стоячем положении его тушу, отягощенную к тому же чудовишного размера курдюком. Неприлично икая, баран грузно разлегся в небольшом проулке за калиткой нашего дома, раздавив при этом невесть откуда взявшуюся там литровую банку с керосином. Из всех движений тела ему удавалось только водить иногда осоловелыми глазками.

Животное грозило умереть от обжорства ночью, и в этом случае не осуженное мясо пропало бы для завтрашнего празднества.

Мясник, взявшийся зарезать бедолагу, должен был прийти рано утром.

Оставалось одно: расшевелить обжору хоть пинками, хоть из-под палки заставить двигаться и дотянуть до прихода мясника. Это дело папа, занятый подготовкой к тою, поручил мне.

Сначала я минут десять непрерывно что было сил пинал барана в зад.

Но он даже не поднял головы, чтобы посмотреть, кто там занимается экзекуцией.

Затем, отдышавшись, я обошел вокруг расprostертого на земле жвачного и заглянул ему в морду. Баран улыбался. Уголки овечьего рта на округлой вытянутой морде всегда загибаются вверх, и это производит впечатление глупой улыбки, но сейчас смеялись еще и глаза барана. С позиций своего веса он как бы посмеивался над немощью пятилетнего мальчика.

Я рассердился и стал дергать и тянуть барана за уши, скользкие от плотно прилегающего к хрящам коричневого волосистого ворса. По хитрой ряшке барана продолжала гулять улыбка. К тому же он, как бы в приятной для себя истоме, прикрыл глаза.

Обессилив и отчаявшись до слез, я зашел в дом и пожаловался на барана маме. Она тотчас приняла решение позвать нашего соседа Эркина-аку, разбитного малого, недавно вернувшегося из армии.

Прибежав, дожидая что-то на ходу, и узнав, что от него требуется сделать, Эркин-ака важно заявил, что сейчас баран побежит у него резвее самой резвой белки, что он знает, как к этому подойти, что... словом, мы с Эркином-акой отправились к барану.

Заняв позицию позади бараньего курдюка, Эркин-ака, используя в качестве толковой правую ногу, грациозно подпрыгнул, приземлился на левую ногу и, еще в воздухе отведя правую назад, изо всех сил пнул барана в зад. На этот раз вредное животное колыхнулось, но головы от земли не оторвало.

Задумавшись, Эркин-ака закурил и в сердцах швырнул недогоревшую спичку прямо на вредину. Шерстяная спина барана, напивавшаяся керосином

из раздавленной банки, вспыхнула ярким огнем. Взмемкнув дурным голосом, баран вскочил и резвее тушканчиков ринулся в конец проулка. Оттуда как раз выходил Харунт-ака, отец Зухал и Зилол. Он направлялся к моему папе.

Посчитав прихрамывающего на левую ногу Харунта-аку неодолимым для себя препятствием, объятый пламенем баран шарахнулся от него и побежал обратно к калитке нашего дома, где мы принялись тушить его водой из брандспойта. Недаром папа мой был начальником пожарной команды...

Тем не менее герой вечера Эркин-ака был приглашен в дом отметить победу и отужинать с нами.

Все смеялись, вспоминая разительный контраст между неподвижно валяющимся обжорой и скакуном, спасающим свою жизнь.

Перед сном я прошел в дальний конец двора в последний раз проведать барана-погорельца. Теленок и умеренного аппетита баран мирно посапывали у забора. Наш же герой с обгорелой спиной стоял у яслей и хрустел арбузными корочками. Видно, проголодался от треволнений, бедняга...

Перед каждой женщиной детородного возраста, если Бог дарит ей способность рожать, встает дилемма: как быть дальше? Рожать, подчиняясь основному инстинкту, или не рожать? Отдать себя возделыванию новой жизни или жить только для себя, наслаждаться прелестями жизни, без помех «делать карьеру», эгоистично посвятив свою жизнь только себе? Кто выглядит эстетичнее – сухая бездетная выдра в очках, доктор каких-то наук или бедная иссохшая старушка, всю себя без остатка отдавшая своим детям?

Человеку рано или поздно становится ясно, что людей на Землю Бог посылает из женщины, – ну и какая же версия женского образа прощательнее – бездетная разряженная мегера со страшным пожаром помады на 90-летнем лице или сухонькая, скромно одетая старушка, каждый вздох которой был посвящен ее детям?

Пусть иногда почти неуловимо, но всё же ущербны дети, матери которых пытались совместить их воспитание с достижениями карьерных высот, с чрезмерными заботами о себе.

Правда, открытым остается другой вопрос: найдет ли женщина безусловное счастье в рожденном ею ребенке?

Извлеки меня с помощью папы из космического хаоса, мама принялась теперь за обустройство счастливого детства, отрочества и юности своего чада.

Первая заповедь гласила: мальчик должен хорошо питаться, чтобы быть физически крепким. С этой целью в нашей семье, состоявшей из трех человек, – меня, мамы и папы – вся еда, включая супы, готовилась исключительно на топленом масле. Около кухонной плиты, растапливаемой углем, огонь которой регулировался снятием и последовательным наращиванием чугунных колец на очаге, стоял огромный алюминиевый молочный бидон, вмещающий двадцать восемь килограммов топленого масла. Вечером, вернувшись с работы, мама проворно разводила в плите огонь, шумовкой выкладывала из бидона в стоявшую на плите черную сковороду большой янтарного цвета кусок масла и, как только начинало шкворчать, разбивала скорлупу двух яиц, направляя их содержимое в сковородку.

Как хороши, как свежи были розы... каким ароматом исходит яичница, изжаренная на топленом масле! Яркий желток полусферой возвышается над идеально круглым полем белка – по горячему маслу сковороды плавает маленькое

вкусное солнце... (почему-то при попытке изжарить яйца на растительном масле последние прилипают к днищу сковородки).

Эта яичница вместе с большим куском серого хлеба предназначалась только мне в качестве затравки перед ужином. По мысли мамы, ребеночек не должен голодать, ожидая основное блюдо.

Еда нашего семейного стола разнообразилась только гарнирами – подавались картошка, макароны, рис. Но ежедневной, постоянной во все сезоны, оставалась мясная основа: котлеты, тефтели, просто поджаренное мясо.

Каждый летний вечер по дороге с работы домой папа покупал и приносил мне два светло-коричневых кирпичика мороженого пломбира, которые я, прежде всего освободив от уже подтаявшей бумаги, опускал в большую пиалу. Приятно было, сидя на подоконнике, уплетать мороженое под пение сверчков. Мама также со своей стороны подносила мне десерт – пареные яблоки под сахаром. Продавливаешь чайной ложечкой мягкую зеленую кожицу пареного яблока, и изнутри брызжет горячая кисло-сладкая мякоть фисташкового цвета.

Иногда я устраивал «штрудель»: смешивал холодное мороженое с горячей мякотью пареных яблок...

Жалею ли я о чем-либо? Да. Я жалею о том, что ни разу не поделился ни с мамой, ни с папой мороженым, не угостил их хотя бы кусочком из моего десерта.

Чтобы заполучить фрукты и овощи, мне достаточно было выйти во двор: перешагнув арык, я оказывался среди устроенных папой грядок с томатной рассадой, за которыми начинался уже собственно вишневый сад.

Приятно было в жаркий июльский полдень сорвать с грядки горячий от солнца темно-красный помидор, обмыть в проточной воде, положить в рот, закрыть глаза и разжевать.

И солнце, что над тобой, оказывалось внутри!

Труднее обращение с вишнями – их нелегко собирать. Но к каждому вишневому деревцу нашего сада я приставлял шатающуюся деревянную лесенку и, не обращая внимания на хлесткое сопротивление веток, собирал и складывал вишенки в жестяное ведро, висевшее на проволочном крючке тут же на верхней перекладине лесенки. Ведь без сбора вишен нет розовых пенок маминого варенья!

Это лакомство мама варила в огромных эмалированных тазах, наполняя весь двор ни с чем не сравнимым ароматом вишневого варенья. Ни братьев, ни сестер, ни иных конкурентов у меня не было, поэтому все ароматные приторно-сладкие розовые пенки маминого варенья принадлежали только мне.

Постояв некоторое время в большой косе, пенки давали обильный, светло-красный насыщенный сироп. Всё это поедалось с серым хлебом и запивалось черным чаем.

Варенья было так много, что небольшая наша семья не могла съесть его и за год. К лету следующего года из-за нарушения условий хранения – у меня была привычка открывать новую банку с вареньем до того, как закончится предыдущая – варенье покрывалось красивой фиолетовой коркой плесени, и в преддверии будущего урожая вишен и нового варенья старое варенье выбрасывалось. Я выкапывал во дворе неглубокую ямку и густой темной струей сливал в нее перезревшие остатки. Ямка присыпалась землей, но еще долго над этим местом витал дух маминой вишни.

В тенистом уголке сада я оставлял для себя до конца лета нетронутым одно вишневое дерево. К концу августа неубранные с дерева вишенки теряли влагу, морщились, темнели, зато приобретали неслыханную сладость.

Еще в саду росло два черешневых дерева. Одна из черешен приносила крупные, очень сладкие желтые плоды.

Абрикосы были большие, ароматные, пахучие.

Гранатовый куст дарил сладкие гранаты, но зерна всех плодов были почему-то белыми.

А вот такого винограда (сорт «дамские пальчики»), что произрастал в нашем саду, Ташкент еще не видел, а мир уже не увидит! Виноград рос, образуя ишком¹, вокруг импровизированного портика у калитки дома, где мы однажды тушили загоревшегося барана. Сквозь дымчатую медово-желтую мякоть ягод проглядывали косточки, как бы парящие в невесомости; виноградины были такими крупными, что рот взрослого человека не мог вместить более двух ягод.

Глюкоза, фруктоза, сахароза...

Лактозы, конечно, не было...

Еще посреди нашего двора произрастала здоровенная, мощная, высоченная орешина, приносившая ежегодно несколько мешков грецких орехов. Орехами – этими желто-коричневыми ядрышками, похожими на человеческий мозг с двумя разделенными тончайшей переборкой полушариями, которые так приятно есть с медом, – пахнет мое детство!

Никто не собирал наши орехи, сбивая их палкой, по причине неэффективности и трудности такого сбора плодов, а также высоты дерева (самые нижние орешки созревали на высоте метров трех над землей). Обычно мы ждали, пока в конце лета созревшие орехи сами упадут на землю. Думаю, сторонний наблюдатель, будь у него возможность видеть меня в те осенние дни, немало подивился бы танцам и кренделям, что я выделывал под нашей орешинкой на опавшей в несколько слоев и уже начавшей преть листве. Непрестанно шаркая ногами, я нащупывал под листвой перекатывающиеся твердые шарики и только тогда соизволял наклониться, чтобы поднять их с земли. Добывались только крупные орехи, мелкие оставались гнить среди листьев. Орехами наполнялись все карманы моих курточек и штанов.

Мама отдельно колола для меня орехи и подавала ядрышки с медом или вишневым вареньем.

Папа, которого все знакомые именовали не иначе как Вахоб-полвон (по-узбекски «полвон» значит «богатырь»), использовал орешину для того, чтобы почесать об нее спину.

Эфирные масла, легкоусвояемый белок растительного происхождения...

Каждый четверг и воскресенье на ужин подавался плов. Мама приносила из кухни и ставила на стол передо мной и папой огромное блюдо с горой исходящего паром ароматного шафранного цвета риса вперемешку с кубиками мяса и нарезанной соломкой морковью. Мы начинали есть, и я выбирал себе кусочки вкуснейшего мяса не только с обращенной ко мне стороны блюда, но и с противоположной, да и вообще со всего блюда.

Однажды в гости к нам пришла бабушка – мамина мама. Увидев мое рысканье по плову в охоте за лучшими кусочками мяса, она строго отчитала меня, говоря, что мясо следует выбирать только из обращенного к едоку сектора общего блюда, что неприлично так набивать рот и одновременно придерживать ложкой кусочки мяса на блюде, как будто они могут убежать, неприлично уподобляться за столом землеройному снаряду, не оставляющему после себя даже костей, что кушать следует не торопясь, время от времени откладывая ложку

¹ Ишком – сводчатая галерея из дугообразных подпорок и виноградных лоз.

и оглядываясь вокруг, а не так, как я – вперив взгляд единственно в плов и совершая однообразные движения ложкой от блюда с пловом ко рту.

Бабушка сказала, что следует также предлагать и другим людям, сидящим рядом, отведать еды со стола, говоря время от времени: «Кушайте, пожалуйста!»

Я, несомненно, был «*enfant terrible*»¹, и слова бабушки прозвучали для меня тогда невыносимой экзотикой. Было мне лет 7-8, и жил во мне эдакий дух противоречия, который заставил после бабушкиных увещеваний с еще даже большим ражем придвинуться к плову и продолжать есть в той же манере.

Помню, как погрустнели глаза и у папы, и у мамы, и у бабушки. За столом воцарилось неловкое молчание, слышно было только мое чавканье. Взрослые не смели выгнать меня из-за стола, я знал и пользовался этим. Им же оставалось чувство отчаяния и безысходности. Да окажись я на их месте, тут же ложкой разбил бы лоб негодному мальчишке и пинком вышвырнул бы из-за стола. А они не смели.

Фортуна всегда благоволила ко мне, но фортуна ли это? Пройдет много лет. Посещая Европу с правительственными делегациями и по делам фирмы, на которой буду работать переводчиком немецкого языка, я возненавижу так называемые «рабочие завтраки», когда поглощение еды совмещается с обсуждением деловых вопросов, когда из-за необходимости обеспечения перевода беседы за столом мне мало что удавалось поесть самому, когда видишь, что собеседники-то, задав вопрос, едят в ожидании моего перевода их вопроса и ответа партнера.

Уроки бабушки в далеком детстве не пошли впрок.

Вкушение яств останется для меня глубоко интимным процессом, которому лучше предаваться в одиночестве. Но... это благоговение мамы передо мной! Эта готовность оградить меня от всего, даже от праведного бабушкиного гнева, это разрешение для меня свободы даже от законов человеческого общества, это мамино отношение к единственному ее ребеночку подымает меня над плоской солидарностью людей, над обыденностью закосневших правил общения, сообщает потустороннее дыхание небывалой любви и одаривает, как ни странно, предзнанием о положительных истинах Апокалипсиса!

В тот год, когда в Ташкенте случилось землетрясение, нас, беспечную детвору, отпустили в этой связи на летние каникулы уже в конце апреля. Во дворе над помостом, на котором мы теперь спали по ночам (благо в Ташкенте тепло уже в апреле), папа соорудил настил из тента, полученного им в городской мэрии в качестве посильной помощи населению, вынужденному обустраиваться под открытым небом. Из-за возможных повторных толчков в дом заходить было опасно, и поэтому я, освобожденный от школы, проводил дни, валяясь среди подушек, разбросанных по ковру постамента, прикрытому сверху натянутым тентом и открытому со всех сторон свежему воздуху и солнечному свету.

В мае Ташкент всегда бывает завален клубникой. Каждый вечер мама наполняла свежей клубникой, которую папа приносил с базара, стеклянный баллон и пересыпала ее сахарным песком. К утру баллон более чем наполовину наполнялся приторнейшим красным сиропом. Большую глубокую фарфоровую чашу я до половины заливал им, затем брал другую банку, заполненную накануне лимонами, нарезанными шайбочками, также пересыпанными сахарным песком. В красный, клубничный, я доливал ярко-желтый, неохотно

¹ *Enfant terrible* (фр.) – ужасный ребенок.

смешивающийся лимонный сироп и, морщась от приторности, вкушал сей вязкий напиток, называя его на иностранный манер «коктейлем».

Маме почему-то казалось, что я по ребячьему, наверное, легкомыслию буду заходить в дом, который может обрушиться от очередного подземного толчка. Телефон не работал, и поэтому она несколько раз в течение дня прибегала с работы домой (между нашим домом и поликлиникой, где мама работала медсестрой, было километра два), чтобы удостовериться, что со мной всё в порядке. Увидев меня возлежащим на подушках с фиалом оранжевого сиропа в руке, мама, просияв от счастья, начинала смеяться, радуясь моему благополучию. Затем, поцеловав меня, отбрыкивающегося, несколько раз в щеки, убежала на работу, в спешке не позволяя себе выпить хотя бы глоток воды.

Жалею ли я о чем-либо? Да. Я жалею маму, представляя себе, как она, наверное, сидя у изголовья моей кровати и напевая колыбельную далекими тихими вечерами, накормив меня грудным молоком, мечтала, что когда-нибудь, окружив ее своей сыновней любовью, в наличии которой она никогда не сомневалась, сын увлечет ее в прекрасные, неизвестные ей и невиданные ею дали, где не будет послевоенной разрухи, исковерканных ложью человеческих отношений. Ведь мальчик подает такие надежды, такие надежды... И сыночек, повзрослев, увлек... окунул маму в ад, приползая в чистый дом в перепачканном кровью и блевотиной пальто, с разбитой неизвестно где рожей, воняя перегаром и размахивая над мамой руками... Или позже – устроив для нее оскорбительный сериал бесталанных своих женитьб и разводов, глумясь над самым понятием брака...

И ведь знал всегда сыночек, что есть в аду место, специально отведенное для тех, кто при жизни подает надежды, но не оправдывает их.

Жалею ли я о чем-либо? Да! Страстно жалею! Душой горю, всем сердцем рвусь, но не могу прорваться к маме! Чтоб ощутить ее тепло, поцеловать сгиб локтя, увидеть улыбку, залюбоваться глазами, как бы провидящими иные миры...

Как умны те люди, что отметили: только физическая боль способна эффективнее всего отвлечь от боли душевной... Как хорошо, что в аду нет моральных мук – есть муки физические.

Как ярко светятся озера жидкого огня!

II

Если, выехав из Ташкента, проследовать несколько десятков километров строго в юго-восточном направлении, вы окажетесь в урочище Чимган, расположенном среди отрогов Тянь-Шаньских гор. Их полное китайское название Тянь-Шань-Пе-Ду – Северная Дорога Небесных Гор. Дальше на юг – Гиндукуш. Еще дальше – самая грандиозная горная система планеты Гималаи.

В горах Чимгана сейчас размещается отличный зимний горный курорт. В середине же прошлого века, во времена моего детства, в тамошних предгорьях уютно располагался лучший детский горный санаторий бывшей Узбекской ССР. Для моей мамы «лучший» означало – именно тот санаторий, куда меня следует определить.

Детская память выдает воспоминания о чистейшем воздухе, напоенном ароматом джиды (оказывается, русское название этого дерева: «лох узколиственный») и кизила, расцветающих весной и летом, о родниках, прячущихся в зарослях крапивы, мяты, облепихи, о быстрых прозрачных ручьях, несущих талую

воду высокогорных ледников; ложе ручьев было выстлано мхом, цветами, шевелящимися «венериными волосами» – длинной зеленой травой «сунбул».

Ореховый бор сменялся ближе к невысокой горной вершине липкими от пахучей смолы зарослями арчи.

Буколическая картинка дополнялась пасущимися там и сям упитанными длинноухими осликами, служившими основным средством передвижения для местного населения.

Всегда верная стремлению обеспечивать своего ребенка всем наилучшим, мама в течение восьми лет на долгие три летних месяца вывозила меня в этот горный санаторий, где тотчас по прибытии нас, детей, облачали в длиннополые полосатые пижамы и начинали кормить на убой: два утренних завтрака с кашами, хлебом, чаем, полновесный обед из трех блюд, полдник с коржиком и молоком после «тихого часа» и в конце дня – плотный ужин.

Да и подойдя к специальной будочке у столовой, можно было от пуза напиться кобыльего молока – кумыса.

Вечерами на свежем воздухе перед главным корпусом устраивались танцы под аккордеон или демонстрировался фильм. Мама, не мыслившая себе разлуки со мной даже на один единственный день, устраивалась на всё лето медсестрой на дачу тогдашнего первого секретаря ЦК Коммунистической партии Узбекистана Шарафа Рашидова, располагавшуюся вплотную к моему санаторию. Эту работу маме – секретарю, как это называлось тогда, первичной партийной организации Ташкентской городской больницы № 12, где она работала, – доверяла партия коммунистов, игравшая определяющую роль в жизни Узбекистана той эпохи. Милосердная к людям, доверчивая и открытая душой, мама была и комсомолкой, и коммунистом, и передовиком-агитатором на стройке Фархадской ГЭС (у меня сохранилась газетная статья, написанная о маме).

Мама участвовала в главных эпохальных событиях страны тех лет. В годы войны Ташкент рассматривался как глубокий тыл бывшего СССР, здесь был организован так называемый эвакуогоспиталь, куда свозили фронтовиков, нуждавшихся в длительном лечении.¹

Всё военное лихолетье мама прослужила медсестрой эвакуогоспиталя и рекомендовала себя исполнительной, веселой, хорошо говорящей по-русски узбечкой, лишенной каких-либо амбиций. Это последнее и определило решение партии рекомендовать маму для работы в качестве медсестры на даче высшего партийного руководства. Но истинной причиной готовности мамы прилагать усилия, для того чтобы дышать, жить, двигаться, общаться с людьми, идти в услужение режиму и стремиться в Чимган, всегда был я.

Всеми помыслами мамы всегда был я.

Ежедневно после ужина мама приходила навещать меня в санатории, уво-
дя из палаты под завистливые взгляды остальных детей.

Первым делом мы шли к маминой подруге тете Розе, работавшей поваром в столовой санатория и жившей в пристройке рядом со столовой. Подруги – мама и тетя Роза – усаживались судачить о разных разностях, передо мной же выставлялось форменное корыто, наполненное вареным мясом и мозговыми косточками. Это была основа супа, варившегося в обед для всего санатория. Бульон, картошку и немного мяса съедали отдыхающие – большая

¹ Помню рассказ мамы о том, что в Ташкентский эвакуогоспиталь свозили так называемых «пеньков» – участников войны, потерявших в ходе боевых действий обе руки и обе ноги. Это были совершенно беспомощные люди, абсолютно не способные себя обслуживать. Они не могли самостоятельно ни есть, ни пить, ни передвигаться, ни одеваться, ни мыться, ни даже отправлять естественные потребности. Сердобольность советской власти выражалась в том, что «пенькам» положено было ежедневно выдавать спирт, разведенный водой.

же часть остального доставалась мне. Разваренное мясо ел я без хлеба и соли; илик (костный мозг) выбирал только теплый. Уже тогда я понимал, что холодный илик – это гастрономический нонсенс, выстилающий к тому же рот слоем жира, который трудно проглотить.

После того, как я разделялся с моим вторым ужином, мы шли на танцы или смотреть фильм. Вот было времечко...

Часы идут, дни бегут, а годы – летят...

Я окончил шестой класс, и мама решила, что ее ребеночку пора более полноценно проводить свои летние каникулы – теперь на всесоюзных просторах. Нынешнее поколение не вполне представляет себе реальные преимущества социализма бывшего Союза – почившей ныне страны. Возможности ее гражданина в обустройстве своего житья-бытья предельно ясно характеризовал один из моих сокурсников по Институту международных отношений, студентом которого я стану через несколько лет, Давид Мнацаканян, говаривавший:

– Делай что хочешь, только советскую власть не ругай.

Что было лучшим летним времяпрепровождением для подростка в бывшем СССР? Конечно пребывание во всесоюзном международном пионерском лагере «Артек»!

И маме тоже захотелось, чтобы ее ребеночек непременно поплескался в ласковых волнах теплого Черного моря.

Как можно было поехать в Артек?

Нужно было заслужить путевку, выдаваемую лучшим пионерам в поощрение за хорошую учебу и успехи в так называемой «общественно-полезной работе». Я хорошо учился в школе, мама, разумеется, знала об этом, но была бы поистине наивной, если бы ожидала, что мои школьные пятерки обеспечат мне поездку туда. Зато она узнала, что путевки в Артек, как многое другое, продаются. В ЦК ЛКСМ. Но не для всех, а только для детей «номенклатурных работников». Со своим статусом «секретаря первичной парторганизации» мама, разумеется, до звания «номенклатурного работника» недотягивала, но желание непременно обеспечить меня купанием в Черном море прожгло все препятствия: путевка была куплена, и я поехал в волшебный Крым.

Впервые увидел море, посетил Бахчисарайский фонтан, надышался ароматом благородного лавра в бленде с пряными йодистыми испарениями гниющих на кромке морского берега водорослей, нацеловался с девочками из Риги, Кемерово, Владивостока, стал знаменосцем дружины «Морской». Как и все, отлынивал от пионерской работы. Ел, пил, спал в свое удовольствие, но не купался в море, так как стоял месяц май, и администрация лагеря не решалась допустить купание детей до открытия летнего сезона.

Не привыкший переживать неисполненные желания, я пожаловался в письме маме, что меня не пускают купаться в Черном море.

И тогда к концу смены в Артек приехала моя мама...

Что она говорила, я не знаю, но администрация дружины «Морской» выделила для мамы, приехавшей ко мне в Артек, отдельную комнату в одном из коттеджей на берегу моря, подключила к питанию в столовой. И я – единственный пионер – смог посидеть у прощального лагерного костра вместе с мамой.

По окончании майской смены дети в сопровождении провожатых-комсомольцев разъезжались по своим республикам, меня же с разрешения артековской дирекции мама забрала с собой в ближайший к Артеку поселок Гурзуф, где загодя на весь июнь сняла для нас комнату в доме большой украинской семьи, живущей близ моря.

И свершилась моя мечта! И мама возрадовалась, глядя, как я плещусь и плаваю в Черном море!¹

Хозяйку дома звали Ганной, она познакомила меня со своими дочками – тройняшками Верой, Надей и Любашей, моими сверстницами, с которыми я ходил к морю ловить крабов, прячущихся в расщелинах прибрежных скал. Во дворе у Ганны росло одно-единственное дерево, и это был инжир. В небольшой конуре жил песик, по кличке Чернушка. (Ох, как же ты цепка, детская память!)

Какой аттракцион был в то время лучшим в Гурзуфе? Конечно же стремительная поездка по морю на моторной лодке с подводными крыльями по маршруту Гурзуф – «Ласточкино гнездо». Наряду с Бахчисарайским фонтаном, Воронцовским дворцом в Ливадии и скалой Шалыпина, «Ласточкино гнездо» представляло собой заметную достопримечательность на всем южном берегу Крыма. Изящное строение, стилизованное под средневековый замок, было возведено в начале прошлого века и высилось на скалистом обрыве, который, в свою очередь, отстоял от зеркала моря вверх – на высоту более тридцати метров.

Дистанцию в три километра между Гурзуфом и скалой, над которой высился замок «Ласточкино гнездо», многоместная лодка на подводных крыльях пролетела за десять минут, рискуя однако перевернуться и потонуть в любое мгновение из-за недогрузки, так как в тот день никто, кроме меня с мамой, проехаться по морю с ветерком не решился.

О, то были десять минут неги, граничащей с катастрофой!

Визжа от восторга и холодея от страха, мы с мамой мчались среди синевы неба и моря в облаке соленых, неожиданно прохладных среди лета брызг! «Всё, всё, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслаждения – бессмертья, может быть, залог! И счастлив тот, кто среди волненья их обретать и ведать мог!»²

Рулевой был налит вином, дико завывал мотор, лодка трещала по всем швам, вся обстановка вокруг не внушала доверия, мама чувствовала это, но желание доставить удовольствие сыночку пересиливало в ней все страхи и всю осторожность.

Один только раз решилась мама и сама искупаться в Черном море – обычно она сидела под тентом на галечном пляже Гурзуфа, наблюдая за мной и наслаждаясь тем, что мне было хорошо.

Мама надела привезенный из Ташкента купальник и вышла на пляж.

Я вдруг впервые увидел ее ноги выше колен и изуродованный многими беременностями большой живот. До этого момента живот мамы всегда скрывала одежда.

С неудовольствием, а может быть, и с негодованием, и даже, мне кажется, с презрением я отвел взгляд в сторону. Мама заметила это и, смутившись, быстро оделась.

Сейчас за право вновь увидеть маму я с радостью и восторгом дал бы людям вынуть глаза мои и мозг мой!

Но люди не могут вернуть мне маму...

Подарив мне Черное море, мама решила показать мне также Москву.

Доехав на автобусе из Гурзуфа до Симферополя, мы погрузились в пассажирский поезд «Симферополь – Москва» и направились в тогдашнюю столицу

¹ Сразу после открытия в Ташкенте Дворца водного спорта им. В. Митрофанова мама определила своего ребеночка в этот лучший бассейн республики, для того чтобы я научился плавать.

² А. С. Пушкин. Пир во время чумы.

СССР. В Москве нас встретили аспиранты маминого брата, дяди Шаислама, которым дядя дал задание встретить и разместить в Москве его сестру и племянника.

В течение нескольких дней пребывания в столице мама, которая так же, как и я, впервые была в Москве, каталась вместе со мной в метро, гуляла по ВДНХ, удивлялась так называемым «белым ночам»¹ и, конечно, посетила Мавзолей. На выходе из Мавзолея нас ждал фотограф, изготавливавший шары с окуляром для просмотра цветных стереоскопических фотоснимков. Мама и я сфотографировались на фоне Красной площади, и уже в наши дни, заглянув в окуляр, я имею возможность видеть маму молодой. Вижу на снимке также и себя – подростка с неосмысленным взглядом.

Но позже выяснилось, что нас на снимке трое...

Через тридцать один год после того, как был сделан этот фотоснимок, мама умерла. И когда, желая увидеть маму после ее смерти хотя бы на фотографии, я взял как-то в руки шар и заглянул в окуляр, то увидел у себя на лбу огромное космически темное пятно, которого раньше на фото не было. Это значит, что в тот солнечный июньский день рядом со мной и мамой на Красной площади в Москве невидимкой разгуливал так называемый «шар праны». Уже тогда, предзная всё, он, спустя тридцать один год, проявился на фотоснимке черным пятном в районе лба любимого ребеночка мамы, для того чтобы неопровержимо, неумолимо указывать на виновного в ее смерти.

...Чтобы указывать на матереубийцу.

Позже я побывал в «Артеке» в общей сложности еще пять раз – трижды пионером и дважды студентом МГИМО МИД бывшего СССР в качестве переводчика с немецкого языка для детей коммунистов Западного (тогда еще) Берлина и Великого Герцогства Люксембург.

Теперь для того, чтобы купаться в Черном море, мама мне была уже не нужна.

Не нужна была мне мама больше ни в Москве, где я учился, ни в ГДР, где служил лейтенантом в группе советских войск в Германии.

Теперь, вырвавшись из-под маминой опеки, я стал самостоятельным.

Теперь мама превращается в грустного, страдающего за меня зрителя сериала моих женитьб и попыток завести семью.

Теперь злые демоны делают так, что маму я больше не замечаю...

III

Корысть превалирует в отношениях между людьми. Соотносясь друг с другом, люди, по мнению Николая Бердяева, исходят из философии пользы и выгоды, а не философии ценностей. Это видно не только в жизни общества, но и в жизни семьи.

Естественно, корыстны дети, ожидающие родительской заботы о себе. Бывает, состарившиеся родители, особенно живущие в восточных цивилизациях, порой всем видом своим сигнализируют о том, что ожидают благодарности своих детей в форме заботы о них.

Тем самым доказывается, в отношениях между людьми – даже в отношениях между родителями и детьми – нет и не может быть бескорыстия в чистом виде.

¹ Речь идет о чуть более светлых ночах примерно с 20 мая по 10 августа, когда в Москве не кончаются астрономические сумерки и не наступает астрономическая ночь.

Бескорыстие – прерогатива Божеского отношения к человеку. Но свидетельствую: отношение мамы моей ко мне было абсолютно бескорыстным.

Я был ценен для мамы сам по себе.

Категорический императив Иммануила Канта предписывает людям относиться друг к другу не только как к средству, но и всегда как к цели. Моя мама никогда не видела во мне «средство», для того чтобы комфортней обустроить свою жизнь, для того чтобы непременно иметь в будущем «опору в старости». Единственный сын мамы был для нее ценностью сам по себе. Был единой, непререкаемо светлой целью.

Для мамы я был роднее крови, текущей по ее жилам...

Старинное узбекское поверье гласит: сын может искупить перед матерью ее заботу о нем, если, посадив себе на плечи одряхлевшую от старости мать, трижды пешком совершит паломничество в Мекку. Таким образом искупим один единственный миг маминой заботы, когда, услышав в ночи испуганный детский плач, мать встает к младенческой кроватке, чтобы успокоить нас.

Сколько же раз Вы, мама, вставали ко мне, услышав среди ночи мой плач, и маминой любовью, маминой лаской обороняли меня от холода этого мира?

IV

Вполне отдаю себе отчет: текст мой – куц и фрагментарен. Полон наверняка несуразностей и скороговорки. Уповаю однако на то, что подготовленность читателя выразится в понимании: важно не только описанное. Порой гораздо важнее то, что написано не было.

Некий Ленин пробурчал как-то: «Простите, что много написал – мало было времени...»

У меня же наоборот: времени предостаточно, а написано мало.

А написать хотелось бы о многом. Например, о том, как в разное время моими vis-a-vis, то есть персонами, в тесном общении с которыми я провел не менее часа, было множество известных личностей. Желая избежать подозрения в хвастовстве, ограничусь перечислением имен лишь некоторых из них:

Вольф Мессинг (рассказывал мне в номере гостиницы «Советская», как, пребывая в компании с Нильсом Бором и Альбертом Эйнштейном, он, выполняя мысленный приказ Нильса Бора, подошел к Эйнштейну и выдрал несколько волосков из его бороды и как мужественно вытерпел эту операцию Альберт Эйнштейн);

Юрий Гагарин (десятилетним мальчишкой я запечатлен на фотографии вместе с Юрием Гагариным и его женой в аэропорту города Ташкента в момент, когда передавал им цветы. Пребывая позже в «Артеке» в качестве переводчика немецкого языка для детей Великого Герцогства Люксембург, я встретил дочек Гагарина, живших недалеко от моего коттеджа дружины «Лесная». Мы долго сидели на берегу моря и говорили об их отце, погибшем уже к тому времени...);

Екатерина Фурцева (самое восхитительное вино в моей жизни я пил в Кремле в ходе приема, который в честь гостей Международного дня театра давала министр культуры бывшего СССР Екатерина Фурцева.

– Немцу своему скажи, чтобы вина этого выпил! – повелительным тоном сказала она мне, указывая на простую, чуть ли не пивного формата, бутылку, стоявшую между тарелок с осетровыми.

Я подозвал официанта и велел налить мне и «немцу» – главному постановщику всех пьес Бертольда Брехта в Австрии – этого, кажется, карабахского,

вина. Ни в знаменитом Лейпцигском Ауэрбахскеллере, упоминаемом Гёте в «Фаусте», ни в винных погребках Рейна, ни даже на приеме у министра-президента федеральной земли Саарбрюккен г-на Оскара Лафонтена, славившегося на всю Европу своей винотекой, такого превосходного вина я больше не пил...);

Гельмут Коль и многие, многие другие.¹

Хотелось бы написать также о том, как, сумев задушить в себе эгоизм, сумев оторвать меня от себя и, несмотря на то что папа мой к тому времени уже умер, не побоявшись остаться одной, она решила послать меня на учебу в Москву, из захолустья в метрополию, как полагала мама, для моего же блага. Она сделала меня, сына пожарного и медсестры, обладателем наипрестижнейшего образования, полученного мною в наизыскотичнейшей из империй планеты.

Мама ласково называла меня «болажон», то есть «ребеночек». Двоюродный брат именует Тоштемиром. Ольга звала Тимом, Наташа – Тямочкой. Но сам я знаю, что имя мое, равно как и имена всех тезок моих, – имя Зверя из Откровения Иоанна – 666. Каждая арабская буква имеет числовое значение, и поэтому в странах, использующих для письма арабские литеры, существует поэтическая традиция стихотворно обыгрывать цифровое значение имен.

О своем учителе Низами Алишер Навои пишет так: «Отики беш харф килурлар хитоб, минг бир эрур айласанг оне хисоб». То есть: «Имя его – из пяти букв, но коли сосчитать их, явится тысяча одно!»

Между тем, если бы Божий промысел и не предусматривал моего появления на свет, жизнь самой мамы могла бы и без меня сложиться интересно и занимательно.

Еще в начале 20-х годов прошлого века дедушка, мамин папа, наблюдая возросшее прибытие русских людей в Ташкент и упрочение советской власти в стране, прозорливо отметил (об этом вспоминала бабушка) всю важность овладения русским языком для будущего его детей. С этой целью некоторые из русских семей, прибывавшие в те годы в Ташкент, были приняты на постой в дедушкином доме. Закончив старометодную школу, мама, с детства хорошо говорившая по-русски, была определена учиться на русском отделении медицинского техникума имени Ахунбабаева. По окончании техникума она становится первой медсестрой-узбекской санитарной авиации, организованной в то время с целью экстренной доставки в Ташкент высокопоставленных лиц, в первую очередь, партийных работников, пострадавших от каких-либо несчастных случаев в различных регионах республики, для лечения в относительно хорошо оснащенных лечебных учреждениях столицы. Это был интересный период в жизни мамы, о котором она мне часто рассказывала.

Мама летала на так называемых «кукурузниках», каркас которых был выполнен преимущественно из жести, дерева и фанеры. Эти летательные аппараты прекрасно планировали в воздухе даже при неработающем двигателе и вряд ли когда-либо могли упасть. Проблемы создавались не техникой самой по себе, а, как везде и во все времена, людьми: часто самолет, доставивший в Ташкент пострадавшего или пострадавших от несчастных случаев, кружил над летным полем и, едва зайдя на посадку, почему-то перед самой землей вновь взмывал в небо, продолжая кружиться над аэродромом.

Авиадиспетчеры, наблюдавшие с земли за этими маневрами, ставили свой диагноз:

¹ За мелочностью события не упоминаю здесь драку из-за девушки в туалете московского ресторана «Арапат» с вратарем сборной СССР по футболу Анзором Кавазашвили, поножовщину по этому поводу между армянскими посетителями ресторана и азербайджанскими телохранителями грузинского футболиста. Не упоминаю о встрече с Мухаммедом Али (вне ринга, разумеется). Не упоминаю многое...

– Петя опять напился, Шура сесть не может!

Не знаю, была ли с бортом радиосвязь, – мама не упоминала о ней, рассказывая о том, как ей по возвращении в Ташкент удавалось-таки посадить самолет с заболевшими партийными бонзами и мертвецки пьяным летчиком Петей. Секрет заключался в умении, как сказали бы сейчас, заныкать от пилота часть запаса медицинского спирта на борту, которым распоряжалась мама. Дело в том, что, приняв пациентов на борт, подняв самолет в воздух и взяв курс на Ташкент, летчики традиционно выпивали весь запас медицинского спирта, имевшийся на борту, который теперь становился как бы ненужным, ввиду того что для следующего вылета самолета санитарной авиации запас вновь пополнялся. Но пополнялся только в том случае, если был израсходован – неважно, на месте приема пациентов в ходе обработки их ранений или на борту. Пилотам приходилось выпивать весь спирт во время полета, так как на земле сделать это им не дали бы их семьи.

Отказать летчику в традиционном возлиянии, думаю, не осмелилась бы в те дни ни одна из медсестер-распорядительниц спиртом на всем пространстве тогдашней великой империи – Страны Советов. Но моя мама, зная, чем может закончиться потребление в воздухе одним человеком полулитра чистого медицинского спирта крепостью 98° (именно таким был обычно неизрасходованный запас аптечки самолета санитарной авиации того времени), прятала часть спирта в маленькую резиновую грелочку, которая, наряду с градусниками и клизмами, составляла содержимое аптечки самолета санитарной авиации.

Когда, ближе к Ташкенту, летчик Петя становился никаким – сидел с закрытыми глазами и бубнил что-то нечленораздельное, – маме приходилось переключать внимание с больных на пилота. Больные не возражали – понимали, что теперь возможность разбиться насмерть при посадке реальнее, нежели опасность погибнуть от полученных ран. Существовал только один способ привести Петю в чувство, чтобы он приземлил самолет, – показать ему грелочку и пообещать дать выпить после успешной посадки.

Помощь мамы заключалась также в том, что она переводила для Пети его же собственные слова. Посадка осуществлялась в результате следующего диалога:

– Яза... яза... яза...

– Ты забыл, как посадить самолет?

– Аа. Я за...

Через некоторое время Петя начинал бормотать, тыча пальцем в приборный шиток:

– Га... га...

– Шкала горизонта посадки? – догадывалась мама. – Вот она...

– Рюа... рюа...

– Реверс?

Но полагаю, что мама уже тогда всё же предчувствовала будущее мое появление и предзнала, что смерть ее не будет связана с самолетами. Она была спокойна...

V

Внешне я очень похож на маму. Схожи способности, некоторые черты душевного склада. И, как выясняется, судьба внесла в мамину и мою жизнь похожие события – в частности, встречи с незаурядными людьми.

Люди и время, окружавшие маму, прочили ей блестящее будущее врача, какое только мыслимо было в имперском захолустье, каковым и в царское, и отчасти в советское время являлся Ташкент.

Окончив медицинский техникум и работая медсестрой, мама освоила на практике несколько врачебных специальностей. Она мечтала и готовилась к поступлению в организованный незадолго до Второй мировой войны Ташкентский медицинский институт.

В то время в Ташкенте работал выдающийся гнойный хирург XX века и одновременно крупнейший иерарх Русской православной церкви, Епископ Ташкентский и Туркестанский преподобный Лука. В миру это был врач Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, живший в Узбекистане с 1917 года.

Мама рассказывала, что профессор Войно-Ясенецкий носил окладистую бороду, белый медицинский халат поверх рясы, творил крестное знамение над всеми пациентами перед операцией независимо от их вероисповедания, говоря: «Бог един для всех».

Его любили дети – всегда ждали у дверей больницы его выхода, потому что он одаривал их конфетами.

В годы перестройки я прочел, что профессор Войно-Ясенецкий – автор знаменитых «Очерков гнойной хирургии» – был гоним, арестован в 1937 году.

Мама, работая ассистентом-медсестрой под началом профессора, успешнее всех ассистировала ему во время операций. Валентин Феликсович ласково называл ее Шурочкой и говорил, что ей обязательно нужно получить диплом врача, так как она «талантлива во врачевании». Как-то он просто взял маму за руку, привел в Ташкентский медицинский институт и сказал:

– Эта девочка должна здесь учиться.

Авторитет профессора был столь высок, что маму тотчас внесли в списки студентов первого курса и сказали прийти на учебу в сентябре. Но в сентябре мама не смогла прийти учиться, так как это был сентябрь 1941 года. Шла война. Старший из братьев мамы был на фронте, заботы о матери и двух младших братьях легли на плечи мамы – старшей в семье. И всё. Мечта о врачевании рассеялась как дым...

VI

Итак, рожать меня или не рожать – такой вопрос для мамы никогда не стоял. Я предзнал всегда, что Бог вырвет меня из небытия для жизни в этом мире, но полагаю, что и мама не представляла себе, как это я могу не появиться на свет. И, родив меня в этом студёнейшем из миров, мама безоговорочно и безоглядно посвятила мне весь жар души, все оставшиеся мгновения своей, как я теперь понимаю, по-своему неповторимой жизни. Постаралась если не забыть, то хотя бы отвлечься от ужасов недавно пережитой войны, перенесенных голода и лишений, оставшись с младшими братьями без отца, сиротой при бесправной по тем временам матери – моей бабушке – и потому беззащитной вне дома от хамства и недоброжелательности окружающих.

Ответом мамы на все выпады и оскалы судьбы, ее утешением в этом ледяном мире была самозабвенная любовь ко мне. Мне отдала мама все вдохи своей груди, со мной связала все помыслы и чаяния своей, Богом дарованной, жизни. Она прошла этот путь до конца и ушла из жизни волевым решением в тот самый день, когда для нее стало ясно, что из-за старческой немощи она не

сможет, как прежде, заботиться о своем ребеночке. Ушла в воскресный день, через четыре дня после переезда в Дом престарелых, когда я, с камнем замше-лым в груди вместо сердца, объявил ей, что не приду к ней завтра, что приду навестить ее теперь только в следующее воскресенье, хотя до этого навешал ежедневно.

Маму, дышавшую мною все мгновенья сорока четырех лет на тот момент моей жизни, несшую бессрочную и бессменную вахту по обслуживанию, за-шишавшую и ограждавшую меня от всех, даже несуществующих, опасностей, не позволяющую себе роскоши болеть, читать, смотреть телевизор, забывшую о том, что она женщина, не замечающую любопытный мир вокруг, – маму, забывшую себя ради меня, убила перспектива недельной разлуки со мной, обрисованная к тому же языком единственного ее сына.

Моим проклятым языком.

Меня – безжалостного, беспощадного, неумолимого – оставил равнодуш-ным единственный аргумент, который она робко, глотая слезы и пряча глаза, посмела высказать против переезда в Дом престарелых:

– Я без тебя не смогу...

Последнее, что мама в одиночестве видела перед смертью, был убогий закуток Дома престарелых, куда я, с гноем гордыни в груди вместо души, поме-стил ее... Много позже один немец объяснит мне, что мама сумела бы с легко-стью вынести любые условия жизни, включая долгую разлуку с единственным сыном, если бы я своими словами и действиями не отнял у нее смысла всей ее жизни – меня самого.

Фридрих Ницше говорил: «У кого есть зачем жить, может вынести любое как».

На мраморе маминой могилы через художника я изобразил сирий цветок со сломленным стеблем – погибшую жизнь. Из раны цветка вырастает новый цветок. Ведь предтеча жизни новой – смерть жизни прежней.

Скажите, где озера жидкого огня, о которых пророчествует Откровение? Быть может, в них хотя бы немного обмякнет, наконец, ледяная сталь, из кото-рой сделано мое сердце?

Земной, прижизненный, путь мамы был сознательным непотворением любви. Любви ко мне, единственному маминому ребенку. Любви, нахлынувшей на маму из глубин материнского инстинкта и сделавшей маму своей рабой.

За какие заслуги мои в душе мамы открылось вселенских масштабов чув-ство любви ко мне? Всегда ли так бывает?

Воистину, неисповедимы источники подлинные твои, любовь...

...Первое детское воспоминание: взлетаю вверх, визжа от восторга и хо-лодея от страха, голеньким мальчиком и затем, захлебываясь хохотом, прова-ливаюсь вниз, где подхватывают меня сильные добрые мамины руки... слышу и ошущаю звонкие, теплые, сладкие поцелуи... Это мама подбрасывает к небу и ловит у земли своего ребеночка...

И последнее воспоминание о маме: опустив руки и сгорбившись, она стоит в коридоре Дома престарелых, робко, умоляюще глядит снизу вверх на меня, уже повзрослевшего сына...

...Ее слова: «Я без тебя не смогу...»

Знаю, за убийство мамы предстоит расплата. Единственный ребеночек мамы становится новой добычей ада. Но у меня есть мечта. Для меня уготова-но утешение. Ведь ад и рай взаимосозерцаемы, как указано в притче о Лазаре, хотя и не взаимопроникновенны. И вот тогда... пусть из бездны, из корчей...

из огня... но ведь увижу маму мою в светозарной выси! Среди райских небес! Херувимами лелеемую в ея горнем полете.

Из рая мама не сможет оборонить меня от адского пламени, как делала это при жизни, но, быть может, удастся мне подать знак... прошептать просьбу о прощении...

VII

Как-то раз, готовясь к семинару в моей альма-матер, я натолкнулся на изречение, приписываемое шестнадцатому президенту США Аврааму Линкольну. Вот оно: «Некоторых людей вы можете обманывать всё время; некоторое время вам удастся обманывать всех; но вам никогда не удастся всё время обманывать всех!» Мама, несомненно, относится к первой категории описываемых людей. Она была доверчивой, ее можно было обманывать всё время. Она так и ушла в уверенности, что ее единственное дитя не может быть ни в чем виновным.

Я пребываю в фазе, описываемой второй частью вышеприведенного изречения. И люди полагают, что я ни в чем не виноват. Но истина, согласитесь, заключается в последней части этой формулы...

Всем нам, людям, мятушимся по планете в жизненном угаре, впопыхах совершающим дела свои, без оглядки на наших живых или ушедших уже отцов и матерей, следует приостановить суетливый бег, перевести дух, оглянуться вокруг. Требуется искренне и светло протрезветь среди чада соблазнов и искушений этого зябкого проходного мира, среди переизбытка философских и этических схем, разработанных мудрецами, которые, по словам Евангелиста Луки, «осутились умствованием».

Людам требуется взалкать скорейшего прихода Страшного суда, свершения пророчеств Откровения и – наконец! – светлого Воскресения... Ведь, лишь закончившись так, как это описано в Откровении, – Страшным судом, история мира и каждая человеческая жизнь обретут некий смысл!

Ведь если история мира закончится не в Апокалипсисе и напрасными окажутся вдохновение Библии, строгость Корана, чудеса Исхода, самоотверженность Иова, поэзия песен Соломоновых, красота Иосифа, горечь Экклезиаста, плач Иеремии... если таинства будут развенчаны, и история мира закончится, скажем, падением кометы на Землю и в результате этого смертью всего человечества, то правым окажется Иван Карамазов, возвестивший: «Если Бога нет, то всё можно!» Тогда не исполняются законы, нет морали, этики. Тогда можно убивать детей и равнодушно взирать на слезы матерей. Разве такой участи желает себе сердце человеческое? Нет!

Не оставь нас, Бог...

Люди жаждут реализации и торжества положительных истин еще и для того, чтобы вновь встретиться с родными мамами. Ведь если атеисты правы и мир материален – встреча не состоится. Но даже падший человек не может не желать себе новой встречи с мамой. Для того чтобы рассказать ей, как он ее любит. И испросить прощения.

...И испросить прощения.

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

О Тимуре Гулямове

Человек странной судьбы... Противоречивый, сложный, яркий, выбивавшийся из общего ряда, как мало кто...

Об усопших принято говорить либо хорошо, либо ничего... Ну что ж, я скажу здесь то, что ничуть не погрешит против этого правила.

От него первого мы с братом узнали, что такое научная фантастика.

От него первого мы слышали, кто такой Владимир Высоцкий, а потом слышали его песни.

От него получили полный комплект Советской Детской Энциклопедии, за оранжевыми томами которой я провел всё мое детство, и всё мое последующее образование так или иначе было отражением этих толстенных томов, полных чудных иллюстраций.

А еще раньше были кукольные спектакли о псе Кручке и его игрушечных друзьях, которые мы ждали с нетерпением каждую субботу, когда он приходил к нам в гости...

А еще раньше был аккордеон – огромный, малиново-золотистый, казавшийся нам неземной красоты чудом, тем более когда он раздвигал его меха и начинал играть...

Однажды осенью мы рубили у нас во дворе сучья, дурачились, и вдруг он, замерев на секунду, с пафосом и свойственной ему театральностью сказал одному из нас:

– Послушай! У тебя – глаза гения!

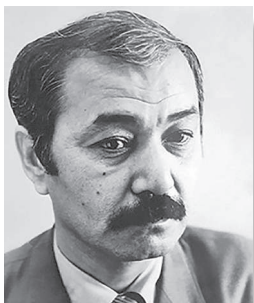
Никто из нас гением так и не стал...

Но он любил креатив – свой и чужой, любил вообще создавать вокруг атмосферу творческого порыва. И всегда вполне искренне и громко восторгался достоинствами своих братьев...

Он страдал от одиночества. Но всегда манифестировал, что это именно то, к чему он всегда стремился, и что он – счастливейший из людей.

Что в этом было бравадой, а что правдой – нам теперь не узнать...

Надир ШАМУХАМЕДОВ

Эргаш МУХАММАД

Дыхание весны и солнечного мира

Память

Что было – то прошло...
И не вернуть,
И никуда от прошлого не деться.
Ворочаюсь – и не могу заснуть.
От памяти своей не отвертеться.
Не отпускает память –
Плачь, не плачь –
Не сладить с ней
Ни словом, ни слезами.
Как будто погруженный в воду мяч,
Она всплывает вдруг перед глазами.

То в сердце неожиданно кольнет,
То без ножа зарежет –
И не охнешь!
И умереть спокойно не дает,
И что за жизнь,
Когда живешь – и сохнешь...
Что было – то прошло...
Но сам не свой
Хожу с тех пор и думаю об этом...
А не было бы памяти людской –
И человек
Не стал бы человеком!..

Мой кишлак

Светает,
и синее даль,
необозримая, как море.
Как накренившийся корабль,
родной кишлак лежит в предгорье.
Еще не спряталась луна,
еще рассвет в объятьях ночи...
Обманчивая тишина.
Лишь ветерок холмы шекочет.
Но утро близится.

И холм –
как беркут, распластавший крылья...
На море жизни
гребни волн
не всем заметны без усилия...
Но голубой струится свет,
родной кишлак плывет, как в море,
и ветер гонит волны лет
на всеобъемлющем просторе.

Эргаш МУХАММАД родился в 1940 г. в Джизакской области. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз) в 1970 г. Автор сборников стихов «Воскресные песни», «Верность земле», «Третий полюс», «Летающие птицы», «Дом, где я родился».

Громко плачет ребенок, требуя молока,
Но плача не слышит палач.
Сердце течет слезами из глаз,
Скорби людской река
Через века течет себе, плачь – не плачь.
Мертвое тело матери.
Похолодевшие руки
Уже никогда не смогут ребенка обнять.
Стынет небо в открытых глазах,
Застилая смертные муки.
Пуля пробилла сердце,
Лучше не вспоминать...
Плачет ребенок и молока
                        требует вновь и вновь.
Он смерти не понимает,
Он требует есть и пить.
Он сосет материнскую грудь
И глотает соленую кровь,
И от крови его тошнит.
Это картина войны,
Рассказанная соседом.
Картина ужасной войны.
До сих пор он не может забыть об этом.
Голос памяти прорывается в сны.

Перевод с узбекского Виктора КОРКИИ

Брови твои – качалка,
В которой уснула ночь.
И спит среди звезд янтарных,
И не торопится прочь.
Ресницы твои длинные
Готовы бровям внимать –
Тихонько приподнимаются,
Заботливы словно мать.
Ресницы твои усыпляют
Новорожденный стих,
Чтоб он заснул, как ребенок,
Чтобы он смолк и стих.
Брови твои – качалка,
В которой ночи легко спать,
Ибо льется с неба

Лунное молоко.
Лестницы твои длинные
Заботливы, словно мать.
Не устают колыбельную
Над строчками напевать.
Брови твои – качалка
Для лучших песен моих.
Но только уснуть не хочет
Новорожденный стих.
Но только прошу – не надо
Песен моих усыплять.
Не надо. Настанет утро,
Медленно солнце взойдет,
А песен моих, быть может,
Кому-то недостает...

* * *

Степнячка разводит огонь в очаге,
Покончив с дневными делами.
А ветер качает фонарь на крючке
И лижет голодное пламя.

Старуха-степнячка вдова с двадцати,
Разлука глаза подсурьмила
Тоской, от которой уже не уйти:
Разлука, война да могила...

И яркие блики, что пляшут, себя
В глазах воспаленных застали...
Как в зеркале, ищет степнячка себя
В мерцанье холодной пустыни.

И мечутся тени по голой стене,
Но только очаг не остынет –
Любимый, погибший на той войне,
Нашел продолжение в сыне.

И пристально смотрит степнячка, как встарь,
На пламя, забывшая бремя,
И мерно покачивает фонарь,
Плывущий сквозь ветер и время.

Перевод с узбекского Евгения БЛАЖЕЕВСКОГО

Танец костылей

«Жених с невестой!» – гомон детей
Смешался с напевами: «Ёр-ёр», –
Всё звонче в свадебной суете
Разноголосый девичий хор.
Торжествен старинный обряд:
Сосуд с хлопковым маслом в руках,
Как легкое облако – наряд.
Костер, пылающий в двух шагах.
Невеста льет масло – всё, до дна!
В миг подхваченное на лету,
Искрится оно в зеве огня,
И бубен бьет: «Так-тум, така-тум!»
Раскинулось золотое руно,
Трепещет, почуявшее простор.
Колеблется в небе след вороной...
Обходят жених с невестой костер.
Три круга вокруг костра – вдвоем!
Гори, светись, волшебный огонь!
Дай слову «люблю!» вселенский объем,
Разгорячи докрасна ладонь!
О, как оглушающ гром сердец!
А издали голос озорной
Звенит: «Начните танец, отец!»
И вышел отец с ногой одной...
Он вышел – праздника властелин.
Славили мышцы жилистых рук
Убого вставшие костыли...
И праздничный гомон стих вокруг.
И слышался шелест плакучих ив.
Отец музыкантам подал знак,

И снова взмыл удалой мотив:
«Им-банг, им-банг, им-бала, им-банг!»
Подпрыгнув, на костылях к костру
Шагнул, будто раненый орел,
И закружил под звучанье струн
Одноногий седой танцор.
И вместе со стуком костылей
Раздулся огонь, раздались хлопки.
Танцуют блики на лицах гостей...
Под музыку – легкий взмах руки,
Кивок головы, стук костылей,
И снова – взмах, и волненья ком.
А пламя, как крылья журавлей,
Слетевшихся на обильный корм.
Повиснув за курчавой лозой,
Глядит изумленно луна во двор, –
Так, словно косарь машет косой,
Играет костылями танцор,
Шелковый пояс повязала дочь,
Обнял отца младший сын-малец.
Им радостных слез сдержать невмочь...
На свадьбе пляшет старик отец,
И звуки, заполнив весь квартал,
Уносятся с дымом в высоту,
Им шар земной нынче, верно, мал.
Уж вся тютетейка отца в поту.
Да разве душу танцора унять!
Когда отступила боль за круг...
С невесткой рядом застыла мать,
В глазах бьются радость и испуг.

Густеет над городом вуаль,
 И ширится звездчатый простор.
 Уносятся думы матери вдаль,
 Где бушевал ее костер.
 Роскошный – нынешнему под стать,
 Таящий столько сокрытых сил!..
 На танец глядя, вспомнила мать,
 Каким прежде мóлодцем муж слыл...
 Румянилась алыча в саду
 Над глиняной мазанкой молодых.
 Привольный ветер над степью дул,
 Трезвонил арык на все лады,
 Муж ее – всем танцорам танцор!
 Рубашка липнет, крутой чуб взмок.
 Танцует муж, и светлеет взор, –
 Так душу танцор вкладывать мог,
 Чтоб танец был яростен и речист.
 ...В то лето пришло несущее боль,
 Страшнее чумы, слово «фашист».
 Колокола звали в смертный бой,
 Обломлены крылья у мечты.
 Повестка в руках. Темно в глазах.
 Кровавые чуются бинты...
 Запричитав, узнала в слезах,
 Сквозь забытие летело к ней:
 «Не плачь, жена. Пусть сгорит наш враг.
 В едином гневе – нет нас сильней!
 Растопчем паучий фашистский флаг!
 Ты после войны родишь детей...
 На свадьбе их уж как я спляшу!
 Искусством своим подивлю гостей,
 И небо звездное всполошу!
 Не плачь, чтоб не видел слез твоих...»
 Прошелся снег по ее волосам.
 Казалось, седела за двоих.
 Далекий фронт, да боль близка...
 ...Колеса вагонов – точно в хрипу.
 Тот груз ей помнится до сих пор:
 Был хлопок порохом для пуль,
 Бинтами и ватой в сумках сестер.
 В окопы шли овощи и хлеб,
 Работали в поле дотемна.
 Шептала: «Чтоб фронт, наконец, окреп!»,
 «Навеки будь проклята, война!»
 ...Стук в дверь резанул, словно кинжал.
 Открыла. Ахнула: муж – живой!
 Но скрип костылей тысячею жал
 Впивался в сердце – ее и его.
 Склонилась к мужней ноге она,

Припала к обмоткам скорбным ртом.
 «Испил я чашу свою до дна, –
 Слова – в висках, в груди – молотком... –
 Порой не верю глазам, что жив...
 Но к танцу уже мне нет пути...»
 Всё нынче заново пережив,
 Не в силах боль столько лет нести,
 Заголосила на свадьбе мать...
 Печаль и радость, как ни суди,
 А две обочины – их не разнять! –
 Одной дороги, одной судьбы.
 И голос жены услышал танцор:
 «Исполнили обещанье вы –
 Сбылась мечта наперекор
 Полученным ранам огневым,
 Наперекор болящим рубцам...»
 Просияли глаза стоящих вокруг,
 Накинула – дожил, наконец! –
 На плечи мужу яркий халат.
 Откликнулся высоко певец,
 Взлетел до небес бубна раскат.
 Потом обняла мать сына-мальца,
 А тот ее тянет за подол:
 «Танцуйте, мама!» Слезу с лица
 Смахнула мозолистая ладонь.
 Частит сердце. Рукоплещет двор.
 Рукоплещут ивы, огонь, тополя,
 Рукоплещет жене сам танцор,
 Рукоплещет женщине Земля.
 И к звездам вскинула руки мать,
 Стал легок стан ее, шаг – скор,
 А сердцу под силу весь мир объять,
 И в центре Вселенной – их костер.
 Плясал огонь на груди Земли,
 Плясала ночь, звезды сыпля в круг.
 Плясали зяблики, журавли,
 Плясало всё, что было вокруг.
 Но, проклиная войну, тяжело
 Стучали по двору костыли.
 В неистовом танце их пóтом жгло,
 Скрипели, будто коростели
 Кричат на лугу в росе ночной,
 И скрип костылей был как укор...
 Вторично победу в войне
 В ту ночь торжествовал танцор.
 Бил бубен. Вихрились искры в огне.
 Рождением семьи был город горд.
 И мстил калека-танцор войне
 За все увечья, за всех, кто мертв.

Перевод с узбекского Ольги ШЕВЧУК

Дыхание мира

Над родиной моей –
Дыхание весны,
Дыхание полей –
Под синевою неба.
И ранние дома
Волнующе полны
Дыханием печей
И утреннего хлеба.
Над родиной моей –
Дыхание весны,
Но слышу, как вдали,
Выбрасывая пламя,
Дыхание огня –
Дыхание войны –
Порою по ночам
Сгущается над нами.
Есть люди на земле,
Вдыхающие жизнь
В ракеты и штыки,
В железные армады.

И над Ливаном смерть
По-прежнему кружит,
И зависает дым
Над маленькой Гренадой.
Но солнце будет жить
И выплывет в зенит,
И Марсу не стоять
Подобием кумира.
Нам будет тяжело,
Но всё же победит
Дыхание весны
И солнечного мира.
Над родиной моей –
Дыхание весны –
Дыхание полей
Под синевою неба.
И ранние дома
Волнующе полны
Дыханием печей
И утреннего неба.

Перевод с узбекского Ефима БЕРШИНА

Саженец

Абдулле Набиеву

Замерли листья и травы.
В небо взглянули деревья.
Тучи ступенчатой лавой
Двинулись справа и слева.
Саженец, жаждой томимый,
Зашелестел бессильно.
Только прибрежная ива
Голову ниже склонила.
В щели небесных трещин
Молнии полыхнули.
Саженец неокрепший
Напополам согнули.
Хлынул ли дождик после
Или ушел за ветром,
Разве не больно, если
Он не узнал об этом?

Перевод с узбекского Анатолия ФЕДОТОВА

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

Рассказ

Сурат ШАРАФУТДИНОВ

Григорий Васильевич сидел на кухне своей квартиры и с наслаждением, мелкими глотками, пил горячий чай. На кухне было тепло и уютно, а за окном моросил нудный осенний дождь. Василич поставил на стол теплую чашку, встал, подошел к окну...

Рослый, он, несмотря на возраст, сохранил прежнюю статью, да и сила в руках еще была – до сих пор перед завтраком любил поиграть с пудовой гирей, словно и не было за спиной семидесяти с лишним лет. Соседки, его ровесницы, при хорошей погоде заняв скамейки у подъезда, не упускали случая подначить его:

– Тебе, Гриша, со спины не больше тридцати дашь! Может, поделишься секретом молодости, а? – и заливались смехом.

Василич, смущенно улыбаясь, боком-боком устремлялся в подъезд подалее от острых на язык женщин. Не то что он был необщителен, просто слишком серьезно воспринимал шутки скучающих пенсионерок. Вот с мужиками он бы посидел, поговорил за политику или обсудил последние технические новшества. Только мужики, его сверстники, все куда-то пропали. Григорий не раз пытался подсесть к молодым под навес у детской площадки. Но однажды один из них встал, преградив дорогу, задрал голову и, дыша табачно-водочным перегаром прямо в лицо, процедил сквозь зубы:

– Слышь, дед! Ты бы к нам не подкатывал, а?! Мы тут культурно отдыхаем, а ты третишь, как хач на рынке! Мешаешь серьезным людям серьезные разговоры вести! Сходи вон лучше к доктору, пусть тебе крышу в порядок приведет! Гы-гы-гы! – загоготал молодой человек и, довольный своим остроумием, вразвалку направился к своим, на ходу крича им:

– Преподнес я ему расклад! Больше не сунется! А зарисуется... в дурку сдадим. Гы-гы-гы!

Большую часть сказанного Василич, конечно, не понял. Он направился домой, коря себя:

– Мог бы и сам догадаться, что я им неинтересен. Другое поколение, другие приоритеты, да и специализируются они, судя по всему, на торговле...

Всю свою жизнь он проработал в оборонном КБ до самого его расформирования. Там разговаривали иначе. Хотя не все коллеги понимали его, считая

Сурат ШАРАФУТДИНОВ родился в 1962 г. в Ташкенте. Учился на факультете русской филологии ТашГУ (ныне НУУз им. Мирзо Улугбека). Работал в Гражданской авиации. Печатался в электронных СМИ. Живет в Ташкенте.

заумным, нудным и придирчивым к мелочам. Особенно его не любили те, в чьих расчетах и чертежах он находил ошибки, несущественные, по их мнению, на которые можно было бы махнуть рукой. Но Григорий Васильевич требовал полного исправления абсолютно всех замечаний.

В доме, построенном специально для сотрудников КБ, раньше жили другие люди. Незаметно для Василича они куда-то исчезли, оставив вместо себя новых жильцов, чужих, непонятных и старому инженеру неприятных.

Григорий оставил попытки завязать знакомство с новыми соседями. Впрочем, до поры до времени он особенно не переживал по этому поводу. Его вполне устраивало общество его супруги Елизаветы Павловны, любовь к которой с годами становилась только сильнее.

Да и как специалист он был востребованным человеком. Давно, еще на заре становления кооперативов и модных СП, к ним в КБ обратились иностранцы с просьбой перерассчитать импортное оборудование, адаптировать под местные условия и сырье. Он с блеском справился с этой задачей, обнаружив и некоторые конструктивные просчеты в иностранной машине. Фирма-изготовитель оборудования по достоинству оценила инженерные находки и рекомендовала его другим. Так что даже в самые лихие годы, когда одно за другим закрывалось множество предприятий, в том числе и его КБ, Григорию Васильевичу было что намазать на хлеб.

Одно обстоятельство омрачало жизнь Григория. Не было у него с супругой детей. Единственный ребенок, которого они родили, тяжело заболел и умер в пятилетнем возрасте. И без того безмерное горе супругов усиливал тот факт, что по медицинским показаниям Елизавете Павловне нельзя было больше рожать. Горе было у них одно на двоих, забота друг о друге еще больше сблизила. Даже в ближайший магазин ходили вместе.

Единственным препятствием в их жизни была осень. Елизавета Павловна обожала осень и прогулки по осеннему парку рядом с домом. На Григория Васильевича осенний листопад наводил уныние. Поэтому он под различными предлогами старался остаться дома. Постепенно его супруга смирилась с этим необъяснимым фактом в поведении мужа, привыкла собирать букеты разноцветных листьев в одиночестве.

Осень – начало театрального сезона. Всюду супруги были вместе – в музеях, на концертах, в кинотеатрах, но в парке...

Стоя у окна и разглядывая двор перед домом, Григорий Васильевич вспоминал, как он первый раз увидел смерть.

Это случилось в далеком детстве. Умер кто-то из соседей, должны были состояться похороны. Прибежал товарищ:

– Ты чего тут сидишь? Все пацаны на похоронах! Дядя Валя умер! Ты когда-нибудь видел мертвецов?

– Нет, не видел, – ответил маленький Гриша.

– Ну так побежали поглядим! А то его сейчас на кладбище свезут – и всё! Где мы потом еще мертвеца увидим?! А?!

Вприпрыжку они бросились к дому дяди Вали. Подоспели почти вовремя. Предприятие, на котором работал дядя Валя, в качестве катафалка выделило грузовик. Гроб с телом покойного начали поднимать в кузов. Слишком высоко для мальчишек – так они ничего и не разглядели. Но любопытство было столь велико, что они, несмотря на запреты взрослых, всё-таки проникли в автобус, который вез желающих проводить покойного в последний путь на кладбище. Там Гриша впервые увидел мертвого человека. Гроб с телом стоял у края вырытой могилы. Женщины плакали, мужчины угрюмо молчали.

Они с товарищем подобрались как можно ближе к гробу и пристально разглядывали дядю Валою. Гриша смотрел на него и не понимал, чем мертвый дядя Валя отличался от заснувшего, разве что какой-то новый, доселе незнакомый и непонятный, запах. Он слегка ткнул товарища в бок и прошептал:

– А может, он не умер, а просто заснул?

– Нет... Ты что, не видишь, какие у него губы белые, щеки, щеки смотри какие, – зашептал в ответ товарищ.

Он посмотрел на живых людей вокруг гроба, затем перевел взгляд на дядю Валою. Легкий ветерок трепал седые волосы на голове покойника. Вокруг, кружась, падали желтые листья. Двое мужчин подняли крышку гроба и стали опускать ее на гроб. Вокруг запричитали еще громче. Крышку опускали всё ниже и ниже. Вдруг ветер, трепавший до этого волосы дяди Вали, принес желтый лист и бросил его прямо на лицо мертвеца. Еще мгновение – и крышка гроба была на месте. Раздался глухой стук молотка. Гроб опустили в могилу и забросали землей. Народ побрел к выходу с кладбища по длинной, густо засаженной деревьями и засыпанной осенней листвой аллее. Гриша брел вместе со всеми, опавшая листва шуршала под ногами, наполняя воздух застоявшейся пылью ушедшего лета. Гриша понял, чем пах покойник, – тленом. Это запах осени...

* * *

Григорий Васильевич тяжело вздохнул и отошел от окна. Надо было собираться. Собираться на прогулку в тот самый парк, где так любила гулять его жена Елизавета Павловна, его самый любимый и близкий человек на земле.

Григорий Васильевич начал совершать прогулки по осеннему парку не потому, что вдруг полюбил осень. Ему по-прежнему было неприятно шуршание опавших листьев под ногами. Не доставляла особой радости и осенние запахи. Но...

Всё дело в том, что некоторое время назад его душенька, его Лизонька, вышла из дома на прогулку и не вернулась. Григорий прождал ее весь вечер у окна и, не дождавшись, не выдержав, побежал в парк. На аллеях не было ни души. Он запаниковал, бросился в РОВД – или как там сейчас оно называется – писать заявление о пропаже человека. Ему объяснили, что подобные заявления принимаются по истечении трех дней после исчезновения.

Он не стал ждать, пока пройдет три дня, начал самостоятельно искать. Обошел всех жильцов дома, все улицы, ведущие в парк. Исходил весь парк. Безрезультатно. Хотел обзвонить всех, кто знал Елизавету Павловну, но не вспомнил ни одного номера. Бывший инженер, державший в памяти столько полезной информации, для телефонов имел записную книжку. Как назло, блокнот находился в сумочке жены. Сотовым телефоном супруги так и не обзавелись, посчитав его ненужным, бесполезным изобретением. Решили, что с задачами связи справится обычный домашний аппарат.

С трудом дождавшись положенного по закону срока, Григорий снова обратился в РОВД. В этот раз сотрудники повели себя как-то странно. Они не захотели принять у него заявление, объяснили, что там они людей не ищут.

– Где «там»? В парке, что ли? – уточнил он у них.

– В парке тоже, – уклончиво отвечали ему.

Григорий Васильевич жалоб никаких никогда не писал, а тут пошел к начальнику РОВД жаловаться на сотрудников и добиваться розыска своей жены. Долго сидел в приемной, ожидая своей очереди, но его всё не вызывали. В конце концов лопнуло терпение и у такого деликатного, абсолютно невозмутимого человека, как Григорий Васильевич. Он встал и решительно схватил

ручку двери. Ему наперерез кинулся сержант. От назревающего скандала спасла внезапно открывшаяся дверь кабинета. Дородный подполковник внимательно выслушал Григория Васильевича, доклад сержанта и повел старика в кабинет. Подполковник принял у него заявление, пообещав принять все возможные меры. На прощание сказал:

– Вы уж сюда не ходите, Григорий Васильевич! Видите, сколько у нас здесь народу! Будете ждать в очередях, заразу какую-нибудь, не дай Бог, подцепите, сложится у вас неправильное мнение о работе органов внутренних дел. Оставьте мне номер вашего мобильного телефона, так, на всякий случай, чтобы я всегда был с вами на связи. Как что-нибудь прояснится, я вам обязательно сообщу.

Григорий Васильевич вдруг густо покраснел и промямлил:

– Вы знаете... мм... даже не знаю, как об этом сказать... мм... Дело в том, что у меня нет мобильного телефона. Говорят, что они, эти телефоны, пагубно влияют на здоровье... Да и не нужен он был ни мне, ни Елизавете Павловне. Нас вполне устраивал стационарный аппарат.

Подполковник снисходительно улыбнулся:

– Ну, это вы зря, Григорий Васильевич. Зря! Очень удобная и по нынешним временам крайне необходимая штука. Всё человечество пользуется. Нельзя так, батенька, надо идти в ногу со временем. Я так понимаю, что и все ваши документы в бумажном варианте?

– Конечно только на бумаге! А как иначе? Всё должно быть перед глазами: сбережения, завешание, ордер на квартиру и прочее. Всё здесь, всё всегда со мной! – приподняв портфель перед собой, воскликнул Григорий Васильевич.

– Это вы зря! Нельзя так легкомысленно обращаться с важными документами! – нахмурившись, произнес подполковник. – Если вам негде хранить документы, сдайте на хранение в банк, ну, или нам в крайнем случае! Детям, в конце концов!

– Нет у нас с Лизонькой детей, – с нескрываемой горечью произнес Григорий Васильевич, – не получилось.

Опустив голову, он замолчал.

Подполковник внимательно посмотрел на Григория Васильевича, кашлянул и с сочувствием в голосе спросил:

– Извините, не мое это, конечно, дело, но на кого вы составили завешание?

– На младшую сестру моей Елизаветы Павловны, больше не на кого.

– Так может, вы ей оставите на хранение документы?

Григорий Васильевич вздрогнул и тихо произнес:

– Понимаете, какая досада... Простите, как вас по имени-отчеству?

– Неважно, потом, продолжайте.

Григорий Васильевич растерянно посмотрел на подполковника, явно пытаясь ему возразить, но продолжил:

– Так вот, дело в том, что, выходя из дома, Лизонька случайно вместе с ключами захватила с собой нашу записную книжку, где были все телефонные номера, в том числе и номер телефона ее сестры. В итоге сейчас ни я никому не могу сообщить о моей беде, ни мне почему-то никто не звонит. Даже не знаю, как быть...

Выслушав Григория Васильевича, подполковник воскликнул:

– Теперь-то вы убедились в необходимости мобильного телефона!? Был бы он у вас, все номера были бы в сохранности, вот так. Извините, но с этим я вам никак не смогу помочь.

– Как это никак? – удивленно спросил Григорий Васильевич. – Вы не будете искать Елизавету Павловну?

– Будем, Григорий Васильевич, мы приложим все силы для поиска вашей супруги! Я же ваше заявление принял? Принял! А пока давайте прощаться. Видели, сколько народу ждет меня? Кроме вашего, у меня еще очень много не менее важных дел. А всю информацию о ходе розыскных мероприятий я буду передавать вашему участковому. Сейчас позвоню ему и предупрежу о вас... Ступайте домой, Григорий Васильевич. Если захотите что-то узнать, идите к участковому. Он будет в курсе всех дел.

С того дня жизнь Григория Васильевича полностью изменилась. Он стал вставать на два часа раньше, чтобы после обязательной физзарядки на открытом балконе тщательно убраться в мгновение ставшей огромной квартире. Затем готовил еду с таким расчетом, чтобы хватило на обед и ужин. После завершения домашних дел собирался и выходил из дома. Первым делом заходил к участковому разузнать, нет ли чего нового, потом шел на остановку и садился в первый прибывший транспорт. Проезжал несколько остановок и выходил. Доставал из портфеля фотографии жены, показывал прохожим, а если повезет, то и размешал за стеклом какого-нибудь ларька. К обеду возвращался домой поесть, немного отдохнуть и уже до позднего вечера бродил по парку. Ему казалось, что Лизонька должна появиться именно тут. Изредка он замечал женщин, издали очень похожих на его жену. В эти мгновения его сердце было готово выскочить из груди! Григорий догонял женщину и с горечью убеждался в своей ошибке...

Одевшись и уже собираясь выйти из дома, Григорий Васильевич еще раз прошелся мысленно по плану действий на сегодняшний день. Во-первых, зайти к участковому, затем в банк – снять немного денег со счета и выяснить, наконец, принимают ли они на хранение документы, как ему посоветовал подполковник. Когда-то они с женой решили завешать квартиру и деньги в банке младшей сестре Елизаветы Павловны. Решить-то решили, но как-то недосуг было сообщить о своем решении сестре, только банковскую книжку переделали на предъявителя.

– Ничего, – подумал Григорий Васильевич, – найдется Лизонька, всё сделаем.

Проверив, всё ли он захватил, Григорий Васильевич тщательно запер дверь и направился к участковому. Перед входом в кабинет висела доска с фотографиями находившихся в розыске. Наряду с фото преступников, там были и изображения пропавших граждан. Григорий Васильевич внимательно осмотрел эту доску и сокрушенно произнес:

– Опять не видно моей Лизоньки! – раскрыл портфель, достал оттуда фотографию жены и прикрепил на самое видное место. Затем осторожно постучал в дверь кабинета, дождался ответа, вошел. За столом сидел капитан и заполнял какие-то формуляры. Григорий Васильевич кашлянул и поздоровался. Капитан отложил в сторону бумаги, предложил сесть. Григорий Васильевич присел и, кивнув в сторону кипы бумаг, сочувственно произнес:

– Смотрю, завалили вас бумажной работой, Владимир Сергеевич? – и, не дожидаясь ответа, продолжил: – А про Елизавету Павловну есть новости?

– Нет, никаких новостей нет, Григорий Васильевич, – отвечал капитан, рассматривая пятнышко на своем столе.

– Вы знаете, Владимир Сергеевич, я тут подумал... А вдруг Елизавета Павловна потеряла память и уехала в другой город? – Григорий Васильевич на

секунду задумался и продолжил: – В нашем возрасте такое не редкость. Вы, кстати, не объявили всесоюзный розыск?

– Григорий Васильевич, дорогой! Нет уже Союза... Давно нет. Ну а насчет памяти... насчет памяти вы правы, – капитан посмотрел в глаза собеседника: – Вот вы, вы всё помните? Вы в состоянии вспомнить все детали вашей жизни за последние... скажем, за последние три года?

– На память не жалуюсь, Владимир Сергеевич! У меня отличная память, – рассмеялся старик, – иначе как бы я смог заработать и накопить такую сумму денег!

С этими словами Григорий Васильевич достал из портфеля банковскую книжку и протянул ее собеседнику:

– Вот, взгляните Владимир Сергеевич. Это заработано с помощью этого инструмента, – он прикоснулся указательным пальцем к своей голове и с гордостью продолжил: – Поверьте, при плохой памяти не было бы здесь этих цифр!

Участковый с любопытством раскрыл книжку. Лицо у него вытянулось от изумления:

– Да вы, Григорий Васильевич, миллионер! Только зря вы такой документ сделали на предъявителя... Оформите на свое имя, мой вам совет.

– Мы с Лизой... Елизаветой Павловной специально так сделали, чтобы не носить с собой лишние документы, – ответил Григорий Васильевич, пряча книжку в портфель. – Засиделся я тут у вас, всего доброго, Владимир Сергеевич, мне пора на поиски, – затем встал и направился к выходу.

– Григорий Васильевич, одну минуту, – окликнул его участковый, – вы бы сегодня никуда не ходили... Посидите дома, подумайте. Может, что и вспомните, а?

Григорий Васильевич остановился, задумался, затем, махнув рукой, решительно направился к двери.

– С чего это он вдруг засомневался в моем интеллекте? – размышлял про себя Григорий Васильевич по пути к остановке. – Всё я прекрасно помню! Правда, сейчас перестали вызывать меня на консультации и заказывать расчеты, но меня ведь целыми днями не бывает дома... Найду свою Лизоньку, опять завалят работой! Память... Память у меня крепкая! Лиза вышла из дома 14 октября, на ней был бирюзовый плащ, в руках такого же цвета сумочка. Да, еще у нее был алый зонт. Это случилось той осенью... или... или позапрошлой? Не могу вспомнить!

Пораженный этим открытием, Григорий Васильевич остановился. Наморщив лоб и потирая висок, он старательно пытался всё вспомнить. Сердце опять стало скакать в груди, невидимые молоточки застучали в висках. Чтобы успокоиться, Григорий Васильевич направился в парк.

Деревья в парке стояли уже голые, дорожки чисто выметены. В безлюдном, словно вымершем, парке стояла гробовая тишина. Изредка эту тишину нарушало карканье одинокой вороны. Моросил противный мелкий дождь. Григорий Васильевич дошел до середины парка, достал из портфеля полиэтиленовый пакетик, расстелил его на мокрой от дождя скамейке и сел. Сердце в груди успокоилось. Успокоился и Григорий Васильевич. Он с наслаждением вдохнул свежий осенний воздух и задумался: «Почему мне так не нравится осень? Неужели тот случай в детстве? Моя Лизонька считала осень самой прекрасной порой на свете! А я? – Григорий Васильевич качнул головой. – Но и пропала она именно осенью! За что мне любить осень?»

Что-то кольнуло под лопаткой. Василич огляделся вокруг. Ярко-желтый лист трепыхался на ветру. Последний лист на огромном голом дереве. Григорий

Васильевич вспомнил рассказ своего любимого О. Генри. «Всё отличие только в том, что вряд ли какой художник нарисует его для меня, – подумал он, – да и помирать я пока не собираюсь!»

Он оглядел остальные абсолютно нагие деревья вокруг. Единственный не опавший лист словно гипнотизировал его. Внезапный порыв ветра сорвал его с дерева, закружил вокруг веток. Василич увидел, как лист замедлился, словно завис в воздухе, а деревья, капли дождя, промокшая ворона на ветке закружились вокруг него.

Внезапно в конце аллеи появилась Елизавета Павловна. В бирюзовом плаще под ярко-алым зонтиком. Стояла и улыбалась ему, жестом приглашая подойти. Огромная волна счастья захлестнула Григория Васильевича, задышавшись, он громко захрипел:

– Лиза! Лизонька! Любимая!!! Я сейчас... Я быстро...

Сильный порыв ветра бросил лист в лицо Григорию Васильевичу, потом снова подхватив его, а также деревья, дождевые капли, одинокую ворону, понес навстречу Елизавете Павловне...

Эпилог

К дому, в котором располагался участковый пункт милиции, подъехал автомобиль. Из него, громко хлопнув дверью, вышел дородный подполковник и пошел к кабинету участкового. Перед его дверями на мгновение остановился, сорвал с доски фото Елизаветы Павловны. Вошел в кабинет.

Капитан, увидев начальника, выскочил из-за стола, вытянув руки по швам.

– Вольно, Володя, не напрягайся! Проезжал мимо, дай, думаю, заскочу, проверю, что делает мой сотрудник, почему вечно запаздывает с отчетами? Почему вечно не выполняет план по поимке преступников? И что это у тебя висит на информационном щите? Почему фотография человека, не объявленного в официальный розыск, висит на самом видном месте?! Знаешь, Володя, дружба дружбой, а служба службой! – грозно пророкотал подполковник.

– Виноват, товарищ подполковник, недоглядел! Утром заходил Григорий Васильевич, он, видимо, и повесил фото. До сих пор думает, что его жена где-то заблудилась и должна вернуться. Совсем голову потерял после ее смерти. Да вы же сами приказали потакать ему во всем, что связано с его женой. Хотя, если честно, не по душе мне всё это. Такое чувство, что я обманываю старика!

– Хорошо, хорошо Володя! Не переживай, мой приказ выполняешь добросовестно, за что я и закрываю глаза на твои недоработки! Да, кстати, родственников Василича или его жены случайно не обнаружил? – спросил подполковник.

– Нет. Никого у них нет, – ответил капитан.

– Ну, на нет и суда нет! – засмеялся подполковник, прощаясь.

Автомобиль с начальником сорвался с места.

Устроившись поудобней на заднем сиденье, подполковник взял лежащий рядом портфель, раскрыл и стал изучать его содержимое. Документы на квартиру и банковскую книжку переложил в свою папку. Вынув из портфеля фотографии Елизаветы Павловны, открыл окно машины и выкинул. Следом полетел и портфель. Подполковник закрыл окно и оглянулся. За автомобилем, словно поднятая ветром осенняя листва, порхали и разлетались сотни фотографий молодой, с красивыми грустными глазами женщины.

ШАББО

Рассказ

Роман ВОЛИКОВ

Шаббо, конечно, помотала мне душу. В офицерской гостинице телефона в комнате нет, только общий на этаже, на дряхлой тумбочке у дежурного коменданта. Звонить после одиннадцати вечера было не принято, мы зверски уставали на тренировках, после скорого ужина падали на койки и проваливались в глухой сон батраков.

Я объяснял это Шаббо миллион раз, но ей что в лоб, что по лбу. Первый звонок, вечная благодарность Аллаху, раздавался в десять тридцать вечера, она деликатно уведомляла, что только добралась до квартиры, и в мельчайших подробностях рассказывала о происшедшем с ней за день. Ближе к двенадцати я пытался свернуть разговор, Шаббо начинала злиться и с обычной присказкой «ты меня не любишь» отключалась. Но ненадолго. Около часа следовал второй звонок, в районе двух – третий. Хмурый комендант молча стучался в дверь моей комнаты, неслышными шагами в шлепанцах и пижаме я брел по коридору мимо сонных комнат товарищей по отряду, искренне желая, чтобы у Шаббо отсох язык.

Наш третий, глубоко ночной, разговор обычно превращался в ругань. Мне никогда не удавалось уловить эту грань, когда просто возбужденный диалог переходит в скандал. Мы общались, разумеется, на родном языке, комендант делал вид, что не вслушивается в гортанные звуки непривычного для славянского уха наречия, но время от времени недовольно косился на меня.

«Как бы не стуканул! – невесело думал я, возвращаясь в комнату после того, как Шаббо в истерике бросала трубку. – Что-то у товарища кандидата не всё в порядке с психологическим состоянием».

Однажды, еле живой после восьми часов на центрифуге, я не выдержал.

– Послушай, любовь моя! Вообще-то я нахожусь на засекреченном объекте. Вся моя деятельность сегодня – государственная тайна, причем двух государств сразу. Поэтому телефон гостиницы разрешили дать только самым близким людям. Ты это понимаешь?

Роман ВОЛИКОВ родился в 1964 г. в Брянской области. Учился в МГУ им. М. В. Ломоносова. Публиковался в литературных журналах «Москва», «Дарьял», «Южное сияние», «Новый мир» и др. Автор девяти сборников рассказов и повестей. Ведет интернет-канал «Литературный проект “Игра слов”». По его рассказу снят игровой фильм «Последний монолог Александра Керенского». Живет в Москве.

– А я разве не самый близкий тебе человек? – притворно изумлялась Шаббо. – Или ты завел себе женушку в военном городке? Тоже мне, секрет, – уже заводилась по-настоящему Шаббо, – полгода весь Кабул говорит, что наш знаменитый летчик (слово «знаменитый» Шаббо произносила так, что я чувствовал себя юнцом на пороге летной школы) готовится к полету в космос. Абдул, когда мы наконец увидимся? Я хочу тебя, я хочу лежать с тобой в одной постели, я хочу, чтобы ты трахал меня до утра.

– Подожди еще немного, – сказал я. – Я сам об этом мечтаю.

Ей, конечно, многое пришлось, любимой дочери нашего посла в Союзе. Она училась на отделении журналистики МГИМО, по тем временам самого элитного советского учебного заведения, куда ее перевели со второго курса Кабульского университета сразу после назначения отца в Москву.

В посольстве Шаббо отказалась жить наотрез, даже под страхом возврата домой. Посол поворчал, но договорился с советскими, чтобы дочке выделили для временного проживания скромную квартирку на первом этаже в доме № 26 на Кутузовском проспекте, «Доме Брежнева», где (так, во всяком случае, считалось) долго жил покойный генсек и другие видные партийные чины. Наверное, посол подумал, что в этом случае дочь точно будет под постоянным присмотром известной организации. Во всевидящем око этой организации он никогда не сомневался.

Шаббо имела над отцом невероятную, просто магическую, власть. Не готов сформулировать однозначно, что являлось тому причиной. Она была как две капли воды похожа на покойницу мать, умершую при ее родах, когда отец, будущий посол, сидел в тюрьме за участие в беспорядках против короля Захир-шаха в семидесятом году.

Жизнь при старом короле была цивилизованная, но тюрьмы оставались средневековыми. Несколько месяцев среди нечистот в зиндане, а потом годы ожидания казни – всё это бесконечное время увидеть Шаббо было для узника единственным лучиком надежды в сыром каменном мешке тюрьмы Пули-Чархи.

Отца Шаббо освободила Апрельская революция. Он обнял восьмилетнюю дочку, которую воспитывала семья двоюродной сестры, и ринулся строить новую жизнь, жизнь, в которой (он искренне в это верил) больше не будет места для дикости и зверства.

С Шаббо он встречался нечасто, наверное, раз в два-три месяца, слушал ее щебетание и смотрел на взрослеющую дочь влюбленными глазами. Новая жизнь строилась трудно, многие, даже бывшие товарищи по заключению, проклинали ее за дружбу с советскими, за сожженные из огнеметов кишлаки, за войну, разделившую страну на непримиримые во взаимной ненависти лагеря.

Сложно сказать, что он думал об этом на самом деле, способность к компромиссу в любой отчаянно сложной ситуации была его природным качеством, и не просто так в результате он пошел по дипломатической линии. Мне кажется, отец хотел привить Шаббо чувство абсолютной свободы, такой сладостной и такой же далекой от реальности переходного революционного этапа из феодализма в светлое счастливое будущее, как пыльный мусульманский город в самом сердце Азии далек от всего цивилизованного мира.

Кабул тогда, в середине восьмидесятых, был странным местом. Шум войны был слышен в столице куда меньше, чем во всей остальной стране.

Девчонки в коротких юбках также бегали на занятия в политехнический университет, улыбаясь случайному фотографу и бурно жестикулируя, как и десять лет назад, когда я учился в его стенах. Расслоение общества, в сто крат усиленное гражданской войной и советским военным присутствием, бросалось в глаза незамедлительно, невзирая на все пропагандистские попытки центральной власти убедить нас – мужчин и женщин, пуштунов, таджиков, хазарейцев и узбеков, суннитов и тех, кто относится к исламу с уважением, но без боли в сердце, сельских жителей и горожан, умеющих читать, и тех, кто готов порвать глотку любому стороннику обучения девочек в школе, живущих по календарю Хиджры в четырнадцатом веке, и тех, кто всё же предпочитает век двадцатый, таких разных и часто непримиримых во взаимной вражде, – что мы единый афганский народ.

Это была очевидная чушь и грубая ложь, лишь подчеркивающая страстное стремление руководителей страны выдать желаемое за действительное, но для очень узкого круга столичной молодежи, состоящего из юных дочерей высокопоставленных чиновников НДПА и молодых офицеров, сделавших карьеру благодаря собственному таланту и энергичности, за этой чушью скрывалась возможность жить как люди, навсегда порвав с вековыми традициями.

Хороших ресторанов и достойных отелей в Кабуле было пересчитать по пальцам одной руки, светская жизнь происходила по квартирам (по славной традиции, подхваченной студентами, учившимися в Москве). Я очень хорошо помню уютную студию популярной в те годы певицы Ваджихи Растагар. Хозяйка в хипанских джинсах клеш с цветными заплатками сидела на высоком табурете, брэнчала на гитаре из «A Flock of Seagulls» и курила одну сигарету за другой. Гости без всякого стеснения пили виски, танцевали и занимались петтингом. Мы были молоды и горячи, что в этом зазорного.

Другой заповедной территорией светской жизни были интерклубы при посольствах европейских соцстран. Обстановка в них была консервативнее, зато можно было услышать последние музыкальные новинки и полистать модные журналы, которые как бы невзначай сотрудники посольств оставляли на столиках и барной стойке.

Вот на одной из таких ночных вечеринок в клубе чешского посольства я, Моманд Абдул Ахад, лучший пилот национальной авиакомпании «Ariana Afghan Airlines», и познакомился с Шаббо.

На Родину вернулся за три года до нашей встречи. В значительной степени я – везунчик. В 1978 году, сразу после окончания Кабульского университета, меня призвали в армию и направили учиться в Советский Союз – в Краснодарское военно-авиационное училище. На следующий день после ввода советских войск в Афганистан меня пригласил замполит училища и сказал:

– Абдул, правительства, которому Вы давали присягу, больше не существует. Имеете полное право подать рапорт об отчислении, вернуться домой и там принять решение, на чьей вы стороне.

– Я давал присягу стране, – ответил я. – И я хочу быть летчиком. Хорошим летчиком.

– Достойное решение, – одобрил полковник. – Мы пришли в вашу страну ненадолго, думаю, максимум на год. Когда уйдем, Афганистану потребуется много специалистов в самых разных сферах. А уж серьезного профессионала мы из вас подготовим, не волнуйтесь.

Как я уже говорил, мне повезло – воевать с повстанцами не пришлось. Летчиков в стране было мало, нас берегли. И конечно мы в подметки не годились советским – у них был опыт и школа. Я об этом не жалею, гнусная профессия – военный летчик: убиваешь, не видя противника. Мне казалось в восемьдесят пятом году, что война вот-вот закончится. В конце концов, сколько можно, столько смертей, а жизнь так прекрасна.

Я летал по миру: в Индию, Европу, разумеется, в Советский Союз. Мир оказался огромным, многоцветным, ярким, я не успевал оглянуться, глотал впечатления, как живую воду.

– Ты летчик-перелетчик, – сказала Шаббо в наш первый вечер. – Тебе трудно усидеть на одном месте.

– Это верно, – улыбнулся я.

Шаббо бросилась в светскую жизнь с головой, как в омут. Выглядела она чуть старше своих пятнадцати – очень ей хотелось выглядеть чуть старше. Мне кажется, она презирала детство, во всяком случае, свое собственное, где к ней относились с приторным сюсюканьем: «Ой, сиротинушка ты наша!»

В пятнадцать лет Шаббо была женщиной, и моя наивная уверенность, что я, опытный ловелас, наставляю на путь свободной любви юную и жаждущую приключений душу, разлетелась в пух и прах в первую же ночь. Пожалуй, стоит задуматься, кто кого наставлял.

Шаббо была ненасытна. В сексе, в жизни. Она попробовала наркотики, без всякой прелюдии на марихуану – сразу гашиш и кокаин. Слава Аллаху, ей не понравилось. «Дурь какая-то, – сказала она. – В голове туман, а сквозь него мерцают звездочки. Нет уж, лучше воспринимать мир с ясным умом».

Пытаюсь вспомнить подробности того дня, когда я сказал Шаббо о моем зачислении в отряд космонавтов. Тот день был будничным, я уже отчаялся ждать, мой рапорт вместе с правительственным ходатайством был направлен в Москву примерно год назад. Я сидел в комнате отдыха аэропорта в ожидании вылета, вдруг неожиданно, как призрак, возник директор авиакомпании и молча, жестом поманил. «Тебя заменят в рейсе, – сказал он. – Нас ждет председатель Революционного совета».

В кабинете, кроме Кармая, был немолодой человек в коричневом костюме, по всей вероятности, крупный чин из ХАДа.

– Поздравляю, Абдул! – сказал Бабрак Кармаль. – Наши советские друзья утвердили твоё зачисление в отряд космонавтов. Послезавтра вылетаешь в Москву на правительственном самолете.

Затем полчаса увесистой декламации про первый полет в космос представителя Центральной Азии, поворотный миг в истории Афганистана, что мое имя золотыми буквами будет вписано в...

– Есть какие-либо просьбы? – спросил Кармаль.

– Нет, – ответил я. – Кто мой дублер?

– Полковник Дауран из ВВС, – сказал чин в штатском. – Он сейчас на фронте (в Кабуле любили говорить «на фронте», будто война происходит на солнечных лугах у Марны, а не в горных ущельях среди камней, политых кровью советских и повстанцев). Его сейчас отзывают. Встретитесь с ним уже в Звездном.

– Когда ты уезжаешь? – спросила тогда Шаббо.

– В следующий вторник.

– Сразу в космос? – хихикнула Шаббо.

– Ага. На сраном веннике. Подготовка в отряде космонавтов займет полгода-год, как повезет.

Когда Шаббо объявилась в Москве, необходимость кардинальных перемен в личной жизни была очевидной. Впрямую мне никто об этом не говорил, но намеки сотрудников посольства (первый афганский космонавт никак не должен быть холостяком, есть традиционные для нашей страны ценности) звучали постоянно. В этом смысле моя позиция была куда слабее, чем у дублера полковника Даурана. Дома его ждали супруга и двое очаровательных малышей, фото с ними на фоне ташкентского зоопарка полковник показал в первый же день знакомства.

Взаимопонимания с дублером не получилось. В отличие от советских ребят в отряде, с которыми сразу сложились теплые дружеские отношения. Мне вообще всегда нравились советские, я искренне и по-доброму завидовал их дисциплинированности, профессионализму и хладнокровию. Поэтому мне было так горько и обидно оттого, как со мной поступили спустя несколько лет. Впрочем, вопросом моей эмиграции в Москву занимались уже не советские, а российские чиновники.

А полковник Дауран мне просто завидовал, не понимая со всей солдатской прямоотой, почему он, боевой летчик, идет вторым номером после сопляка (Дауран был старше на четыре года), никогда не нюхавшего пороха. Полковник был человек амбициозный, в начале девяностых после свержения прокоммунистического правительства он стал генералом, командующим военно-воздушными силами Северного альянса.

Наше общение происходило строго формально в рамках тренировок в отряде космонавтов, на людях отсутствие взаимной симпатии мы никак не демонстрировали, заключив негласный пакт о ненападении.

Советоваться по ситуации с Шаббо было не с кем, а совет был нужен, ой, как нужен, потому что представить Шаббо женой и матерью будущих детей у меня не получалось, несмотря на всю мою влюбленность. Она была слишком яркой и экстравагантной для рутинной семейной жизни, звездочка в ночном небе, которая исчезает в бесконечности космоса с первыми лучами солнца.

Две даты в моей жизни оказались важнее всех других, включая собственный день рождения и похороны родителей, – 29 августа 1988 года, когда я полетел на орбиту, и такой же понедельник за два месяца до того – финальный разговор с Шаббо. Уже была подобрана невеста – моя будущая жена, умная, красивая женщина, хирург по профессии. Я поговорил с ней несколько раз по телефону, отторжения она у меня не вызвала. Долго обсуждался вопрос, когда будет заключен брак, до или после полета, в результате было принято решение – после. «Страхуются на случай нештатной ситуации», – подумал я тогда. Ну что ж, имеют право.

В тот понедельник я приехал на Кутузовский ранним утром, около семи. Мой нехитрый план был рассчитан на внезапность, что и как говорить, я не понимал и, если уж быть до конца откровенным, в глубине души рассчитывал, что Шаббо сорвется в истерику и наступит финал. Хотел ли такого финала? Хороший вопрос, на который у меня и сегодня нет ответа.

– Ты мог не приезжать, – спокойно сказала Шаббо. Мы стояли в коридорчике около входной двери, на Шаббо была светло-голубая с розовыми зайчиками пижама, похоже, она еще не ложилась.

– Ты мог не приезжать, – повторила Шаббо. – Я всё знаю.

Не помню, как долго мы разговаривали, часы летели незаметно, длинный летний день постепенно клонился к закату. Подробности этого разговора с годами слились в массив слов и продолжительных пауз, когда Шаббо молча смотрела в окно на оживленный, как всегда, Кутузовский, а я почему-то на кухонную раковину, заваленную грязными чашечками из-под кофе.

– Я тоже уеду, – сказала Шаббо.

– Куда? Домой?

– Нет, в Берлин, – сказала она. – Мои друзья, – она сделала незначительный нажим на слове «мои», – считают, что из меня может получиться хороший художник. Попробую поступить в тамошнюю Академию художеств.

– А почему в Берлин? – спросил я. – Обычно живописи учатся в Италии.

– Не знаю, – рассмеялась Шаббо. – Берлин мне несколько раз снился, я доверяю своим снам. А с Италией сложно, сам понимаешь, увы, я не в той стране родилась.

Она посмотрела на меня отрешенным взглядом:

– Я буду вспоминать тебя. Жаль, что всё так получилось...

Потом жизнь бешено завертелась. 29 августа восемьдесят восьмого года я взял с собой на орбиту томик Корана. Мусульманин, конечно, из меня аховый, но всё же – первый представитель азиатского государства в космосе. В ЦУПе понимающе улыбнулись.

Вернулся на Родину я живым символом страны. Это не так легко воспринимать, когда на тебя смотрят почти как на бога, особенно простые люди, но, мне кажется, я с честью вынес это испытание.

Работая заместителем министра гражданской авиации, я ежедневно убеждался, как после ухода в восемьдесят девятом году советских войск народная власть трешит по швам.

Мой бывший дублер полковник Дауран перелетел на истребителе в Пакистан и примкнул сначала к Северному альянсу, а потом к талибам – этому новому движению повстанцев, для которых врагами были не только советские, но и всё, что не укладывается в рамки шариата.

Я видел ролики, которые они снимали «для народа»: жуткое, злобное, мрачное средневековье, беспощадное в своем неистовом напоре. Увы, в кишлаках их встречали с ликованием, к середине девяностых под контролем талибов оказалось больше половины территории страны.

От Шаббо за эти годы не было ни одной весточки.

В октябре девяносто третьего умер ее отец. Инфаркт, на похоронах я поразился нескрываемой зависти, которой были полны лица правительственных чиновников. Как же, будто говорили их глаза, умер тихо, спокойно, почти что в собственной кровати, о такой смерти в наше время только мечтать можно.

Шаббо на похороны не приехала. Я переговорил с хорошими знакомыми из ХАДа. Проинформировали меня кратко, как и положено в подобных организациях.

Два года назад Шаббо сумела перебраться из Берлина в Нью-Йорк. Там работает на организацию, которая поставляет талибам оружие. Внезапный инфаркт отца был вызван отчасти этой причиной. Внесена в список лиц, нежелательных для пребывания в ДРА.

И добавили: советуем забыть о ней.

В сентябре девяносто шестого отряды талибов были уже на подступах к Кабулу. В государственных учреждениях началась паника, солдаты правительственной армии сдавались в плен толпами. Я подделал документы на служебную командировку в Индию и, схватив жену и двух дочек, одним из последних самолетов вылетел в Дели. Перед самым взлетом на борт препроводили нескольких человек из ХАДа, тех самых хороших знакомых, весь рейс они упорно делали вид, что не знают меня.

В Индии первым делом я обратился в советское посольство. Меня встретили приветливо, вежливо заверили, что с оформлением российского гражданства проблем не возникнет. Но шли недели, а потом и месяцы, а вежливость русских оставалась неизменной при моих посещениях посольства, и в конце концов мне стало ясно, что это такая форма отказа. Теперь много лет спустя я понимаю: в России просто не знали, что делать с новой ситуацией в Афганистане, где власть захватили твердолобые религиозные фанатики, и предпочитали не делать резких телодвижений. В определенном смысле я оказался жертвой политической неразберихи.

Остаться в Азии я больше не хотел. Мне исполнилось тридцать семь, начинать новую жизнь следовало в цивилизованной стране, постаравшись забыть про все ужасы, навалившиеся на Родину.

С женой мы наскребли последние копейки, на Америку, увы, денег не хватило, по визе политических беженцев моя семья улетела в Германию.

Первые годы в Германии были очень трудными. Там дорогая жизнь, денег хронически не хватало, жена мыла полы и посуду в детском садике, я работал рабочим в типографии, а после работы подметал улицы вечернего Штутгарта.

За этим благородным занятием меня застала однажды певица Ваджиха Растагар. Мы обнялись, разговорились. Она эмигрировала из Афганистана за несколько лет до меня. Благодаря Ваджихе жизнь моей семьи стала постепенно налаживаться. Певица развернула в интернете компанию по сбору средств для меня, и, хотя в Германии не так много выходцев из Афганистана, многие откликнулись. На собранные деньги я открыл магазинчик по продаже компьютеров.

Был теплый сентябрьский день. Жена с дочками уехали на экскурсию в Кёльн, я остался на хозяйстве в магазине. Накануне безобразно спал, снились последние дни в Кабуле, отчаяние многих горожан, сковавшее их волю к сопротивлению. «Давненько мне не снился этот кошмар», – подумал я.

Раздался звон колокольчика на входной двери. Вошла женщина, одетая в причудливую смесь – в джинсы с длинным восточным цветастым платьем, украшенным золотой нитью. На голове шелковый платок.

– Здравствуй, Абдул! – сказала Шаббо.

У меня крепкая нервная система, но тут я растерялся и ляпнул первое, что пришло в голову:

– Ты почти не изменилась...

– Ты тоже, – беззаботно произнесла Шаббо. – Как поживаешь? Давно не виделись.

– Живу, работаю, – я обвел рукой стеллажи с компьютерной техникой. – Дочки подрастают. Скрамная жизнь маленького немецкого бюргера в свободной стране.

– Не скучно? После полета в космос?

– Тогда была другая жизнь, – ответил я. – Теперь она иная – хуже или лучше, вопрос, конечно, интересный, но я не слишком склонен к философствованию. Эти жизни как параллельные прямые, нет оснований, чтобы они пересеклись.

– Я приехала поговорить с тобой, – сказала Шаббо. – Вернее, меня уполномочили поговорить с тобой *они*.

– Любопытно. И кто же эти «они»?

– Люди, которые сегодня у власти на Родине.

– Странно, что им понадобился космонавт, – рассмеялся я. – Надоело прозябать в средневековье? Или они рассчитывают устроить публичную казнь на национальном стадионе, используя тебя в качестве приманки? Ты стала религиозной фанатичкой?

Вспоминая впоследствии разговор с Шаббо, я ловлю себя на мысли, что не пригласил ее в кафе, как принято поступать, встретив давнишнюю знакомую, даже не предложил сесть. Мы стояли как на поле боя, у невидимого барьера, как парламентарии враждующих сторон.

– У меня было время подумать, – сказала Шаббо. – Я и думала – годами. И многое поняла про себя.

– Я – афганка, – продолжила она. – Я понимаю, что такого народа на самом деле не существует. Пока, во всяком случае, усилиями тех людей, которые, как я понимаю, тебе не нравятся, идет формирование этого народа. Прямо сейчас, в наши дни. Ты знаешь прекрасно, как в юности я отчаянно пыталась оторваться от собственных корней, превратиться в этакую экспортную восточную красавицу с обложки гламурного журнала – «made in Asia». Постепенно во мне всё сильнее нарастало ощущение, что это не моя жизнь, что я просто бездумно лечу в пропасть без страховки и надежды спастись.

– О каких корнях ты говоришь? – спросил я. – О традиции, где девочку запрещено обучать грамоте, а женщина, выходя на улицу, обязана заматывать лицо тряпкой? Сейчас двадцать первый век, а не пятнадцатый. Я тебе скажу, чем закончится эти скотство и изуверство, которые творятся на Родине. Придут новые оккупанты, вместо советских – американские, и в очередной раз попробуют возродить Афганистан для «цивилизованной» жизни.

– Вот именно, в очередной раз. – Шаббо посмотрела мне прямо в глаза, как удав на кролика. – Сколько их было, этих попыток за последние двести лет! И всегда с неизменным результатом – чужие уходили, а страна продолжала жить так, как ей начертано.

– Начертано кем? – спросил я. – Богом, судьбой, шайтаном, муллами, которые до сих пор уверены, что Земля плоская и стоит на четырех слонах? И что прикажешь делать с теми, кто не согласен жить по законам шариата? Им умирать или бежать, подобно мне?

– Ты стал европейцем, – сказала Шаббо. – Окончательно. Потому что ты им был с самого начала и именно этим когда-то меня покорило.

– Это плохо? – спросил я. – Быть европейцем?

– Нет, неплохо. Но наша земля предназначена для других людей, которые хотят построить отличную от западного мира цивилизацию. Поэтому ты оказался сорняком, поэтому ты здесь, а не там.

– А ты? – сказал я.

– Я – там. Я участвую в строительстве этой новой цивилизации, и я счастлива.

– Ну и методы у вас, у строителей!

– Методы такие, какие есть, – возразила Шаббо. – Не вижу причин оправдываться, скажу лишь, что в истории страны бывали и более кровавые времена, – она вдруг рассмеялась: – Мне понравились твои стенания по поводу униженных и замордованных женщин. Поверь на слово, матриархат нигде так не процветает, как при истинном исламе. Просто, как и положено нашей религией, он скрыт за ширмой, не являет себя публично. Скажу больше: талибами управляют женщины, их матери, жены, сестры. Интуиция подсказывает им правильную дорогу.

– Ты замужем? – спросил я.

– Была, – сказала Шаббо. – Мы познакомились с будущим мужем в Нью-Йорке. Прожили вместе недолго, он вернулся на Родину воевать с коммунистами, когда те еще были у власти. В одном из боев погиб.

– Мои соболезнования, – сказал я. – А дети?

– До детей дело не дошло. Я заранее знаю твой ответ, – сказала Шаббо, – на предложение вернуться домой и поддержать новую власть. Нисколько не сомневаюсь в твоём отказе. Тем не менее подумай. Страна много для тебя сделала, пора возвращать долги.

– Страны больше нет, – сказал я. – Есть только сборище обезумевших глупцов, которые мстят всему нормальному миру за собственную убогость. И ты, к сожалению, среди них.

– Страна есть, – возразила Шаббо. – Она была и будет. И всегда будет жить по собственным законам. Она всё чаще будет сниться тебе, и чем старше ты будешь, тем острее будут эти воспоминания. Подумай.

Шаббо подошла ко мне и погладила по плечу:

– Подумай, Абдул...

Я люблю осенний Штутгарт. Мне нравится запах чуть подгнившей от дождей травы, которую не успели убрать ретивые дворники. Когда дочки были крохами, мы с женой часто приводили их в ботанический сад, где находится зоопарк Вильгельма. Теперь, когда дочки выросли и у них иные интересы, я посещаю зоопарк один, сижу подолгу на лавочке и кормлю орешками белок, что скачут по деревьям.

Я не ошушаю себя ни немцем, ни афганцем, на родном языке мы разговариваем всё реже, и для дочек немецкий более понятен и удобен, чем пушту.

Когда я смотрел через иллюминатор на Землю (она действительно голубой шар, в кино показывают правду), почувствовал себя человеком мира, которому интересна сущность в его цельности, а не разделенная на разноцветные полосы в угоду чьим-то интересам. Тогда я положил ладонь на томик Корана и попросил Невидимого как можно скорее вернуть мир к его изначальной простоте.

Я докармливаю белочкам орешки, выбрасываю скомканный бумажный пакетик в урну и иду к себе в магазинчик. Пыльные джинны азиатских городов остаются позади, растворяясь за моей спиной, подобно миражу...

ПУТЬ В САМАРКАНД

*Повесть*¹

Дурбек КУЛДАШЕВ

Лето 892 года хиджры (по мусульманскому летоисчислению) в древнем Самарканде было особенным и изобильным. Уже много лет Самаркандом правил бесстрашный, великодушный и благородный темурид Султан Ахмад Мирза, в какой-то степени зависимый от дворцовой знати. Благодаря его опыту в военной стратегии и тактике в управлении государством народ Самарканда жил в мире и спокойствии.

Великодушие и благородство Султана Ахмада Мирзы проявлялось неоднократно. Когда его младший брат Умаршайх Мирза, подавив бунт в Хавасте, захватил много трофеев, он добился возврата бунтарям и пленным, и трофеев, а позже подарил ему один из величайших городов – Тошканд, а вслед за ним – Сайрам. Нет ничего удивительного в том, что эти качества – великодушие и благородство – передавались от поколения к поколению и были свойственны всем темуридам.

* * *

С детских лет Бабур Мирза лелеял мечту увидеть отчий край – раеподобный Самарканд – и часто напоминал маме, чтобы она замолвила словечко и уговорила отца благословить его на путь в Самарканд.

Одна из причин, мешавших сбыться заветной мечте – его возраст: он был еще мал для такой поездки, хотя правитель Самарканда был его родным дядей. Дальше Ферганы наследник не выезжал.

Взрослые не раз обсуждали его желание и в конце концов решили уважить желание непреклонного мальчика, избалованного вниманием родителей. Было получено высочайшее распоряжение отправиться в путь во главе с Алпом Баходиром и в сопровождении Абдуллаха (одного из друзей) и группы телохранителей.

Чтобы дворцовая знать не пришла в недоумение от поездки Бабура Мирзы, было объявлено лишь о предстоящей свадьбе в Самарканде – в доме падишаха.

На подготовку ушло три дня. За это время успели посетить святыню Шейха Бурхониддина Килыча, привести в порядок дорожный скарб, уложить необходимое, подготовить крытый фургон, двухнедельный запас провизии, зимнюю

¹ Журнальный вариант.

Дурбек КУЛДАШЕВ родился в 1949 г. Окончил Андижанский институт хлопководства (ныне Андижанский институт сельского хозяйства и агротехнологий). Публиковался в республиканской периодике. Автор 10 книг прозы.

и летнюю одежду, специально сшитую для Султана Ахмада Мирзы искусным андижанским мастером, сундук с редкостными подарками (дорогим собольим мехом, парчовой и чесучовой тканью высшего сорта), изготовленные по специальному заказу кавуши и махси из лучшей андижанской кожи, узгенский рис девзиру и прочее. Всё было лично проверено шахом.

По совету знатного конюха Бойкосима Буко для Бабура Мирзы оседлали Джигалтая – чалого коня самого шаха, подаренного ему его дедам султаном Юнус-Ханом.

Утром третьего дня месяца шабан¹ отправились в Самарканд. Это событие в тот же день было запечатлено в летописи золотыми буквами историком двorca.

Процессия со стороны напоминала небольшой караван.

Кстати, наставник и его мюрид взяли с собой несколько почтовых голубей в клетках, закрепив их повыше, чтобы был хороший обзор.

Бабурбек был бесконечно рад.

Всадники, равномерно покачиваясь в седлах, миновали Асаке и оказались в Кубо.

До тех пор пока они не переехали на другую сторону «черной воды» Кубо, шахзаде ни на минуту не отрывал глаз от чарующей картины природы.

Караван не торопясь двигался к центру Кубо. Был базарный день. Улицы были заполнены телегами, везущими овощи, фрукты и другие продукты земледелия; лошадьми и осликами, груженными мешками и переметными сумами, люди вели на продажу скот, было много и простых пешеходов.

– Кубо – город небольшой, но очень знаменитый. Это место, где родился великий ученый Ахмад аль-Фергани. По словам нашего учителя Хусайна Ниязи, вот уже шесть веков его труды волнуют и поражают арабов, они до сих пор пользуются его учением, – с гордостью сказал учитель.

Это имя Бабур Мирза слышал впервые, поэтому спросил:

– Учитель, а он что, был полководцем?

– Да, мой шахзаде, его можно сравнить с великим полководцем. Хотя на самом деле он великий мудрец, астроном, математик, географ, ученый.

Лицо подростка засияло, глаза заблестели, ресницы задрожали. Алп Баходир заметил реакцию принца и, повернувшись к нему, добавил:

– С вашего позволения хочу рассказать вам одну историю... Ваш дед его светлость Амир Темур по приглашению султана Египта аль-Малика аз-Захира в джумадиляввал² 803 года хиджры посетил Каир вместе со своими учеными людьми и осмотрел водомер на Ниле. Темурбека привело в изумление это сооружение, – простое, но очень надежное. Его светлость Амир Темур распорядился, чтобы султан Баркук благоустроил места пребывания Ахмада аль-Фергани и превратил их в объекты паломничества – в святыни, куда приходили бы люди для поклонения.

Наконец путешественники оказались в Маргиноне.

Гостей встретил градоначальник Али Дуст (человек грубый, холодный и угрюмый, поэтому его прозвали Мерзлотой), который с большими почестями провел их в свой дом. Затем он предложил посетить дом, где жил и творил великий ученый Бурхануддин аль-Маргинани, который создал здесь свою замечательную книгу о праведном пути «Хидоя».

После этого благословенного визита путники, духовно очистившись, умылись после дороги и привели себя в порядок.

¹ Шабан – название восьмого месяца мусульманского лунного года.

² Джумадиляввал – название пятого месяца мусульманского лунного года.

Хозяева дома оказывали невиданное гостеприимство темуридам, собственное маргинонцам. Обслуживали гостей лучшие столтники, искусные музыканты, повара.

Чтобы убажить наследника престола, были приглашены Али Дуста Сотти-кукольник и его ученики, продемонстрировавшие отрывки из сказок «Три богатыря», «Богатырь Качал», «Ёрилтош». Бабур Мирза наизусть знал эти сказки и сделал некоторые замечания артистам, указал на допущенные ошибки.

От мелодий и благозвучных песен усталости как не бывало.

Пир продолжался недолго. Когда прозвучал призыв муэдзина на вечернюю молитву, дети уже были в своих покоях. Набожные люди разошлись, чтобы совершить омовение и молитву.

Бабур Мирза снял верхнюю одежду, аккуратно положил на шкафчик у изголовья, переоделся в белую ночную рубашку и стал ходить по комнате, рассматривая расписной потолок.

Новое место, новые люди. Первый раз в жизни пришлось ему спать вдали от дома.

И приснился Бабуру Мирзе сон... Будто кто-то вошел в покои, где они отдыхали, и сказал, что его конь отвязался и никому не удастся его поймать...

Обеспокоенный, Бабур Мирза проснулся, надел кавуши, прошел в прихожую, посмотрев на уснувшего стража, вышел во двор и направился в конюшню.

Конюх еще не спал. Узнав наследника, он сказал:

– Что вас беспокоит? Я к вашим услугам.

– Нет, так просто, я сам, мой конь... – пробормотал шахзаде, сделал два-три шага за порог и услышал слова старика: «Мой принц, мы искупали ваших лошадей и завели их в специальную конюшню».

Конюх открыл дверь слева.

Бабур Мирза, увидев Джигалтая, обрадовался. Он обнял коня, погладил гриву, приложил лицо к его шее.

Старик внимательно следил за происходящим, удивляясь тому, как сильно мальчик любит коня.

Гости отдохнули всего одну ночь и рано утром покинули крепость.

Али Дуст, провожая гостей, с притворной улыбкой посетовал:

– Мой принц, у вас было так мало времени, что мы не смогли как следует угостить вас. В другой раз непременно останьтесь на два-три дня, и, даст бог, мы с вами пойдем на птичью охоту.

Бабур Мирза в ответ на гостеприимство градоначальника с детской искренностью продекламировал:

– Дяденька Али Дуст,

Хлебосольный Али Дуст!..

Время стремительно, как Бурак¹, невозвратно, как стрела. Со времен мироздания оно держит всю Вселенную в подчинении, будь то живое существо или неживой предмет. Недаром мудрые предки говорили: «Всё испытывается и отбирается временем».

Путешественники быстро миновали города и поселки, крепости, кишлаки, безлюдную степь, где не растет ничего, кроме тамариска и саксаула, обильные рисовые поля, бахчи, хлопковые плантации, камышовые заросли и пруды со стоячей, пахнувшей тиной, водой.

Путешественники с интересом наблюдали картины природы, любовались небольшими озерами с равномерно качающимися камышами.

¹ Бурак – мифический крылатый конь Магомета.

В озерах было полным-полно водоплавающих птиц – их громкий шум-гам доносился до большой дороги.

Алп Баходир выбрал из каравана двух ребят, всадники спешили, привязали коней к веткам кустарников и некоторое время слушали пение птиц.

По знаку Алпа Баходира один из парней подошел ближе к берегу и развел в стороны кусты, чтобы хорошо была видна поверхность воды.

Алп Баходир снял с плеч лук, вытянул из колчана специальную маленькую стрелу, прицелился в гуся и легко пустил стрелу. Стрела впилась в птицу!

Гуси, шумно хлопая крыльями, кинулись врассыпную. Раненая птица улететь, как ни пыталась, не смогла, и кружилась на месте.

Один из парней бросился в воду и вскоре вышел с трофеем на берег, передав его Алпу Баходиру. Затем, отойдя в сторону, спешно стал отрывая пиявки, присосавшиеся к ногам.

Бабур Мирза внимательно рассмотрел длинную шею гуся, его плоский, словно кость, клюв, перепончатые лапы с острыми когтями.

Удовлетворив любознательность принца, учитель отдал птицу одному из парней и приказал отравляться в путь. Караван был уже далеко впереди.

* * *

С тех пор как караван выехал из Маргинона, прошло двое суток.

Всадники, покачиваясь в седлах, приблизились к крепости Канибадам...

По завершении обряда встречи высоких гостей глава каравана разрешил всем отдыхать.

Алп Баходир по просьбе Бабура Мирзы показал своим ученикам достопримечательности города. Бабур Мирза с друзьями весь вечер слушали интересные рассказы учителя.

Из крепости Канибадам выехали задолго до рассвета.

Алп Баходир, глядя на своих учеников, предупредил:

– Ребята! Сейчас мы на въезде в Каракумскую пустыню. Дорога предстоит нелегкая, пустыня встретит нас испытаниями: жарой, гармселем, зыбучими песками... Сможем ли мы преодолеть такие трудности?

– Сможем, устоим, мы выдержим всё!

Алп Баходир удовлетворенно улыбнулся в усы:

– Кстати, хочу вам сказать, что эта пустыня в народе называется «Хо, отшельник!».

Бабур Мирза тут же среагировал на реплику:

– Учитель, почему так названо это место?

– По преданию, шли по этой пустыне несколько отшельников. И вдруг промчался сильный смерч, который поднял столб песка и пыли, и многие из них оказались погребенными под песком. Как ни кричали заблудившиеся «Хо, отшельник!», никто их не слышал, – в голосе учителя слышалось сочувствие отшельникам.

– Учитель, как долго мы будем в этой пустыне? – спросил Бабур Мирза.

– Недолго. Если будем ехать быстрее, с божьей помощью, мы ее минувем до предзакатной молитвы.

Утренний прохладный ветерок, касаясь лиц и глаз юных путников, доставлял удовольствие. Они не знали, что совсем скоро, когда солнце достигнет зенита, этот приятный ветерок сменится горячим гармселем.

Бабур Мирза не раз слышал от своих учителей слова «пустыня», «пустынная равнина», но видеть не приходилось ничего подобного. Ему хотелось быстрее

проехать песчаные барханы, своими глазами увидеть мираж, самум, песчаные бури, животный мир пустыни, о которых рассказывал учитель.

Миновав песчаные холмы, путешественники по распоряжению Алпа Баходира накинули на головы белые гутры, похожие на головные уборы бедуинов, поверх них – обручи из тонкой шерсти, которые удерживали гутры, и стали похожи на арабских бедуинов.

Этот головной убор тысячелетиями проходил испытание всеми капризами пустыни! Никакой другой в мире его не заменит.

– Учитель, я ни разу не садился на верблюда, – с сожалением сказал шахзаде.

– В этом нет ничего трудного, – сказал учитель и подвел мальчика к боку «корабля пустыни», нагруженного с обеих сторон тяжелыми сундуками. – Будьте осторожны, – кивнул он в сторону верблюда.

Бабур Мирза понял знак учителя, резким движением привстал на своем Джигалтае, прыгнул на бок верблюда и быстро пересел на круп. Сидя на корточках, схватил туго натянутые веревки, подождав немного, протянул ноги, чтобы усесться удобнее.

Место, на котором устроился шахзаде, было весьма опасным, но отсюда можно было обозревать большое пространство. Временами Бабур Мирза привставал на верблюде и с наслаждением осматривал окрестность, от избытка чувств повторяя свое любимое выражение «Хаб-бо-за-а!». Иногда он понукал верблюда, заставляя идти быстрее...

Со временем солнце вступило в свои права – начало нещадно печь...

В такой безжалостно палящей пустыне без воды могут существовать только животные и растения, которые за миллионы лет приспособились к этой среде, выбрали ее местом своего обитания.

Пустыня, наводившая страх безжалостным палящим солнцем, сильным горячим ветром, пылью и песком, Бабура Мирзу притягивала своими очаровательными пейзажами, бесконечно широким пространством, уходящим далеко за горизонт.

Он с удовольствием наблюдал за большими и малыми ящерицами, варанами, змеями, сусликами, мышами, шнырявшими между почерневшими стеблями саксаула, верблюжьими колючками, зарослями полыни, появлявшимися то слева, то справа. Иногда слышалась где-то в небе жалобная песнь жаворонка. Возбужденный и радостный, мальчик повторял: «Хаб-бо-за! Увидев большую серую змею, которая, спасаясь от зноя, словно палка, висела на ветке саксаула, он крикнул:

– Абдуллох, а Абдуллох! Смотрите, змей!

Бедный Абдуллох, полусонный от усталости, сидел на лошади, склонив голову на грудь. Услышав свое имя, он встrepенулся и поспешно ответил:

– Да, мой шахзаде, я вас слушаю!

Бабур Мирза нагайкой показал на змею.

Услышав слово «змея», Абдуллох вздрогнул.

Бабур Мирза с улыбкой обратился к своему учителю:

– Учитель, ядовита ли эта змея?

Алп Баходир ответил:

– Из степных змей только удав, а в воде только водяная змея не ядовиты... Хотя у обоих видов нет ядовитых зубов, они стараются укусить во время опасности. Что странно, при размножении удав не яйца откладывает, а рождает живых змеенышей...

Бабур Мирза, желая узнать обо всем, не устал задавать вопросы своему учителю.

Алп Баходир, сдержанный, кроткий, терпеливый, многоопытный человек, на каждый вопрос учеников отвечал подробно.

Полдень. Время обеда. Около старого колодца на обочине дороги сидела дюжина людей. Здесь остановились и наши путешественники, установили шатры...

Вскоре у колодца не осталось никого, кроме его служителей. Бабур Мирза обратил внимание на нескольких человек, похожих на отшельников, которые сидели на корточках в тени навеса, крытого ветками саксаула и вязанками хвороста. Они не обращали ни на кого внимания, о чем-то говорили между собой шепотом, горячо спорили и внимательно слушали друг друга, и, хотя они были молоды, их обросшие густыми бородами уставшие лица были серьезны. Бабур Мирза предположил, что они по какой-то надобности пешком отправились в один из больших городов.

Поев, путешественники быстро собрались в дорогу...

Бабур Мирза ехал на своем любимом коне, с прежним восторгом разглядывая окрестности.

Абдуллох, подъехав ближе к Бабуру Мирзе, шепнул:

– Мой шахзаде, те, похожие на отшельников, люди оказались нашими земляками, которые учатся в медресе в Самарканде. Наш учитель подошел к ним, поговорил о чем-то, потом, вытащив из кармана деньги, раздал им! Видели бы вы, как они обрадовались!..

На ангельском лице Бабура Мирзы появилось выражение удовлетворения, он с почтением посмотрел на своего учителя.

Два закадычных друга ехали, услаждая душу приятной беседой.

Вдруг Бабур Мирза увидел страшную темно-коричневую змею длиной более сажени, ползущую в тени саксаула.

– Учитель, смотрите, смотрите! Змея! Из тех, что мы видели, она самая большая! Что это за змея?

Лицо Алпа Баходира стало серьезным.

– Это очень редкая змея, люди называли ее Кошукбош, то есть змея с головой, похожей на ложку. Она очень ядовита.

Престолонаследник поспешно спросил:

– А почему она так названа?

– Знаете ли, мой Мирза, если сейчас перед ней окажется какое-нибудь существо, она остановится, придаст своей голове форму ложки и, шипя, готовится ужалить. Наверное, поэтому люди так называли ее.

– Учитель, а можно спешиться и взглянуть на нее?

Алп Баходир посмотрел на ученика и сказал:

– Мой Мирза, пока мы слезем с коней, чтобы подойти к ней, она уже будет далеко, зря потеряем время.

Потом он продолжил:

– Я расскажу вам кое-что... Пятьсот лет тому назад его святость великий ученый Абу Райхан Беруни побывал в стране, называемой Индией. Он обнаружил там около десяти видов ложкоголовых змей. В своей книге «Индия» он описал большое количество змей, которых у нас нет, сообщил ценные сведения об их видах, о местах обитания, о пользе и вреде. И не только это! Наш великий ученый наряду с несколькими иностранными диалектами изучал язык, называемый санскритом, очень трудный для усвоения, и перевел на индийский

язык несколько книг с арабского подлинника! Когда ваш великий предок его светлость Темурбек был в Индии, он высоко оценил природу этой страны, ее ремесленников, природные богатства, искусство. По состоянию здоровья он пробыл там лишь около двух недель. Если будет угодно Аллаху, вы подрастаете и с божьей помощью всё это сами увидите, побывав в этой стране... По-моему, родина этой змеи – Индия. Но как она оказалась в этих краях, одному Всевышнему известно...

Так молодые путешественники миновали горячие объятия пустыни...

Ко времени третьего намаза – молитвы перед закатом солнца – они были в Ходжент. Наверное, ходжентцы знали заранее о путешественниках и хорошо подготовились, чтобы достойно их встретить. С приближением Бабура Мирзы и его спутников к крепости на всю округу зазвучали карнаи и сурнаи, путников встречали боем барабанов. Гости вошли в древний город с небывалыми почестями.

Встреча высокопоставленных гостей прошла с участием всех должностных лиц, больших и малых сановников. По завершении приема в специальной гостинице был дан торжественный обед, и путешественники незамедлительно отправились дальше.

У одного из кладбищ на их пути группа отшельников совершала обряд радения – зикр. Шахзаде, никогда не видевший такого, не преминул спросить у учителя:

– Учитель, что они делают?

Алп Баходир, глянув в их сторону, ответил:

– Они – товарищи-единомышленники, исполняющие небесный танец, суфий, избавленные от всех забот мира сего, им не нужно ни богатства, ни радости, ни наслаждений, на пути к Аллаху они отреклись от мирской жизни.

На лице Бабура Мирзы нетрудно было прочесть удивление и какое-то горькое душевное сочувствие отшельникам, возникшее в его безукоризненно чистом сердце. Не раз после этого, даже через много лет, во сне Бабур Мирза исполнял небесный танец «Ёху – ёх» среди отшельников...

Караван продолжил путь. Справа белели солончаки, слева, неподалеку, виднелись покрытые снегом горы. Хотя солнце было в зените, прохладный ветер с гор помогал переносить жару.

Перед походом его предупреждали, что долгая дорога весьма трудна. Но он дал отцу слово, что всё выдержит, и теперь не может жаловаться учителю.

Абдуллох почувствовал, что Бабур Мирзу что-то угнетает, и решил отвлечь его.

– Мой шахзаде, если вам угодно, мы пустим одного из голубей в Андижан, возможно, душа ваша найдет облегчение...

Принц обрадовался предложению друга.

– Это очень кстати. Утром у меня тоже была такая мысль. Сегодня обязательно пустим голубя, – сказал он и распорядился принести одного из почтовых голубей, что сидели в клетке. Сам же, вытащив бумагу и карандаш, прямо в седле начал сочинять письмо «большой маме»¹.

Для птицы нет ничего лучше свободы, лучше безбрежного полета! Особенно если она летит к своему любимому, жаждущему встречи с ней! Голубь, вырвавшись из рук, хлопая крыльями, взвился ввысь и, словно прощаясь с Бабуром Мирзой, сделал пару кругов над ним, кувыркнул и стрелой полетел на восток.

¹ «Большая мама» – бабушка.

* * *

С тех пор как андижанцы двинулись в путь, прошло десять дней. Преодолен путь в пятьдесят йигочей¹. Самарканд не за горами.

Кого только не увидели путешественники, с кем только не повстречались! Да, это Великий шелковый путь, самая древняя и самая оживленная дорога, основанная далекими предками, связывающая Запад с Востоком! Кто только не следовал по этой дороге! И объехавшие мир военачальники с тысячами воинов, и лишенные родины бесчисленные пленники, и рабы!

Неисчислимые воины Чингисхана, словно саранча, летели в Мавераннахр. Прошел по этому пути и благословенный Амир Темур во главе своих доблестных воинов, чтобы очистить родину от монголов. Да что там! Покоривший весь мир Александр Македонский со своими воинами побывал здесь. Такова эта благословенная и древняя дорога – Великий шелковый путь!

* * *

Султан Ахмад Мирза, услышав о приближении гостей из Андижана, вышел со своими подданными навстречу Бабур, приглашая в Конигил – во дворец, где можно насладиться приятным отдыхом.

Множество людей заполонили улицу, чтобы увидеть торжество и узнать, в честь каких высоких гостей на сей раз падишах устраивает триумфальную встречу.

Когда стихли звуки карнаев и сурнаев, Бабур Мирза уверенным шагом прошел по ярко-красному бархату, постеленному в честь дорогих гостей, и, когда осталось несколько шагов до правителя, остановился, приложил обе руки к груди и трижды поклонился со словами «Здравствуйте, мой дорогой дядя!».

Султан Ахмад Мирза с радостью принял приветствие юного темурида. Согласно традиции, Бабур Мирза подошел, чтобы поцеловать подол его халата, но падишах сам быстро пригнул колени, обнял своего племянника, и два темурида, оказавшись лицом к лицу, горячо расцеловались.

Осторожно выпустив мальчика из объятий, Султан Ахмад Мирза посмотрел на его отважное ангельское лицо. Ему показалось, что в лице племянника уже просматривается свойственная взрослым величавость.

– Как доехали, мой Мирза, не устали от долгой дороги? – поинтересовался он и традиционно расспросил о здоровье родственников, оставшихся в Андижане, – брате султани Умаршайхе Мирзе, невестке Кутлуг Нигорханум.

Бабур Мирза, соблюдая все нормы учтивости, передал дяде письмо своего отца. Султан Ахмад Мирза прочитал письмо, поцеловал и положил во внутренний карман летнего халата.

После традиционного обряда встречи гостей чиновники вслед за правителем проследовали во дворец. Люди с удивлением смотрели на мальчика, идущего рядом с самим его величеством падишахом. Только Всевышнему было известно, что этот мальчик, повзрослев, займет престол самаркандского правителя и со временем станет зятем щедрейшего Султана Ахмада Мирзы.

Говорят, луну подолом не закроешь. Люди по-разному думают: «Удивляешься этим темуридам. Смотришь – ради престола они готовы уничтожать, идти войной друг против друга. Или объединяются, начинают действовать заодно, даже младенца своего превозносят до небес». Другие считают: «Правильно! Захватить престол и стать правителем – заветная мечта каждого темурида! Но разумно управлять государством удастся не какому-то одержимому

¹ Йигоч – староузбекская мера длины.

властолюбием, стремящемуся во что бы то ни стало к трону, а тому, кто рассудителен, говорит и поступает обдуманно, кто осмотрителен и осторожен».

Султан Ахмад Мирза со всеми почестями проводил знатных андижанских гостей до ворот Фируза Гисари Дару, оставил хозяевам, ожидавшим у ворот, а сам со своими беками и амирами спешно отправился по государственным делам в Багишамал.

* * *

Вот уже три дня Бабур Мирза со своими спутниками знакомится с достопримечательностями Самарканда, пребывает в местах успокоения святых и праведников. Посетил усыпальницу деда, великого среди великих Сахибкирана Амира Темура, почтил у гробницы память другого деда – Мироншаха Мирзы и его родных, которые тоже покоятся здесь. По совету своего учителя прочитал несколько аятов из Корана в честь покинувших этот бренный мир родственников и близких. С удовольствием осмотрел величественные памятники на площади Регистан, комплекс Шахи-Зинда, Куксарай, соборную мечеть неподалеку от ворот Оханин, медресе и обсерваторию Улугбека Мирзы в самом сердце Самарканда. Он хотел знать всё, поэтому не было конца вопросам учителю.

Однажды он спросил:

– Учитель, скажите, пожалуйста, почему в нашем Андижане нет таких сооружений?

Учитель деликатно ответил:

– Мой шахзаде, знаете ли вы, что Самарканд является столицей государства Туран, основанного вашим великим прадедом Сахибкираном Амиром Темуром? Этот великий человек подчинил себе двадцать девять государств мира. Люди страны жили дружно, словно дети одной семьи. Есть предание: если мальчик нес на голове тарелку с золотыми монетами с одного конца города в другой, не терялась ни одна монета. Что касается Андижана, то этот изумрудный город – часть того великого государства. Естественно, прежде всего надо благоустраивать столицу! Ведь на эту землю ступают главы больших и малых государств мира – друзей и врагов! Когда подрастете, с божьей помощью, вы тоже постройте величественные здания.

От слов учителя в душе наследника престола засверкали искорки вдохновения, усердия и энергии.

Сильно заинтересовал Бабура Мирзу парад искусных наездников, которые ежедневно в одно и то же время, гарцуя, проезжают по площади Регистан. Алп Баходир пояснил, что это нукеры падишаха. Принц, видя разодетых нукеров на украшенных дорогами седлами лошадях, невольно представлял себя верхом на подаренном ему коне – на Джигалтае.

* * *

Сообщение между Самаркандом и Термезом не прекращалось ни на день.

Пришли две новости: скоро во дворце состоится свадьба – женится его дядя Султан Ахмад Мирза на красавице Хонзоде-бегим из рода термезского хана; и на свадьбу из Андижана во главе с его матерью Кутлуг Нигорханум приедут его старшая сестра и несколько близких родственниц, что очень обрадовало наследника.

...В шахском дворце в течение десяти-пятнадцати дней не прекращаются торжества, веселье, зрелишные представления. Радуют душу карнаи и сурнаи. Самые искусные музыканты Самарканда, стольники, кравчие днем и ночью

развлекают и обслуживают гостей. Здесь можно увидеть сановников, вельмож, беков, амиров, представителей аристократии всех мастей...

Но подходят к концу свадебные мероприятия. Гостей поубавилось, проводили дорогих гостей из Мешхеда и Хирии, одарив редкими подарками и оказав почести.

Присутствие на свадьбе его светлости духовного наставника Султана Ахмада Мирзы Ходжи Убайдуллоха придало торжеству особую значимость.

В Конигиле завершились скачки, улак, конное поло, соревнования по борьбе и пр. Его величество щедро одаривал победителей и других участников игр. Не забыли и о детях: за каждым ребенком был установлен присмотр. На Востоке воспитание детей издавна считается делом государственной важности. Великий Амир Темур и в деле воспитания установил строгий порядок и дисциплину.

Каких только людей, нанятых, чтобы развлекать детей, не было во дворце! Кукольники, всадники на деревянных лошадях, укротители медведей, дрессировщики обезьян и даже факиры-заклинатели змей.

Бабур Мирза со своим другом Абдуллохом и несколькими юными темуридами тоже были рядом с детьми.

Сразу две служанки впопыхах подбежали к Бабуру Мирзе, отвесили поклоны и сообщили:

– Наш Мирза, во дворе вас ждет ваш учитель.

Бабур Мирза допил свой калмыцкий чай (кипяченое молоко с чаем, солью, сливочным маслом и черным перцем) и, извинившись перед сидящими, по-взрослому провел ладонями по лицу, встал и вышел во двор.

На аллее его ждал Алп Баходир. Ответив на приветствие ученика, он радостно сообщил:

– Мой шахзаде, вас ждет один очень важный человек.

«Знаю ли я его?» – подумал Бабур Мирза.

– Мой Мирза, он находится здесь, – сказал Алп Баходир.

– Где же он?

– Ходжа там, – сказал Алп Баходир, указывая на гостиницу для почетных гостей, и за руку повел мальчика...

Когда они подошли к узорчатой террасе для особых гостей, один из слуг сказал:

– Господа, его величество духовный отец ждет вас в этой комнате, – и указал на роскошную двустворчатую дверь.

Учитель и ученик сняли обувь и быстро поднялись на террасу.

Бабур Мирза по знаку Алпа Баходира вошел в комнату первым.

В середине комнаты с книжными шкафами на почетном месте сидел почтенный старец, весь в белом, с седой бородой. Лицо его будто излучало свет...

– Ассалому аллейкум, – приветствовали его вошедшие.

Старец с достоинством встал, улыбнувшись, ответил на приветствие и, протянув руки, сказал:

– Добро пожаловать, Захириддин Мухаммад Бабур Мирза! Добро пожаловать! – приглашая сесть рядом с собой.

Его святость Ходжа Ахрар Вали видел Бабура Мирзу впервые. Испытывая к нему чувство любви и благосклонности, он спросил:

– Как доехали, Мирза? Не устали ли от долгой дороги? Живы-здоровы ли ваши родители?

На вопросы Бабур Мирза отвечал беззвучно – кивая головой. Но когда услышал: «Понравился ли вам Самарканд, мой Мирза?» – неожиданно для себя звонко воскликнул:

– Очень!!!

Ответ удовлетворил святого Ходжу Ахрара, и он слегка улыбнулся.

– Вы правы, мой Мирза! Солнце моей жизни идет к закату, а я не могу представить себя без Самарканда, он для меня словно рай. В ночных снах вижу свой Богистан, – сказал он с улыбкой.

Беседу прервал молодой человек в одежде священнослужителя:

– Мой пир... Прошу простить меня. Гости просят благословить их!

Его святейшество ишан с закрытыми глазами поднял руки для молитвы и благословил обоих. Выходя, он поцеловал Бабура Мирзу в лоб и погладил по голове.

Шахзаде чувствовал себя на седьмом небе от встречи со святым Ходжой Ахраром – будто побывал в райских кушах у престола Всевышнего.

* * *

В дни свадебных торжеств никто не остался в стороне. Всюду веселые мелодии, звуки дутаров и бубнов, смех женщин...

Сегодня предстоит обряд «открывания лица» Хонзоды-бегим. С раннего утра идет подготовка. Одна из просторных светлых комнат личного гарема, выделенная для невесты, заполнена женщинами.

На почетном месте гордо восседает Тегина Буга Тархан Ханум, мать жениха.

Странно: для андижанцев «пошшо буви» (большая мама) – это Эсан Давлат Бегим, а в Самарканде так называют мать, и это Тегина Буга Тархан Ханум...

По обеим сторонам «большой мамы» сидят темуридки, жены его величества падишаха, влиятельные женщины, близкие к семье владыки, пахнувшие мускусом и амброй, в длинных златотканых парчовых платьях, украшенные слепящими глаза золотыми серьгами, ожерельями, связками жемчуга и другими редкими украшениями, стройные, статные, красивые.

Дастархан ломится от редких яств, сладостей, вареного холодного мяса, прохладительных напитков, словом, плодов семи планет.

Несколько певиц во главе со знаменитой Зубайдой Ханум – любимицей самаркандских женщин – играют на бубне, арфе, каноне¹, барбате, исполняют одну из известных песен знаменитого музыканта Гулома Шоди, полюбившуюся женщинам.

За певицами сидит, качаясь в такт музыке, прекрасная Шодиябегим – королева танца.

Ни на минуту не умолкают душевные беседы давно не видевшихся темуридов.

Наконец «большая мать» с достоинством кивнула головой и, глядя на женщин, пригласила их в комнату невестки, где был установлен полог, закрывающий угол, в котором сидела новобрачная.

Женщины, стоявшие сложив руки на груди, одна за другой, согласно возрасту и положению, прошли за Тархан Ханум и расселись на красных бархатных курпачах, постеленных на полу.

¹ Канон – струнный музыкальный инструмент типа цитры, гуслей.

– Кто откроет лицо невестки? – прозвучал вопрос, адресованный «большой маме». Та с улыбкой посмотрела на Кутлуг Нигорханум:

– Есть великий гость из Андижана, думаю, поручим это нашему Мирзе. Все хором поддержали ее предложение.

В это время Бабур Мирза во внутренних покоях для детей рассказывал друзьям-темуридам о своих впечатлениях от путешествия.

Постучали в дверь комнаты, где сидели ребята, и женский голос сообщил:

– Андижанского престолонаследника Бабура Мирзу хочет видеть его мать.

Бабур Мирза, извинившись, вышел во двор.

Командующий внутренними войсками дяди Хожасаро Сотим Никуз повел Бабура Мирзу в комнату, где была его мать.

Как только на пороге показался Бабур Мирза, женщины смолкли. Он вошел, поприветствовал всех и, склонив голову, уверенными шагами подошел к Кутлуг Нигорханум.

– Мамочка, я к вашим услугам, – сказал он звонко.

– Мой Мирза, мы просили привести вас по двум причинам. Первое – открыть лицо новой невестке поручено вам. Второе... а о втором – потом, сначала выполним первое, – ласково сказала мать.

Одна из женщин выбрала на дастархане самую красивую лепешку, воткнула в нее палочку таволги и подала Бабуру Мирзе, учтиво сказав:

– Откройте лицо невестки, мой шахзаде!

Бабур Мирза подошел к Хонзоде-бегим, поприветствовал ее, склонив голову, затем осторожно приподнял белый тонкий шелк, прикрывавший ангельское лицо невестки.

Женщины, увидев красивое, нежное лицо невесты, будто искупавшейся в молоке, ее румяные щеки, томные глаза, изогнутые длинные ресницы, не могли скрыть своего восхищения ее чарующей красотой, и в комнате многократно прозвучало: «Вуй-й-й!»

Хонзода-бегим взглядом подозвала Бабура Мирзу ближе и в знак благодарности поцеловала ему руки.

Соперницы Мехр Нигорханум, Тархон Бегим и Кутук Бегим еще до свадьбы слышали о ее красоте, но не думали, что она может быть столь прекрасна.

Нигорханум любовалась Бабуром Мирзой. Она разглядывала стройного племянника, его мужественное лицо, царственную одежду, которая была ему так к лицу! В браке с Мухаммадом Хусайном Курагона-дуглатой она родила дочь, но ведь женщина, не родившая сына, словно невольница... Она просила Всевышнего, чтобы одарил ее таким сыном, как Бабур Мирза...

Да, велика божья милость! Бог услышал мольбу Нигорханум. Только ни сегодня и ни завтра, а ровно через одиннадцать лет появился на свет ее сын, и еще какой! Как Бабур Мирза, темурид Мухаммад Хайдар Мирза, оставшийся в мировой истории как поэт, ученый-историк, видный военачальник. Не зря говорят: «Позавидовавшие достигнут желаемого».

...Кутук Бегим прошептала Тархон Бегим:

– Вот, милая сестрица, теперь год-два не увидим его высочества шаха, – она специально подчеркнула слова «не увидим».

Услышавшие это женщины громко рассмеялись.

Бабур Мирза в ожидании следующего задания сидел в нерешительности. Именно в это время его позвали.

– Мой Мирза, простите нас, мы заставили вас ждать. Теперь вторая наша просьба: мы просим вас пригласить сюда Ойишу Султонбегим, – сказала «большая мама».

Ойише Султонбегим на руках вынесли из комнаты девочек и посадили рядом с Бабуром Мирзой. Принц был в замешательстве, не зная в чем дело.

Кутлуг Нигорханум подозвала его к себе и сказала, улыбаясь:

– Мой Мирза, последнее задание заключается в том, что вы с благим намерением должны прикусить ушко Ойиши-ханум.

Бабур Мирза не колеблясь согласился: подошел к девочке, которая смущенно сидела, глядя в пол, осторожно прикусил ей мочку и бросился во двор. Веселые крики и рукоплескания женщин слышны были по всей округе. Изнеженная любимица родителей Ойиша-ханум заплакала, но никто не услышал ее плач...

«Большая мама» обратилась к сидящим:

– Вы видели рождение прекрасной феи, теперь прошу вас пройти на свои места.

Женщины послушно, улыбаясь, гуськом прошли в гостиную.

Музыканты и певицы начали исполнять свои веселые песни. «Большая мама» с подчеркнутым уважением пригласила Кутлуг Нигорханум. Та, выйдя на середину, приложила руки к груди, поприветствовала гостей и заказала «Тановар» – узбекскую классическую народную мелодию. Потом легко, игриво и грациозно начала танцевать...

Женщины, оживленные красивым танцем, приложив руки к сердцу, расхваливали ее:

– Стан ваш, фигура ваша очаровали нас. Пускай мы падём жертвой, мы ради вас готовы на всё!

Глядя друг на друга, они шептались:

– В искусстве танца никто не сравнится с андижанцами.

Пожилая стольница ловко и проворно угощает женщин яствами, старается угодить высокопоставленным гостям... Тегина Буга Тархан Ханум чутко следит за обстановкой в гостиной и подает ей знаки. Та молча кивает головой и выходит во двор.

Не прошло и минуты, как в прихожей появился покорный Сотим, готовый исполнить любое поручение «большой мамы». Поняв, он кивнул головой и направился в комнату, где сидели женщины, учтиво поприветствовал их, остановился напротив Кутук Бегим и сказал:

– Кутук-опа, около вашей комнаты вас ждут две женщины.

Кутук Бегим, услышав это, поправив прическу и одежду, вышла во двор...

Подойдя к своей комнате, она никого не увидела, кроме Сотима...

– Где эти твои женщины, которые ждали меня?! – сердито спросила она.

Растерявшийся Никуз с виноватым лицом промолвил:

– Кутук-опа, прошу простить меня! Это распоряжение «большой мамы».

Она сказала, чтобы вы отдохнули у себя в комнате.

От ядовитых выражений Кутук Бегим и змея сбросила бы кожу! Она дала волю языку, перейдя на прямые оскорбления Ходжасаро.

Очевидно, переполнилась чаша его терпения, и он высказался:

– Госпожа! На свадьбе тысячи женщин. Но ни одна из них не делает то, что делаете вы!

– Они не жены падишаха, они ничтожная мелочь, понял ты, рюха?

На что услышала:

– Вам следует знать, жены его высочества должны быть примером для всех!

А вы?.. А вы наносите ущерб авторитету его величества!..

– Убирайся! Прочь с моих глаз, мерин!!!

Ходжасаро, задетый за живое, ткнул пальцем в сторону Кутук Бегим:

– Ну погодите же! За такие слова ответите перед его величеством! – и, резко отвернувшись, ушел.

Но Кутук Бегим не унималась:

– Ты меня не пугай, я сама знаю, какой своей частью отвечать мужу, тошая кишка!

И тут она увидела «большую маму», которая, нахмурившись, стояла подбоченья. Кутук Бегим вмиг перестала кричать и, не оглядываясь, поспешила в свою комнату.

Недаром говорят: «То, что знает старик, не знает и пери». Беспокойство «большой мамы» имело основания, ибо некоторое время спустя Султан Ахмад Мирза в порыве гнева из-за длинного языка любимой жены, нелестно отозвавшейся о темуридах, задушил ее...

* * *

Радость и беда рядом всегда. Правду говорили мудрые люди.

Бабур Мирза целыми днями был занят детскими развлечениями, кроме того, выполнял разные поручения, и вдруг приболел. Родственники переполошились.

Бабур Мирза лежит, съжившись, от всего отказывается.

Кутлуг Нигорханум, обнимая любимого сыночка, проговорила:

– Мой Мирза с детства был чутким и мало спал. Он бы в такое время давно уснул, – поглаживая его голову, она спрашивала: – Мой Мирза, что вас беспокоит? Где у вас болит? Чего желает ваша душа?

Тыльной стороной она приложила руку ко лбу мальчика, с горечью отмечая, что у него высокая температура.

Бабур Мирза не прикасался ни к чему на богатом дастархане, лишь изредка пил холодный урюковый компот.

...А что же происходит? Женщины шушукались, что Султан Ахмад Мирза, сменив традиционный царственный наряд на простую одежду, превратился в обычного человека. Он впервые сидит рядом с Хонзодой-бегим за одним дастарханом, блаженствуя от несравненной красоты молодой суженой, сохраняя сдержанность и степенность. Душа шаха спокойна, как душа воина, который шесть месяцев держал осаду крепости и в конце концов одержал победу. После некоторые иронизировали, что шах расширяет свой гарем, ему не до государства... Но что же делать?! Шахи должны иметь продолжателей династии, наследников престола – сыновей!

Правда, в семье шаха появился на свет не один сын, а два, но бог дал им короткую жизнь, и они, не сделав ни шага, отправились к праотцам.

Любимая жена Кутук Бегим родила подряд четырех дочерей, теперь не может обуздать нервы и отводит душу зельем. Она стала капризной и взбалмошной, сумасбродной, неуравновешенной, с причудами. Избавление от этого искала не у благодетельного и милосердного Аллаха, а у каких-то заклинателей, знахарей, в пилюлях... Трудно, если сам Всевышний не окажет милость. Она хотела стать хозяйкой – «большой мамой» во дворце, но всё оказалось миражом.

Авось, бог смиростивится над новой семьей, и Хонзода-бегим подарит мужу наследников!

Хонзода-бегим сообщила шаху, что Бабур Мирза захворал.

Его величество прошел в свою комнату, взял молоточек, которым в редких случаях вызывал Сотима, и ударил по стальной тарелочке. Слуга не заставил повелителя ждать. Со двора послышался тонкий звучный голос:

– Готов к услугам, Ваше величество!

Повелитель дал ему несколько важных заданий.

– Хорошо... Будет сделано... Будет сделано... Оре, Оре.

Вскоре рядом с комнатой, где лежал Бабур Мирза, послышалось:

– Пришел хаким, женщин просим перейти в другую комнату.

В комнату вошли табиб¹ Малик Жавхари, которого называли Авиценной тогдашнего Самарканда, и учитель Бабура Мирзы Алп Баходир.

Бабур Мирза хотел встать, но табиб любезно подошел к наследнику престола, поздоровался с ним за руку и, положив ладони ему на плечи, попросил не двигаться. Проверив пульс, осмотрел руки, ногти, глаза, язык. Не обнаружив никаких симптомов болезни, достал из сумки белую фарфоровую посуду и попросил помочиться для анализа, продолжая беседу о коне Бабура Мирзы, о почтовых голубях, о его друзьях, оставшихся в Андижане.

Малика Жавхари удовлетворили результаты обследования. Его бородатое лицо просветлело, для уверенности он дал лекарство, посоветовав положить его под язык.

– Даст бог, как ваш Джигалтай, будете прыгать и скакать, – пообещал он.

Во дворе «современный Авиценна» вознес руки для молитвы.

– Дай бог, чтобы ваш ученик вырос настоящим богатырем, сейчас власти требуются такие люди! – сказал он, обращаясь к учителю шахзаде.

Малик Жавхари рассказал гостю из Андижана, что побывал во многих городах, но не пришлось пока бывать в Андижане.

– Не надо расстраиваться! Дорога до Андижана – всего пятьдесят йигочей. С божьей помощью, еще не раз сможете съездить в Андижан. Когда приедете к нам, сами убедитесь, что наша крепость по размерам и прочности занимает в Мавераннахре первое место после Самарканда. Земля у нас очень плодородная, климат хороший, здоровый, много садов. Слава о дынях и грушах Андижана достигла семи частей света. О монголах не буду упоминать, но покойный предводитель воинов ислама Кутайба ибн Муслим (ныне он покоится недалеко от города), видя изобилие даров на торговых лавках, с гордостью и удивлением говорил, что попал в рай.

Малик Жавхари, вдохновленный словами Алпа Баходира, пообещал в будущем году совершить поездку в Андижан и спросил, не там ли покоится великий ученый Ходжа Юсуф Анджони.

Алп Баходир с грустью ответил:

– Нет, господин табиб, его святость навеки осталась в Герате, – затем, приложив руки к груди, добавил: – Если вы действительно намерены приехать к нам, я сам встречу вас и буду рад сопровождать.

Алп Баходир проводил табиба Малика Жавхари.

По предложению Мехр Нигорхонум Бабура Мирзу решили лечить также особыми магическими приемами и заклинаниями от сглаза.

В Самарканде в списке самых известных знахарей числилась старая женщина по имени Солиха биби из махалли Огачи. Старушку вмиг привели во дворец. Она явилась с узелком и кривым посохом, так называемой палкой Моисея. Уже у входа во дворец она начала позевывать. Вошла мрачная, как туча, нахмурившаяся, с женщинами поздоровалась небрежно. Без лишних церемоний подошла к Бабуру Мирзе и села рядом. Потом долго-долго читала молитву. Развязывая свой узелок, она сказала, что принесла всё, кроме кулуха

¹ Табиб – лекарь.

(конусообразная шапка дервиша), и стала зевать так, что у нее чуть не отвалилась челюсть. Потом, выдвинув вперед острый подбородок, пробормотала:

– Ай-яй-яй! Очень сильно сглазили шахзаде.

Одна из служанок по просьбе старушки вышла во двор и принесла два-три кусочка сухой глины.

Женщины с большим любопытством рассматривали ее цветные камушки, веточки мелкоцветного шиповника, когти волка, змеиный выползень в небольшом пакетике, гармалу, семена чернушки, черные с белыми крапинками бусы, надеваемые от дурного глаза, еще какие-то амулеты в кожаном футлярчике и другие безделушки.

Солиха биби сухими жилистыми руками разминала голову, плечи, руки, ноги больного, приговаривая: «Сгинь, сгинь, сгинь», – потом громко отрыгивала, но не переставала зевать.

Зевота вскоре передалась и женщинам. В комнате зевали все – один за другим. Даже служанки, которые сутились во дворе, зевали, широко открывая рты.

Бабур Мирза, лежа, с удовольствием слушал забавную рифмованную и ритмичную «молитву» Солихи биби, слегка улыбаясь, когда она говорила: «Иди к мяснику, который лижет кровь», «Иди к мельнику в мельницу его», «Иди к собаке, что сгрызла волка»...

И действительно стали появляться признаки облегчения.

Процесс «лечения» продолжался ровно час. Потом она распорядилась: «Вот этой гармалой окуривайте, вот эту глину выбросьте во двор...», – в общем, сделайте то, сделайте се... Собрав свои «принадлежности», она вознесла руки для молитвы.

Ее одарили деньгами, всякими подношениями согласно обычаю. Солиха биби пообещав Мехр Нигорхонум и в дальнейшем оказывать услуги, радостно попрощалась как с близкими людьми. Мехр Нигорхонум почему-то спросила у нее, занимается ли она ворожбой, предсказаниями.

Солиха биби остановилась и ответила:

– Но-но! Гадание – не мусульманское дело, доченька! Этим занимаются цыгане. Мы – из племени огачей!

Бабуру Мирзе полегало, ближе к утру ему захотелось увидеть друга Абдуллоха, и он пошел в комнату для детей.

После свадьбы гости засобирались в дорогу.

В Накши Жахон и Боги Дилкушо было устроено славное угощение в их честь. Потом хозяева проводили андижанцев в Конирил. Каждому гостю в сундук уложили подарки, нагрузили караван дорогой самаркандской бумагой, книгами, привезенными из Багдада и Герата, разноцветным переливающимся бархатом, кишмишом, фисташками с полураскрывшейся скорлупой. Бабур Мирза, сидя на своем Джигалтае, охваченный заветными мыслями, повторял про себя: «Когда же я вновь увижу Самарканд?»

Перевод с узбекского автора и Камилджана ДЖУРАЕВА

Камилджан ДЖУРАЕВ (1946 – 2022) – переводчик с узбекского языка на русский. Литературовед, доктор филол. наук. Проживал в Андижане.

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ФОРМАХ НАЦИОНАЛЬНОГО В КОМПОЗИТОРСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Алина КУТЛУЧУРИНА

Наряду с социальными, политическими и экономическими новациями в Узбекистане творчество композиторов республики последних десятилетий тоже отмечено появлением новаторских произведений, новых техник письма музыки (сонорика, микрохроматика, алеаторика, минимализм, модальность, додекафония), новых средств претворения монодийных (традиционных) принципов музыкального мышления, интересом к новейшим системам и неординарным формам (идеям и принципам) для выражения национального. Наблюдаются также попытки синтезирования музыкальных идей Востока и Запада, поиск диалога культур.

Можно с уверенностью сказать, что в композиторском творчестве наблюдается значительный сдвиг, характеризующийся становлением нового этапа в формировании национального музыкального языка. Этот процесс находит отражение в переосмыслении всех языковых параметров – лада, метроритма, интонации, фактуры и формы. Если раньше представители старой композиторской школы (Акбаров, Бурханов, Таджиев, Ашрафи, Козловский, Мушель, Юдаков и др.) для создания национального использовали распространенные приемы фольклорного или традиционного цитирования, обращались к темам, отражающим образцы народной или изустно-профессиональной музыки, применяли принципы квартетно-квintовой организации для обработки какого-либо узбекского мелодического материала, вводили усугубленные, заимствованные из макамов или песенного фольклора узбекской музыки, то сейчас современные композиторы для отражения национального находят новые идеи и формы, что обуславливает обновление не только национального музыкального языка, но и шире – общевоосточного.

Современная композиторская школа Узбекистана является яркой и развивающейся, сильной и талантливой, самобытной и плодотворной, корнями уходящей в узбекскую традиционную музыку, в творчество таких ее представителей, как Ф. Янов-Яновский, Р. Абдуллаев, Х. Рахимов, А. Мансуров, М. Бафоев, М. Махмудов, Н. Гиясов, А. Эргашев, А. Варелас, Д. Сайдаминова, М. Отажонов, Д. Янов-Яновский, А. Ким, Д. Шукур, П. Медюлянова, О. Абдуллаева, Х. Хасанова, а также молодых представителей, таких, как Н. Эркаев, В. Хандамян, Ф. Акрамов, Ш. Собиров, Н. Махаров, А. Сафаров и др.

Алина КУТЛУЧУРИНА родилась в 1991 г. в Ташкенте. Окончила Государственную консерваторию Узбекистана (ГКУз) по специальности «Музыковедение». Доктор (PhD) искусствоведения ГКУз, базовый докторант (DSc), старший преподаватель кафедры теории музыки ГКУз.

Узбекская традиционная музыка – самостоятельная монодийная профессиональная ветвь музыкального искусства Востока, представляющая собой неисчерпаемое множество определенных жанров и форм. Это субстанция, питающая творчество современных композиторов. В недрах традиционного монодийного творчества впервые зародились и получили дальнейшее развитие базовые принципы музыкального искусства. Так, например, впервые осмыслен звук и его значимость, а также другие средства музыкальной выразительности – лад, мелодия, ритм.

Монодию можно рассматривать в рамках узбекской и восточной музыкальной культуры и как всеобщее мировое интернациональное явление, понимаемое не только как одноголосный склад, как тип фактуры, но и как тип мышления. Ю. Н. Холопов справедливо отмечал: «Если взять всю музыку в целом, то окажется, что модальная монодия может быть признана количественно преобладающим типом лада, ладовой организации. Она свойственна древнегреческой музыке, древним восточным, африканским, европейским культурам, народной музыке всех стран, грегорианским мелодиям, древнерусским распевам, а также – в составе многоголосной ткани – европейской полифонии и гомофонии. Новый импульс к развитию модальное одноголосие получило в музыке XX века»¹.

Сегодня композиторское творчество Узбекистана вступило в этап создания не просто национального, а общевосточного музыкального языка, в синтезирование современного и традиционного, рационального и эмоционального, западного и восточного, монодийного и многоголосного, национального и интернационального («Соната в форме вариаций» и «Узоры» Н. Гиясова, «Посвящение Табору» М. Бафоева, «Импровизация и токката», «Awakening», «Night music: voice in the Leaves», «Chang-music» и «Притчи» Д. Янов-Яновского, «Мозийдан садо» А. Мансурова, «Мираж» Д. Сайдаминовой, «Акс садо» и «Color» Д. Шукурова, «Эпитафия» О. Абдуллаевой, «Ильтижо» П. Медюляновой, «Музыка для гобоя и ударных» Н. Эркаева, «Рубайат» Н. Махарова, «Сайкал» Ш. Собирова² и др.).

Важной составляющей монодийного (традиционного) музыкального мышления является медитативность. В связи с этим сформировалось новое отношение к категориям пространства и времени. Нарушена классическая драматургия сочинений – i:m:t. Есть начало – вступление, далее не развитие, а пребывание в одном состоянии («дление»), затем кульминация и завершение, подобно макомной драматургии (даромад, миенхат, или дунасер, аудж, или намуд, фурувард).

Такие сочинения, как «Awakening» Д. Янов-Яновского, «Акс садо» и «Color» Д. Шукурова, «Ильтижо» П. Медюляновой, «Мираж» Д. Сайдаминовой и др., отличаются медитативностью – характерным качеством восточного образа мышления, – обуславливающей философскую сосредоточенность,

¹ Холопов Ю. Н. Гармония. Теоретический курс. – М., 1988, с. 161.

² Исследованию композиторского творчества Узбекистана на современном этапе в контексте монодийного и современного мышления способствовали следующие труды: А. Н. Азимова, Вопросы синтаксиса восточной монодии; Х. С. Кушнарёв, Вопросы истории и теории армянской монодийской музыки; С. П. Галицкая, А. Ю. Плахова, Монодия: проблемы теории; А. В. Свиридова, Монодийские принципы ладообразования в инструментальном тематизме Д. Шостаковича; С. Т. Фархадова, Муга. Монодия как тип мышления; Е. А. Темина, Теоретические вопросы взаимодействия музыкальных систем устной и композиторской традиции в регионе Востока (на материале творчества М. Ашрафи); И. К. Кожобеков, Ладовая система казахской песенной монодии: теории и методологии; Э. Денисов, Современная музыка и проблемы эволюции композиторской техники; Б. Кац, О музыке Бориса Тищенко; М. Гумаров, Вопросы исполнительской интерпретации современных фортепианных сочинений композиторов Узбекистана.

интровертность, погруженность, самоуглубление и размышление, медленную текучесть, растворенную во времени в пространстве. Здесь можно провести параллель с современной французской музыкой, где «стремление запечатлеть прекрасное мгновение обусловило в музыке «длящиеся состояния», воплощающиеся в вибрирующих переливах звукопространства. Внутренняя логическая оформленность, соразмерность частей целого в лучших произведениях современной французской музыки открыла путь вариабельной, открытой форме, в которой завершение полностью сливается с прекращением»¹.

Современные композиторы для претворения национального выбирают новые приемы и формы:

- изучение и осмысление макамов, их звукорядов (тетрахордов, звуковых ячеек) и введение их синтезированием и комбинированием в свои сочинения;
- создание тем, интонация, характер, форма и содержание которых заимствованы из макомного или узбекского песенного народного наследия, с медленным развертыванием музыкальной мысли;
- создание новых форм фактуры или модификация (переосмысление) прежних;
- создание формы с использованием макомной драматургии, где кульминация приходится на III четверть формы;
- имитирование восточных инструментов тембрами европейских или наоборот;
- фрагментарное введение импровизационных монодийных (одноголосных) тем-цитат в виде вставок (каденция солиста);
- введение в симфонический оркестр традиционных узбекских или – шире – восточных инструментов;
- введение и использование звуковысотности, выходящей за пределы темперированного строя (микрохроматика);
- синтезирование традиционных и современных приемов мышления путем использования новых техник музыкального письма (сонорика, додекафония, модальность, алеаторика, минимализм);
- создание новой музыкальной ткани (фактуры) в связи с иным отношением к звуку (звук как национальный, структурологический, тематический, акустический, интертекстуальный элемент). Претворение новых форм существования звука, полученных с помощью особых приемов звукоизвлечения на традиционных узбекских или восточных инструментах.

Новые формы национального ярко проявляются в фактуре и звуке (как части фактуры).

Фактура как пространственно-временной комплекс является одним из базовых факторов, в котором проявляется специфика монодийного (традиционного) мышления. В творчестве композиторов Узбекистана фактура модифицируется. Функционируют такие ее виды, как монодия (чистое одноголосие), гетерофония и многоголосие. Монодия представлена как монодия-цитата, монодия-стилизация и монодия-фрагмент (чистое одноголосие дается фрагментарно, как вставка, например, «Мираж» Д. Сайдаминовой). Появляются новые формы гетерофонии (хроматизированные дублировки, тритоновые параллелизмы, фактурные формы сонорной музыки: линия, полоса, поток, россыпь, точка, пятно, фактурное вибрато, например, «Акс садо», «Interaction», «Колор» Д. Шукурова). Многоголосие бытует в таких видах, как микрополифония,

¹ Мелик-Пашаева К. Пространство и время в музыке и их преломление во французской традиции // Проблемы музыкальной науки. Сб. статей. Вып. 3. – М., 1975, с 478.

импровизационно-вариантное многоголосие, квазиполифония тембров, декорированная фактура, комплементарно-сонорная полифония, ритмическая полифония, дискретная фактура («Дивертисмент» и «Awakening» Д. Янов-Яновского).

Современные композиторы в корне поменяли свое отношение к звуку.

В их творчестве звук расценивается в первую очередь как носитель «национального», что подразумевает имитирование восточных инструментов тембрами европейских или звучание европейского инструментария тембрами восточных («Музыка для гобоя и ударных» Н. Эркаева), введение традиционных (восточных) инструментов в симфонический оркестр («Пьеса для дутара и оркестра» Д. Янов-Яновского), внутреннее осмысление и понимание монодийного музыкального творчества. Особое отношение к звуку, обыгрывание, мерцание, переливание, расщепление, удаление, приближение, затухание, высвечивание, многократное повторение в медленном разворачивании музыкальной мысли – всё это характерно для исполнения восточной монодийной музыки, олицетворяющей пребывание в ином пространстве и времени. Звук и его самодовлеющее выразительное воздействие в творчестве композиторов Узбекистана неразрывно связаны с новым ощущением пространства и времени, характеризующимися прежде всего медитативностью. Свойство медитативного начала проявляется в экспонировании длящегося континуального звука.

Таким образом, новые формы существования звука – это приемы, исходящие от восточных инструментов; приемы «Vibrato», «репетиция» «глиссандо», «континуальный звук» и др.

Композиторское творчество Узбекистана последних десятилетий, развивающееся на базе богатой и самобытной традиционной узбекской музыки, заявило о себе как обновляющееся и развивающееся искусство, экспериментирующее, находящееся в поиске новых форм претворения не только национального, но и общевосточного.

ОТ СВИТКОВ ДО СОЦСЕТЕЙ: ИСТОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Умеда СУЛТОНОВА

Межкультурная коммуникация является ключевым фактором развития цивилизаций на протяжении всей истории человечества. Ее истоки уходят в глубокую древность, когда обмен информацией только начинался, в мир с первыми примитивными знаками и символами.¹

Способы наладить диалог между разными народами и культурами формировались в течение веков. Человечество эволюционировало в способе общения от первых письменных свитков до современных цифровых платформ. Каждый новый этап коммуникации приносил не только технологические изменения, но и глубокие культурные преобразования. Торговые пути (например, Великий шелковый путь) становились не только маршрутами движения товаров, но и каналами передачи идей и традиций. Древние цивилизации обменивались знаниями и опытом, что обуславливало развитие науки, искусства и философии. Этот многовековой процесс помогал людям лучше понимать друг друга, преодолевать барьеры и строить мосты доверия.

Сегодня благодаря современным технологиям общение между культурами стало мгновенным и доступным для каждого. Однако, несмотря на все достижения, проблемы взаимопонимания остаются актуальными и требуют новых подходов.

История межкультурной коммуникации учит нас тому, что диалог и обмен опытом являются залогом устойчивого развития общества на всех этапах межкультурного общения на протяжении веков.

В далекие времена общение, как известно, осуществлялось с помощью жестов, символов и примитивных знаков, которые позволяли передавать базовые знания. Для фиксации событий и передачи опыта будущим поколениям ранние племена использовали наскальные рисунки и петроглифы. Со временем появились первые системы символов, ставшие прототипами письменности.

Древние цивилизации, такие как шумеры, египтяне, китайцы, разработали собственные формы письменного общения, что стало революционным шагом

---

¹ Захарова В. И. Значение межкультурной коммуникации в развитии человеческой цивилизации // Коммунология: теория и методология (электр. ресурс: [file:///C:/Users/User/Downloads/znachenie-mezhkulturnoy-kommunikatsii-v-razvitii-chelovecheskoy-tsivilizatsii%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/znachenie-mezhkulturnoy-kommunikatsii-v-razvitii-chelovecheskoy-tsivilizatsii%20(1).pdf)).

Умеда СУЛТОНОВА – старший преподаватель кафедры романо-германских языков Университета мировой экономики и дипломатии РУз. Автор нескольких десятков научных статей, учебного пособия, юридического словаря (в соавторстве).

в истории человечества. Эти письменные системы позволили фиксировать не только хозяйственную, но и культурную информацию, способствуя обмену идеями и знаниями. Торговые пути (особенно знаменитый Великий шелковый путь) стали живыми артериями межкультурного взаимодействия. Караваны, пересекавшие огромные расстояния, перевозили не только товары, но и рассказы о далеких землях, религии и традициях. Контакты между народами стимулировали развитие ремесел, архитектуры, искусства, позволяя культурам взаимообогащаться. Дипломатические и торговые миссии становились важными мостами между разными цивилизациями. Взаимообмены способствовали распространению знаний, технологий и философских идей, стремлению адаптировать, перевести на другие языки многие понятия. Всё это оказывало влияние на дальнейшее развитие общества.

Ранние формы перевода и адаптации иностранных терминов показывали стремление к взаимопониманию даже в условиях технологической отсталости. Эти процессы заложили фундамент для последующего возникновения сложных систем письменного перевода и международного общения.

Таким образом, истоки межкультурного общения представляют собой уникальное сочетание и эволюцию символических знаков, артефактов и традиций, передаваемых из века в век. Они свидетельствуют, что стремление к диалогу и обмену опытом было неотъемлемой частью человеческой природы с самых ранних ее проявлений. Сегодня эта древняя традиция продолжается, используются современные технологии для преодоления границ и объединения культур.

Великие географические открытия XV – XVII вв. ознаменовали перелом в истории межкультурного общения. Экспедиции Христофора Колумба, Васко да Гамы, Фернана Магеллана и других путешественников не только открыли новые земли, но и кардинально изменили представление о мире. Новые маршруты объединили Европу, Азию, Африку, обе Америки, способствуя обмену товарами, идеями, культурными традициями. Этот период стал отправной точкой в формировании первых глобальных связей, при которых торговля шла рука об руку с культурным обменом.

Значительный вклад в этот процесс внесла Азия. Восточные цивилизации, обладая богатым опытом в области мореплавания и торговли, активно участвовали в международном диалоге. Китай, Индия, Япония, страны Юго-Восточной Азии поставляли миру не только уникальные товары, (пряности, шелк, фарфор), но и делились своими научными и технологическими достижениями. Такие изобретения, как компас, порох, бумага, сыграли ключевую роль в развитии человеческой цивилизации.

Морские экспедиции открывали новые горизонты для стран Европы и Азии.

Азиатская культура с ее древними традициями и философией оказала серьезное влияние на европейское мышление, стимулируя развитие искусства, науки, религии.

Одновременно с расширением и появлением новых торговых маршрутов миссионеры, переводчики и ученые активно способствовали распространению знаний и обмену ими. Изобретение книгопечатания в XV в. стимулировало распространение переводов религиозной, научной, художественной литературы, делая их доступными для широких масс¹, что стало мощным инструментом для формирования единого информационного пространства, где идеи и традиции различных культур пересекались и взаимно обогащались.

¹ Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. – М.: Альфа-М, 2004.

Встреча различных цивилизаций обуславливала не только обмен опытом, но и столкновение интересов, что зачастую приводило к принудительному навязыванию традиций и культурным разногласиям.

Таким образом, эпоха открытий и глобальных связей (XV – XVII вв.) представляет собой сложный жизненно важный этап в истории человечества, когда взаимное влияние и противоречия стали основой для формирования современного глобального мира.

Индустриальная революция и последующее развитие технологий стали новым этапом в истории межкультурной коммуникации. Изобретение телеграфа, телефона, а затем радио и телевидения связало дальние культурные миры практически в реальном времени.

Первые международные радиопередачи (такие как «BBC World Service») начали формировать общее информационное пространство. Но настоящая революция произошла с появлением Интернета, когда связь стала мгновенной и доступной для миллионов. Современные цифровые технологии открыли новые возможности для культурного обмена и взаимообогащения, делая информацию более доступной и разнообразной.

Ярким примером такого интегративного подхода стал Ташкентский международный кинофестиваль. Этот фестиваль вот уже десятки лет не только демонстрирует фильмы всего мира, но и активно использует цифровые платформы для трансляции и обмена культурными ценностями. Он стал местом встречи представителей кинематографической индустрии разных стран, способствуя взаимопониманию и межкультурному диалогу. С помощью онлайн-трансляций и социальных сетей фестиваль привлекает широкую аудиторию, объединяя восточные и западные традиции в одном общекультурном пространстве, являясь примером того, как современные технологии могут способствовать созданию глобального диалога и формировать культурное богатство в эпоху цифровых коммуникаций.

История межкультурного общения демонстрирует, что стремление к диалогу было и остается движущей силой развития цивилизации. Технологические достижения XX века ускорили коммуникацию и сделали ее более доступной. Появление Интернета и социальных сетей радикально изменило формат общения, превратив его в мгновенный глобальный диалог.

Современные технологии открывают новые возможности и одновременно требуют уважения к культурной идентичности каждого народа. Они служат мощным инструментом укрепления взаимопонимания и обмена опытом в условиях глобализации.

Таким образом, история межкультурной коммуникации является отражением вечного стремления людей к объединению и сотрудничеству, созданию более гармоничного мира, где разнообразие станет источником силы, а диалог – ключом к взаимопониманию.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗОВ А. НАВОИ

Татьяна ФАДЕЕВА

Инсталляция «Из песка в песок», созданная по мотивам поэмы Алишера Навои «Смятение праведных», состоит из четырех композиций: «Заброшенный в песках город», «Путники», «Круговорот времени» и «Стремление». В арт-объектах поднимаются вечные вопросы бытия, веры, силы добра и нравственности.

Задумка объемно-пространственной композиции «Из песка в песок» родилась по мотивам дидактической поэмы Алишера Навои. Великий писатель, суфий, основоположник узбекского литературного языка, А. Навои обладал особенным даром изложения мысли, достигая глубины человеческого сознания. Я выбрала данное произведение в качестве выпускной квалификационной работы, задумав поэкспериментировать с формами и визуальным способом подачи материала. Так появился замысел создать по мотивам поэмы Навои инсталляцию.

Юрий Александров отмечает: «Сам факт выбора и удивляет, и настораживает, и интригует. <...> Театральные формы поэтической интерпретации разноплановы, разнообразны и очень разработаны. Но как экранизировать поэзию? Как на экране передать то, что поэт вмещает в строку?»¹

Пришлось много поработать над сюжетом, собрав притчи, из которых состоит поэма, в единую линию посредством введения дополнительных персонажей в сценарий – группы странствующих по миру слепцов. Они – олицетворение первозданной чистоты, не испорченной картинами реального мира, с одной стороны, и метафоры, воздействующей на наше сознание, зачастую не отражающей очевидных вещей, с другой. Они бредут по пустыне, ориентируясь на звук моря, символизирующий источник мудрости. Дорога – жизненный путь бредущего в непроглядной тьме, испытывающего жажду знаний. У странников есть зрячий мальчик, пока не умеющий разговаривать, но наделенный духовными качествами своих родителей. Ребенок здесь – символ разума и ясности, не всегда реализующихся с помощью слов.

Пройдя через добро и зло, странники добиваются до заветного источника, но испытывают разочарование, поскольку он оказывается лишь иллюзией – пустым звуком, издаваемым древней раковиной на дне давно высохшего русла реки.

¹ Ю. В. Александров – театровед, театральный критик, преподаватель истории театральной культуры. Из его рецензии на дипломную работу Т. В. Фадеевой в Национальном институте искусства и дизайна им. К. Бекзада.

Татьяна ФАДЕЕВА – доцент кафедры театрально-декорационной живописи Национального института искусств и дизайна им. К. Бекзада, член Союза художников Узбекистана и Профессионального союза художников России.

В результате соприкосновения зрячего мальчика с реальным миром происходят глубокие психологические изменения в душе юного создания. Не найдя счастья, познав фальшь, поняв, что подобных миражей, затерянных в пустыне, как звезд на небе, он тем не менее твердо намерен найти истинный источник.

Инсталляция «Из песка в песок» представляет несколько арт-объектов, входящих в состав общей экспозиции: «Заброшенный в песках город», «Путники», «Круговорот времени» и «Стремление».

Композиция «Заброшенный в песках город». В VII – VIII веках арабские завоеватели называли землю древнего Хорезма, где теперь располагается безлюдная пустыня Кызылкум, «Страной тысячи крепостей». Исследователи предполагают, что здесь некогда протекала река Амударья, которая за всю историю своего существования неоднократно меняла русло.

Без воды селения превращались в руины, затерянные в безжизненных просторах пустыни.

Археологи находят множество древних городищ, одно из которых послужило прототипом композиции «Заброшенный в песках город». Это крепость Кой-Крылган-кала¹, представляющая собой остатки древнего хорезмийского сооружения, находящегося в Элликалинском районе Каракалпакстана. Это один из главных памятников зороастризма, сооружение для погребального и астрального культов древнего Хорезма IV в. до н. э. Предполагают, что здесь функционировала астрономическая обсерватория.

Второй прообраз старинного города – древняя раковина, потерянная своенравной и величественной рекой, обезвоженная и заостенелая. По легенде, шум воды, в которой она некогда обитала, остается жить в раковине вечно, его можно услышать. Именно эти обманчивые звуки, издаваемые ветром в пустой раковине при поднесении ее к уху, сбили с пути главных героев.

Здесь уже не живут люди. Но сохранились их поступки, пороки, желания, мечты, традиции... Ими и заселен город фантазий и иллюзий – морская раковина в сердце бескрайней пустыни. Она – частичка океана, и не являясь им, сохранила в себе манящий звук прибоя, обещая сбыться самой сокровенной мечте жителей знойной пустыни. Раковина – мертвая и окаменевшая, во чреве которой давно гуляет песчаный ветер, но звук в ней обманом привлекает охотников за иллюзией. Раковина – город, заброшенный, с исчезнувшими цивилизациями, забытыми людьми, питающийся амбициями и безумием. В нем – люди-мираж, люди-сон, люди, которых нет.

Из глины первозданной сотворен,
Он формой совершенной наделен.
На двух столпах саманных город тот
В себе самом вселенную несет.²

Еще одна поэтическая метафора города, подобно далекой галактике затерянного в просторах пустыни-вселенной, это спираль – символ бесконечности. Строения из мельчайших элементарных частиц, образования из горячих звезд и газово-пылевой материи, вращения вокруг ядра звезды и межзвездного вещества, многие галактики, в том числе Млечный путь, спиралеобразны.

¹ Предположительно, сооружение было возведено в IV – III вв. до н. э., затем было разрушено сакскими племенами на рубеже II в. до н. э., затем вновь возродилось. Обнаружено городище в 1938 г. Хорезмийской археологической экспедицией под руководством С. П. Толстова; систематически памятник изучался в 1951 – 1957 гг., когда был полностью раскопан.

² Навои А. Собр. соч. в 10 т. Том 3. Смятение праведных. – Т., ФАН, 1970.

Композиция «Путники» включает десять пар рук. Рукава вырастают из грубой ткани с вырезанными пустыми проемами вместо лиц.

«Рука – самый красноречивый орган человеческого тела, переоценить значение которого невозможно. Язык руки, выражающийся через жесты, появился задолго до возникновения членораздельной человеческой речи»¹, – рассуждает О. Вовк. Люди на протяжении всего своего существования уделяли большое значение данному символу. Стоит упомянуть в качестве примера многоруких богов и героев древних мифов и легенд, будь то сторукие великаны, сыновья Урана и Геи, четырехрукий Брама или восьмирукий Шива. Согласно разным религиям, семантика рук несет в себе самые разные, порою противоположные значения. «В древнем Египте рука Атут² – символ плодородия. В библейской легенде о пире Вальтасара таинственная рука, материализовавшаяся в воздухе, начертала слова, пророчившие гибель Вавилону, отданному Богом во власть персам. У мусульман ладонь Фатимы, дочери Мухаммеда, символически отражает пять основ ислама: веру, молитву, пост, паломничество и милосердие»³. Раскрытая рука – древний амулет, оберегающий странников от злых сил.

На кистях изображены буквы – символ человеческой тяги к изучению мира. Младенцы протягивают ладошки, исследуя окружение, а взрослые люди, пробираясь в темноте, полагаются на чувствительность своих рук.

Прорехи вместо лиц странников означают человеческое неведение и слепоту. Наш ум ограничен, а жизнь конечна. Люди, как правило, на ощупь передвигаются по ее таинственным лабиринтам в кромешной тьме и неведении.

Композиция «Путники» крепится к висящим в пространстве посохам, символизирующим бесконечность движения жизни и всего сущего.

Они – в пути, и пот на лицах их
Непостижимее глубин морских.
Они несут свой путеводный свет
Всем заблудившимся в долине бед.⁴

Композиция «Круговорот времени». Самый чистый человек – ребенок, созданный непорочным. Это сырая, но совершенная материя. Судьба же поступает по своему усмотрению, выделяя определенные пропорции добра и зла при формировании личности. До сих пор дитя было ограждено от превратностей окружающего мира благодаря чистоте своих родителей, которые определяют направление движения (странствия) своим сердцем.

Они несут свой путеводный свет
Всем заблудившимся в долине бед.
В иклинах мира их путей черта
От всякой ложной мудрости чиста.⁵

Но судьба, как фокусник и лицедей, предоставила возможность повзрослеть ребенку за одну ночь. Ребенок начинает понимать, насколько велик контраст между жестоким реальным миром и светлым, счастливым, искренним миром его семьи.

В городе странники сталкиваются с описанной в произведении «Смятение праведных» толпой шутов, олицетворяющих все пороки, искушающие человека

¹ Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. – ИД «Вече», 2006. – 333 с.

² Рука Атут для египтян – знак плодородия, помогающий выходу из тела первородного бога. Есть очень много фото с египетских раскопок, где фигурирует такой знак.

³ Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. – ИД «Вече», 2006. – 335 с.

⁴ Навои А. Собр. соч. в 10 т. Том 3. Смятение праведных. – Т.: ФАН, 1970.

⁵ Там же.

с рождения. Это встреча ставит мальчика перед необходимостью выбора: принять путь познания духовной истины или смириться с жестокими правилами материального мира, окунуться в наслаждение, сузив бесконечность до одного мгновения жизни, или погрузиться в глубину своей души, обнаружить в ней целую вселенную, навсегда закрыв глаза на манящий мир алчности, гордости, пороков.

На горизонте шествует народ,
Он праздновать бесчестие идет.¹

Композиция «Круговорот времени» представляет собой два глиняных прямоугольных возвышения, символизирующих начало и конец пути.

На одном подиуме – ножки ребенка задорно скачут по песку. На втором – стопы взрослого человека, одна из которых опрокинута, из нее высыпан песок, по которому некогда вновь пробегут детские ножки.

В данной инсталляции – размышления на темы: бесконечная смена поколений, возникновение тела из песчинки и возвращение его материи, планете.

Композиция «Стремление» представляет фрагмент восточной глинобитной стены, через проем которой видна пустая клетка для перепелок. На стене рисунок ребенка – птица в свободном полете. Главная идея инсталляции (даже в, казалось бы, ограниченном физическими параметрами пространстве голы) – мысль должна быть свободна, как птица.

Основными материалами, использованными для создания данных композиций, являются земля и песок.

Зыбкие песчинки пустыни как отражение неба со столь же бесчисленным количеством звезд. Они дают пищу для фантазий, такие маленькие и хрупкие, делают цемент крепким. Из глины был создан первый человек. Она кормит и обогрывает людей на протяжении многих тысячелетий.

Глиняная стена сохраняет тепло и домашний очаг, в глиняном тандыре выпекают душистый хлеб, глиняный кувшин хранит в себе прохладу, а свистульки из глины забавляют детвору.

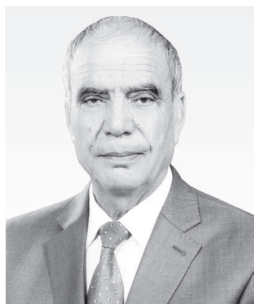
В заключение хочется отметить, что творческий потенциал визуального воплощения темы не исчерпан. Круговорот времени возвращает к более глубинному ее осмыслению. В процессе работы сложился особый самодостаточный язык художника, что расширило горизонты изобразительного ряда и сделало возможным реализацию проекта в виде альтернативных форм искусства, будь то инсталляция, живопись или видео-арт.

Как отмечал Ю. Александров, «самое главное в работе... – умение выразить интуицию. Легко объяснить символику белых кистей рук на фоне матерчатых балдахинов, легко ответить на вопрос, что означает песок, стопы ног, оторванных от тела, что значит азиатский дувал, морская раковина, театральные лохмотья. Каждый из этих символов <...> становится многозначным, символизм превращается в образность, арифметика становится алгеброй.

Что написал А. Навои – философскую поэму или поэтическую философию? <...> Т. В. Фадеева предлагает своеобразный и оригинальный ход соединения умозрительности и эмоциональности, поэзии и философии, абстракции и обыденной реальности. <...> В нем выразились и ее личное мировосприятие, и ее понимание биографии, творчества А. Навои, и ее интерпретации вечных философских проблем: что жизнь перед лицом смерти? куда и зачем мы должны двигаться? куда мы можем и хотим идти? песок – время, время – песок, всё течет, всё изменяется, не меняется самое главное – любовь, доброта, праведность. Жизнь»².

¹ Навои А. Собр. соч. в 10 т. Том 3. Смятение праведных. – Т.: ФАН, 1970.

² Александров Ю. В. Рецензия на дипломную работу студентки второго курса магистратуры отделения «Художник телевидения» Национального института художества и дизайна им. К. Бехзада Фадеевой Т. В.

СМЫСЛ ЖИЗНИ – В БЕССМЕРТИИ...

К 100-летию профессора Т. Х. Хамидовой

Кодиржон НОСИРОВ

Будущий профессор Наманганского государственного педагогического института (ныне – НамГУ), доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки Республики Узбекистан, член Союза писателей Узбекистана Турсунной Хакимовна Хамидова родилась в 1925 году в селе Сарой Туракурганского района Наманганской области в семье служащего. Из пятерых детей в семье старший сын со временем станет министром энергетики Узбекистана, другой – известным ученым, академиком; третий – будет работать на руководящих должностях в различных хозяйственных учреждениях. Две дочери стали докторами наук, профессорами.

Детство и отрочество Турсунной Хакимовны прошли в Ташкенте. Окончив филологический факультет Ташкентского государственного педагогического института им. Низами, в 1950 – 1960 гг. Т. Х. Хамидова работает в Андижанском педагогическом институте на кафедре русской и зарубежной литературы. С 1962 г. почти 40 лет проработала в Наманганском государственном педагогическом институте (ныне НамГУ). Как преподаватель и заведующая кафедрой, проректор по науке она оставила неизгладимый след в истории университета и памяти своих коллег.

Защитив кандидатскую диссертацию по творчеству В. Овечкина в Институте мировой литературы, Т. Хамидова все свои силы и знания посвящает изучению актуальных проблем межнациональных литературных связей (в 1960 – 1962 гг. в должности старшего научного сотрудника Научно-исследовательского института языка и литературы Академии наук Узбекистана).

Докторская диссертация Т. Хамидовой «Русско-узбекские литературные связи периода Великой Отечественной войны» посвящена конкретно русско-узбекским литературным взаимодействиям. В одноименной монографии представлен богатейший материал о деятельности писателей и литературоведов, эвакуированных в Узбекистан в военные годы, таких как А. Толстой, Н. Погодин, А. Ахматова, В. Луговской, К. Чуковский, И. Бехер, Э. Огнецвет, М. Голодный, И. Уткин, Е. Дорош, Я. Колас, С. Городецкий, Б. Лавренёв,

---

Кодиржон НОСИРОВ – литературовед, переводчик. Родился в 1947 г. в Наманганской области. Окончил факультет русского языка и литературы НамГУ. Кандидат педагогических наук, профессор НамГУ. Автор ряда монографий, учебно-методических пособий и сотен научно-популярных статей. Лауреат Международного пушкинского конкурса, обладатель медалей им. Абая, им. Ч. Айтматова. Член СП Узбекистана.

В. Иванов, К. Зелинский, А. Дейч, А. Эфрос, В. Жирмунский, Л. Пеньковский, Д. Благой, Л. Бать, С. Тагер, М. Терешенко, Эмиль Мадарас, Шандор Тергей, Ондра Лысогорский и др. Все они, включенные в Союз писателей Узбекистана, вели обширную и важную литературно-пропагандистскую работу, участвовали в совместных с узбекскими коллегами творческих акциях, активно публиковались в местной печати, переводили на русский язык произведения узбекских писателей. Т. Хамидова скрупулезно исследовала их деятельность, собрала, проанализировала и оценила огромный фактический материал.

В диссертации и последующей монографии отдельные главы посвящены выдающимся деятелям литературы А. Толстому, И. Уткину, П. Герману, К. Чуковскому, Н. Погодину в период их жизни в Узбекистане, при этом раскрываются не только их творческие контакты с узбекскими коллегами, но и литературно-организаторская работа.

Так, К. Чуковский представлен как сказочник, публицист, ученый, выступающий с литературно-критическими статьями, редактор и организатор творческих сил в области детской литературы. Немало внимания уделено и анализу переводов произведений Чуковского на узбекский язык.

Особенно интересной, по моему мнению, является третья глава книги «Н. Погодин и музыкальная драма “Меч Узбекистана” (к вопросу о соавторстве)», в которой рассматривается факт участия известного русского драматурга в создании музыкальной драмы в соавторстве с Х. Алимджаном, Уйгуном, С. Абдуллой. История создания этой драмы в изложении Т. Хамидовой выглядит довольно интересно, в меру занимательно и поучительно. Занимательность не только в своеобразном изложении материала, а и в том, что текст этого произведения, премьера которого состоялась 29 апреля 1942 г. на сцене театра им. А. Навои, был утерян. Т. Хамидова по крупицам собрала материалы об этой драме в государственном и частном архивах, беседовала с людьми, участвовавшими в постановке пьесы. Ей удалось восстановить текст пропавшего было произведения.

Тщательная текстологическая работа обнаруживает много интересного о работе соавторов над произведением, о том, как шлифовался сюжет, совершенствовалась композиция произведения, т. е. читатель проникает в совместную творческую лабораторию больших мастеров искусства слова.

В этом спектакле были заняты известные актеры Мукаррам Тургунбаева, Боборахим Мирзаев, Карим Закиров. В 1942 – 1943 гг. драма шла 36 раз.

Результатом кропотливого труда Т. Хамидовой явилось включение возрожденной ею драмы в десяти томное собрание сочинений Х. Алимджана, одного из соавторов пьесы.

Основной проблемой литературоведческих трудов Т. Хамидовой являются русско-узбекские литературные связи, изучение вопросов взаимовлияния русской и узбекской литератур. Недаром известная русская поэтесса Римма Казакова, ознакомившись с монографией Т. Хамидовой, однажды заметила: «Думаете, она исследует влияние русских писателей на узбекских? Нет, она тонко изучает влияние узбекской литературы на нас»¹.

Т. Хамидова – автор монографий «А. Толстой и литература народов СССР» (1967), «Н. Погодин ижодида қардош миллатлар образлари» (1974), «Солнечные берега» (1984), «Братство. Дружба» (1997).

¹ Об этом рассказывал младший брат Т. Х. Хамидовой академик Ж. Хамидов, выступая на ее шестидесятилетнем юбилее.

Т. Х. Хамидова

В «Солнечных берегах» исследуется тема «В. Луговской и Узбекистан». «Братство. Дружба» состоит из двух частей: первая о литературных контактах республик Центральной Азии с русской литературой; во второй рассматривается творчество В. Овечкина в контексте истории взаимодействия русских и узбекских писателей и деятелей культуры по ряду социально-экономических проблем времени, в частности, спасения Аральского моря.

Немаловажное значение в деятельности Т. Хамидовой имеют научные сборники, выпускавшиеся в 1980-е гг. под ее руководством.

Всего было выпущено пять сборников: «Русско-узбекские литературные связи» (Ташкент, 1981), «Аспекты творческого сотрудничества русских и узбекских писателей» (Ташкент, 1982), «Аспекты литературных связей узбекских писателей с писателями братских республик периода социализма» (Ташкент, 1985), «Изучение взаимосвязей литератур народов СССР в педвузах Узбекистана» (Ташкент, 1987), «Изучение образной системы в вузе» (Ташкент, 1993). В них руководитель проекта стремилась объединить и направить усилия молодых ученых на разработку актуальных проблем литературных взаимосвязей, и не только русско-узбекских, но и литературных контактов узбекских авторов с литературами Центральной Азии и Казахстана, Украины, Белоруссии, стран Прибалтики. Множество статей посвящено актуальным проблемам художественного перевода.

Сборники выходили в Ташкенте под грифом Ташкентского государственного педагогического института им. Низами, головного педвуза республики, согласно распоряжению Министерства народного образования, что было продиктовано необходимостью активизации и централизации научно-исследовательской деятельности ученых всех вузов республики. Так появилось в те годы понятие «комплексная тема» – коллективная работа кафедры над одной перспективной темой (жаль, что в настоящее время эта тенденция в нашей науке фактически отсутствует).

В сборниках наряду с наманганскими авторами публиковали свои работы специалисты из других областей, так что эти сборники фактически были республиканскими, не уступающими международным.

Большое внимание как проректор уделяла Т. Х. Хамидова вопросу активизации студенческой научно-исследовательской работы, росту коэффициента полезности ежегодно проводившихся студенческих научных конференций.

* * *

Мало известной даже коллегам была другая сфера деятельности Турсунной Хакимовны – сочинение стихов. Непривычно было, когда она в беседе вдруг вставляла поэтические отрывки.

Признаться, сначала я думал, что наш руководитель читает нам чьи-то, к случаю вспомнившиеся, стихи. Позже выяснилось, что это ее поэтические творения, проникнутые мудростью опытного человека.

Вот стихотворение, посвященное внуку. У ребенка «в глазах грустинка», «боль и тоска», будто он предчувствует что-то нехорошее. Бабушка готова принять на себя его боль: «Оградить тебя бы надо / От волнений всей земли».

Печаль ребенка наводит автора на философский вывод – человек всегда человек, мал он или стар, заботы мира не обходят его стороной: «Как жить-то без тревоги / И без пульса всех широт? / Это только куклы могут / Улыбаться во весь рот».

Нельзя читать без шемящей грусти стихотворения «Я в отчем доме была...», «Я в светелке феи своей», «Стоит тополь вдаль», «Ты растил меня когда-то». В них – ностальгия по детству, по милым сердцу людям, давно ушедшим, но продолжающим жить в сердце автора:

Я в отчем доме была,
В мир детства, юности вошла,
Почтила память отца,
Беседу с матерью вела.

Стихи Т. Хамидовой изобилуют удивительными поэтическими образами, параллелизмами, метафорами, ярко высвечивающими сложность человеческого бытия. Любовь к жизни, преданность отчему дому, забота о детях и внуках соседствуют с несложившейся судьбой, неудавшейся любовью:

...Ты отдал ее другой,
Совсем тебе чужой.
Отдал легко и просто,
Как будто чашку проса.

В стихотворении «До свидания, до свидания», написанном за 13 лет до кончины, лирический герой как бы перевоплощается после физической смерти, воссоединяется с природой:

Приходите на свидание,
Посидите надо мной,
Улыбнусь я снегом талым
Иль зеленою травой.

Т. Х. Хамидова была сильным человеком, казалось, любила жизнь так, что не могла бы даже допустить мысли о смерти. А вот читаешь такие стихи ее и видишь перед собой другого человека. А может быть, в этом тоже проявляется сила духа? Не зря она писала:

Прелесть жизни в многоцветии,
Смысл ее – в бессмертии.

* * *

Многолетний научный и педагогический труд Т. Х. Хамидовой был отмечен высокими наградами: орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд», медалью Кары-Ниязова, другими знаками отличия. В 1985 году она была удостоена звания «Заслуженный деятель науки Узбекистана», в 1992-м награждена Почетной грамотой Республики Узбекистан.

АСКИЯ В ЗЕРКАЛЕ КОМПОЗИТОРСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Зульфия МУРАДОВА

Композиторскую музыку Узбекистана характеризует сохранение национальной самобытности и стремление к стиливому обновлению. Развиваясь в русле монодийно-многоголосного диалога, она векторно направлена на художественное осмысление своих историко-культурных корней, обогащение стиливой палитры ранее не освоенными видами и жанрами народного творчества наряду с интертекстуальным усложнением музыкального языка.

Примером сказанного служит концертная увертюра «Шунчаки ҳазил» («Просто шутка») одного из ведущих узбекских композиторов Мустафо Бафоева, творчество которого не перестает удивлять оригинальными и во многом новаторскими экспериментами. Данное сочинение было написано для Узбекского камерного оркестра народных инструментов «Согдиана» (художественный руководитель и главный дирижер – Заслуженный деятель искусств РУз, профессор Ф. Р. Абдурахимова) и отличается целым рядом любопытных черт. Одной из них является обращение к искусству аския и его опосредованное претворение замыслом композитора.

Аския – характерный для фергано-ташкентского региона Узбекистана вид устного народно-зрелищного искусства, представляющий собой диалог как минимум двух участников. К его сущностным чертам относятся состязательно-сиюминутный обмен репликами, остроумное мышление, экспромтная импровизация на заданную тему (пайров), иносказательность, парадоксальная игра слов и смыслов, этикетная, не задевающая личность соперника форма высказываний.¹ Всё это позволяет рассматривать аскию как разновидность интеллектуального досуга и одновременно как демократическое искусство, под покровом шутки озвучивающее и нередко критически оценивающее события и вопросы общественной жизни, чем обозначена его социокультурная функция.

В чем проявились связи увертюры с традициями аския? Первым, лежащим на поверхности, ответом является введенный в партитуру вербальный текст. Для Бафоева этот прием не нов и апробирован в более ранних концертах –

¹ См.: Мухаммадиев Р. Аския: (Острословие – жанр узбекского народного творчества): Автореф. ... канд. филол. наук. – Т., 1961, с. 8-10; Ўзбек халқ ижоди. Кўп томлик. Аския / Тўпловчи ва нашрга тайёрловчи Р. Мухаммадиев. – Т.: Ф. Ғулом номидаги адабиёт ва санъат нашриёти, 1970, 5-6 б.; Dusmatov Kh. Kh. About the Art of Askiya // Anglisticum Journal (AJ), Volume: 5 Issue: 12, December 2016. – Pp. 33-35.

Зульфия МУРАДОВА родилась в 1956 г. Окончила Ташкентскую государственную консерваторию (ныне ГКУз) по специальности «Музыковедение». Работала в Научно-исследовательском институте искусствознания (ныне Институт искусствознания АН РУз), преподавала в РСМШИ (ныне РСМАЛ им. В. А. Успенского). Является завотделом муз. искусства Института искусствознания АН РУз. Автор множества музыковедческих статей.

Бухарском (2000), «Зикр ал ҳақ» (2001), «Напевы Борбада (Хосров в саду Ширин)» (2005).

Но особенностью этого, сочиненного композитором текста является диалогичное построение шуточных реплик, которыми обмениваются оркестранты. Приведем его начальную часть (перевод мой – З. М.):

- Качон? (Когда?)
- Бугун. (Сегодня)
- Нега, нечун? (Зачем, отчего ж?)
- Хаммаси ёлгон. (Это всё ложь)
- Биринчи апрель, никому не верь.
- Бизга ишон. (Нам поверь)
- Э, куявер. (Э, оставь [теперь])

По характеру текста можно предположить, что диалог возникает вокруг первоапрельского розыгрыша и его общеизвестной фразы, для большего комического эффекта приведенной в охотно применяемом аскиябозами макароническом (смешивающем слова разных языков) стиле. Комизм усиливается и «хотом» нисходящих оркестровых пассажей, передающим реакцию зрительской аудитории на поединок острословов.

Собственно музыкальное развитие идет в сходном ключе. Композитор применяет форму рондо с тремя эпизодами, в каждом обращаясь к разнациональным культурным истокам. Первый из них включает цитату из «Шутки» Баха и ритм «мотива судьбы» из Пятой симфонии Бетховена, предваренные репликами «Бу И.-С. Бах, буюк шах» (великая личность), «Бу Людвиг ван Бетховен»). Во втором звучит сочиненная Бафоевым пентатонная мелодия, предвосхищаемая диалогом:

- Бу Хитойми ё Япон?
- Бу кимано, у чапон (так в тексте. – З. М.).

Третий эпизод отмечен авторской мелодией в макомном стиле, открываемой «спором»:

- Бу Хоразм.
- Бухоро.
- Бу Самарканд.
- Йўқ, Хиво.

Макароническое начало видится в характере цитирования: баховская тема, исполняемая наем, рубабом, дутаром, гиджаком (смешение европейской мелодии и тембров национальных инструментов), парадоксально налагается на ритм бетховенского мотива, видоизмененного усильным перестуком ударных. Состоящему из целых тонов китайскому напеву «перечат» полутоновые интонации сопровождения. Суть третьей шутки, по признанию самого композитора, заключается «в мелодии – она одинаково походит как на бухарскую, так и на хорезмскую»¹, что позволяет указать на музыкальное воплощение распространенного в разговорной и поэтической речи узбекско-таджикского двуязычия (ширу шакар или муламма), широко практикуемого и мастерами аския.

Всё это выявляет виртуозное владение аллюзией – иносказательной и зачастую иронично-пародийной игрой с аудиторией, когда отсылка подается в измененном виде, подвергаясь сокращениям, деформациям, компилированию

¹ Радман Р. Ф. Жанр концертной увертюры в творчестве композиторов Узбекистана. – Государственная консерватория Узбекистана, магистр. дисс. (без инв. №). – Т., 2014, с. 64.

и перефразированию, в результате чего «нужный эффект достигается за счет появления в знакомой цитате совершенно неожиданного компонента»¹.

Но ради чего затевает композитор эту игру, в чем ее смысл? Для ответа обратимся к привлеченной Бафоевым пословице «Ишонмагин дўстинга – сомон тикар пўстинга», дословно означающей «Не верь своему другу – соломой [он] набьет твою шкуру». Ее переносный смысл – «Не верь другу, ибо он может превратить тебя в свое подобие (соломенное чучело)» – близок идиомам «Не верь брату родному, верь своему глазу кривому!», «На бога надейся, а сам не плошай»².

Данная пословица предшествует диалогу оркестрантов и затем неоднократно повторяется на протяжении увертюры, что указывает на важность содержащегося в ней назидания (панд-насихат, ўғит) и придает ей значение интекста – «семантически насыщенной» части текста³, выполняющей ключевую роль в передаче основной идеи и ее разъяснении.

В свою очередь, закрепление этой идеи многократным повтором наделяет пословицу функцией рондального рефрена. Таким образом, рондо становится формой адекватного воплощения замысла композитора.

В этом контексте рассмотренные выше эпизоды воспринимаются как три сценария развития – «западный», «восточный», «национальный». Копируя первый либо избирая второй, воспринимающая культура рискует превратиться в нечто вторичное (чучельное подобие), довольствуясь пересказом иномациональных художественных идей и музыкального языка. Выбор же третьего пути, наряду с погружением в родную музыкальную стихию, потенциален разнообразными уровнями ее осмысления и интерпретации. В этом плане показателны слова Бафоева о мелодии из заключительного эпизода увертюры: «Сочетая различные (макомные – З. М.) традиции, я смог одной темой показать единство нашего народа, его культурного наследия»⁴.

Таким образом, содержание увертюры можно считать выразителем творческого кредо композитора: признавая необходимость обращения к иномациональному опыту и важность его изучения, он предостерегает от слепого, бездумного подражания тем или иным стилям и образцам (в том числе и аутентичным), как бы совершенны они ни были.

Свой месседж Бафоев озвучивает под маской первоапрельского розыгрыша, провоцируя слушателя аллюзивными цитациями и заканчивая увертюру объявлением, что всё прозвучавшее – «просто шутка». В том, что столь серьезное содержание преподносится в юмористическом тоне, отсылая к внешне невинному, но зачастую скрывающему иронию и едкую насмешку подшучиванию острословов, а пословица становится сюжетной темой культурного диалога, подобно тому, как это происходит в аскии, также видится следование этой древней традиции.

Чрезвычайно интересный эксперимент Мустафо Бафоева по претворению ряда сущностных черт искусства аскии и интертекстуальному обогащению музыкальной лексики, предпринятый в увертюре «Шунчаки ҳазил», демонстрирует один из плодотворных путей стиливого обновления композиторской музыки Узбекистана и подтверждает ее неразрывную, сложную и многогранную связь с национальным культурным наследием.

¹ Кривуля Н. Г. Аллюзия как элемент интертекстуальности в анимационных фильмах. – Журнал «Театр. Живопись. Кино. Музыка», 2022, № 3, с. 154.

² Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. (Электр. песьцы: Litres.ru/book/vladimir-dal/poslovicy-i-pogovorki-russkogo-naroda-173141/chitat-onlayn/?page=15&book_pair=173141_51775518 (дата обраш.: 4 дек. 2024 г.).

³ Тороп П. Проблема интекста. Труды по знаковым системам. XIV: Текст в тексте. – Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1981, с. 39.

⁴ Радман Р. Ф. Жанр концертной увертюры в творчестве композиторов Узбекистана. – Государственная консерватория Узбекистана, магистр. дисс. (без инв. №). – Т., 2014, с. 64.

А. НАВОИ – А. С. ПУШКИН: ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Виктор СУХАНОВ

Алишер Навои – знаковая личность не только для узбекского народа, но и для мировой культуры, поскольку его творческая деятельность заложила основу узбекского литературного языка, а его поэзия ориентирована на общечеловеческие жизненные ценности, как для русского народа Александр Сергеевич Пушкин – основоположник русского литературного языка.

Доподлинно неизвестно, был ли знаком Пушкин с произведениями Навои, вероятнее всего – нет. Однако поэзия двух классиков определенно имеет много схожего: философский подтекст, лиризм, гуманизм и др., несмотря на века и расстояние, разделяющие их.

Навои принято считать основателем литературного староузбекского языка, фигурой, занимающей ключевое место в классической узбекской литературе. Пушкин считается основоположником новой русской словесности. В жанровом поле Навои были газели, рубаи, касыды, тюги, мухаммасы, хамса. У Пушкина – стихи, поэмы, романы, повести, рассказы, сказки, путевые заметки, трагедии. Несмотря на работу с художественными формами, свойственными разным культурным традициям и, более того, разным историческим эпохам, у обоих авторов наблюдаются практически идентичные темы и проблемы, особенно в произведениях, посвященных темам государства, народа, патриотизма.

В поэзии Навои осуждаются зло, насилие, междоусобные войны, жестокость и консерватизм феодалов. Его «Сокровишница мыслей» обращена к каждому человеку с призывом к благодетели, сущность которой заключается в служении родной стране. Однако также звучит предупреждение об опасности вмешательства в дворцовые интриги, которые являются следствием порока властолюбия:

Когда по воле неба, может быть,
Царю ты удосужишься служить,
На службе не жалея трудов,
Но только царских избегай пиров.
Они души твоей не утолят,
В напиток царственном – змеиный яд.¹

¹ Навои А. Сочинения: В 10 т. Т. 3. Смятение праведных. – Т.: ФАН, 1968. – С. 86-87.

Виктор СУХАНОВ родился в 1999 г. в Ташкенте. Выпускник филологического факультета НУУз, в настоящее время – преподаватель этого вуза. Автор нескольких научных публикаций. Участник многочисленных международных и республиканских конференций (Узбекистан, Россия, Эстония). Публиковался в журнале «Звезда Востока».

У Пушкина тема государства представлена в соответствии с общественно-политической обстановкой в России начала XIX века, но очевидна схожесть с поэзией Навои. В оде «Вольность» поэт изложил свои взгляды на самодержавие и положение народа:

Питомцы ветреной Судьбы
Тираны мира! трепешите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!¹

И для Навои, и для Пушкина единоличная власть в стране представляется злом. Но если у Навои оно нивелируется патриотизмом и необходимостью служения родине, то у Пушкина уничтожение этого зла и будет актом патриотизма, сопричастности к жизни народа и борьбе за его человеческое достоинство.

И Навои, и Пушкин в своем творчестве обращались к истории. Пушкин – автор нескольких исторических произведений: повести о восстании Е. Пугачева «Капитанская дочка», трагедии «Борис Годунов», поэмы «Полтава» и др. Навои создал исторические трактаты «История иранских царей» («Тарихи мулуки Аджам») и «История пророков и мудрецов» («Тарихи анбия ва хукама»). Интерес представляют тематические параллели «Песни о вешем Олеге» Пушкина и «Рассказа о двух влюбленных» Навои. В этих поэтических легендах действующими лицами являются исторические личности: князь Олег и Амир Тему́р. Оба героя изображены как могущественные правители и военачальники, от воли которых зависят судьбы целых народов. Разница лишь в том, что в произведении Навои Амир Тему́р, в отличие от пушкинского вешего Олега, не является главным героем.

Пушкин так изображает героя предания:

Как ныне сбирается вещий Олег	Обрек он мечам и пожарам;
Отмстить неразумным хазарам:	С дружиной своей, в цареградской броне,
Их села и нивы за буйный набег	Князь по полю едет на верном коне. ²

Навои об Амуре Тему́ре пишет:

Слыхал я: четырех улусов хан,	Повел войска железною рукой,
Эмир Тимур, великий Гураган,	И, в Хинд войдя, жестокий принял бой...

Там не было пошады никому,
Настала смерть живущему всему.²

В обоих произведениях весьма значима тема рока. И в той, и в другой легенде судьба торжествует над человеком, но представлено это по-разному. Если главного героя пушкинского произведения настигает злой рок – князь Олег погибает, как было предсказано волхвом, то к героям «Рассказа о двух влюбленных» судьба благоволит:

Угрюмый воин медлил. Между тем	Спешил глашатай войску возвестить,
В толпе раздался крик: «Пошадя всем!»	Что царь велел убийства прекратить.

За жертвенность, быть может, тех двоих
Рок пошадил оставшихся в живых.³

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817 – 1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 45.

² Там же, с. 243.

³ Навои А. Сочинения: В 10 т. Т. 3. Смятение праведных. – Т.: ФАН, 1968. – С. 111.

⁴ Там же. С. 112.

Одна из наиболее выразительных в творчестве обоих поэтов – тема любви. Во многих стихотворениях Пушкин вдохновлен женской красотой и посвящает их женщинам – Анне Олениной, Адели Давыдовой, Елене и Екатерине Раевским, Марии Волконской, Елизавете Воронцовой, Наталье Гончаровой и др. Одним из наиболее популярных любовных стихотворений Пушкина является «К ***», начинающееся следующими строками:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.¹

Образ возлюбленной Пушкин приравнивает к чему-то высокому, неземному. Если его проанализировать, получится следующая формула: гений – наивысшая точка; чистая красота – истинное, эстетическое наслаждение. И автору достаточно лицезреть объект своей любви, чтобы ощутить вдохновение.

У Алишера Навои тема любви решается в соответствии со спецификой восточных традиций:

Если пери лик закроет, сколько слез в моих глазах,
Сколько звезд с закатом солнца выступает в небесах...²

Как и Пушкин, Навои обращает внимание читателя на околдовавшую его красоту любимой женщины. Поэт говорит о возлюбленной как о пери, фее из восточных сказок и легенд, символе неземной красоты.

Другой значимой параллелью в любовной лирике поэтов представляется мотив письма. Так, например, в поэме Навои «Фархад и Ширин» есть два письма, написанные влюбленными героями друг другу, как и в романе Пушкина «Евгений Онегин». Примечательно, что в обоих произведениях первыми пишут девушки – Ширин и Татьяна. Разные по форме и содержанию, оба произведения воспевают сильную любовь, раскрывают глубину и пылкость чувств влюбленных.

Среди прочих тематических параллелей творчества Навои и Пушкина следует отметить дружбу. В одной из газелей Навои обращается к людям с призывом о мире:

Нет, не дело вражда. В добром мире живите, народы,
Дружба – дело людей, славить дружбу строкой – мое дело.³

Пушкин чаще описывает дружбу как межличностные отношения. Например, стихотворение «19 октября»:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
<...>

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817 – 1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 406.

² Навои А. Сочинения: В 10 т. Т. 3. Смятение праведных. – Т.: ФАН, 1968. – С. 156.

³ Там же. С. 146.

Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.¹

И в том, и в другом стихотворении заложены вечные вневременные гуманистические идеи: преданность и взаимопонимание между людьми, межнациональное согласие.

Для Навои и Пушкина важны также темы гражданского долга перед народом и служения музе. Пушкин подвел итог своего творчества в стихотворении «Памятник»:

Велению божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.²

Строки стихотворения прямо перекликаются с рубаи Навои:

Когда тебя народ виной корит,
Ты на людей не затаи обид:
Укор правдив – исправиться не стыд,
А лживая хула не уязвит!³

Для обоих авторов важна идея особого предназначения поэта, который живет не ради славы, а ради служения народу и искусству. Оба произведения являются своего рода наставлениями будущим стихотворцам, призывают абстрагироваться от укоров извне.

Творчество Навои и Пушкина славит вневременные общечеловеческие ценности. Алишер Навои верил в победу справедливости, разума и добра. Человека он считает средоточием божественного света. Александр Сергеевич Пушкин создал своеобразный гуманистический гимн разуму, любви, мудрости, человеку, солнцу – символам жизни на земле. В стихотворении «Вакхическая песня» он восклицает:

Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!⁴

Таким образом, несмотря на пространство и время, разделяющие поэтов, их творческие миры во многом идейно-тематически соприкасаются: вопросы морально-нравственных качеств человека, любви и дружбы, гражданского долга, исторические перипетии в жизни людей, гуманизм и общечеловеческие ценности отражают мысли, чувства и настроения узбекского и русского народов.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817 – 1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 425-426.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826 – 1836. Сказки. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, – 1948. – С. 424.

³ Навои А. Сочинения: В 10 т. Т. 1. Сокровишница мыслей. – Т.: ФАН, 1968. – С. 492.

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817 – 1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 420.

ХРОНОТОП ШКОЛЫ В ПОВЕСТИ А. БИТОВА «УРОКИ АРМЕНИИ»

Камиля НАБИЕВА

Повесть «Уроки Армении» Андрей Битов писал больше года, хотя пробыл в Армении всего десять дней. «Я прожил в этой книге много дольше, чем в Армении. Каждый день прибавлял мне так много, что описывать его приходилось месяц»¹. Такой подход объясняется тем, что процесс путешествия представляется Андрею Битову изучением нового мира и нового материала. Поэтому он выбирает единственно возможную форму для такого путешествия – уроки. Писатель считает, что уже в начале творения важно видеть будущую книгу целиком, в ее нераздельном и «свернутом» виде, а вдохновение поможет «развернуть» ее во всей стройности и конкретности. Импульсом для развертывания текста во времени стала метафора «урок».

Композиционно текст состоит из отдельных «уроков», которые складываются в системную «учебную программу»: «Урок языка», «Урок истории», «Урок географии», «Уроки веры», особняком стоят главы «Кавказский пленник», «Страсти градостроителя», «У старца». Циклическая завершенность «программы» подчеркнута завершающим рассказом «После уроков». Урок осмысливается им широко – и прежде всего в культурно-историческом контексте: то, что увидел писатель в маленькой стране, становится примером для всего мира. И. Золотусский определил повесть А. Битова как «урок для современной прозы»².

Встреча с Арменией начинается с приземления. Путешественник словно рождается заново, а себя прежнего оставляет в самолете: «Я оглянулся и счастливо посмотрел вверх – там увидел я самого себя несколько мгновений назад...» Первое, что видит герой – поле, а ветер ему «ударил в лицо». Этот начальный этап путешествия важен – герой преодолевает порог между миром, в котором он был до этого, и новой для него средой. Новое не пугает, он счастлив, когда смотрит на удаляющееся прошлое, и рад ветру, который для него – дыхание новой жизни.

Первый урок – изучение языка и проникновение в новую культуру. Путешественник читает с самого простого – узнавание букв: «Ага, значит, вот эта штука – Е, вот эта Р, а эта опять Е...» Он подобен ребенку, о чем свидетельствуют детские выражения, реакция на буквы и их значение – местоимение «ага»

¹ Битов А. Империя в четырех измерениях. III. Кавказский пленник. – М., 1996. – С. 147.

² Золотусский И. Познание настоящего. – Журнал «Вопросы литературы», 1975, № 10, с. 24.

Камиля НАБИЕВА окончила бакалавриат филофака НУУз и магистратуру Чирчикского госпедуниверситета. Преподаватель кафедры языка и методики его обучения Ангренского университета.

заменяется словом «штука». «Так и запечатлелся во мне первый кадр: ветер и выгоревшая трава, которая не то чтобы стелилась по ветру (она была слишком короткой для этого), но была навсегда им причесана. Ветер подталкивал меня к Еревану. Это, значит, В, а это вот А, а это уже Н. Красиво...»

«Это великий алфавит по точности соответствия звука графическому изображению. Тут всё цельно и образует круги» – обращение к символике круга не случайно, в круге заложена идея целостности и гармонии. То, что путешественник видит, не отличается от того, что он слышит. Рисунок или начертание соответствует заложенному смыслу. Эта целостность объясняется близостью человека к природе, культуре, истории: «Или буквы эти стоило бы вытесывать из камня, потому что камень в Армении столь же естествен, как и алфавит, и плавность и твердость армянской буквы не противоречат камню. (Стоит вспомнить очертания армянских крестов, чтобы опять восхититься этим соответствием.) И так же точно подобна армянская буква своим верхним изгибом плечу древней армянской церкви или ее своду, как есть эта линия и в очертаниях ее гор, как подобны они, в свою очередь, линиям женской груди, настолько всеобщее для Армении это удивительное сочетание твердости и мягкости, жесткости и плавности, мужественности и женственности – и в пейзаже, и в воздухе, и в строениях, и в людях, и в алфавите, и в речи»¹. Этот фрагмент иллюстрирует мысль о круге, символизирующем гармонию мира, окружающего героя.

Круг как модель организации пространства часто используется русскими писателями. В Словаре символов круг рассматривается с точки зрения мифологического архетипа и означает «круговорот жизни, временной цикл и божественное начало»². Круг также обладает значением защиты, а движение по кругу часто имеет магический смысл. Часто, находясь внутри круга, герой чувствует себя в безопасности, защищенным. Круг – это центр мира или точка отсчета. Это целостность и одновременно преодоление двоemiрия, раздвоенности сознания, что характерно для путешественника Андрея Битова. Он пытается преодолеть то, что с ним происходило вне круга, на его родине. Школа Армении – попытка органично слиться с обретенным кругом, т. е. миром армянской природы, истории, культуры. Предметной моделью круга является урок, в широком смысле трактуемый как процесс познания: «В армянской букве – величие монумента и нежность жизни, библейская древность очертаний лаваша и острота зеленой запятой перца, кудрявость и прозрачность винограда и стройность и строгость бутылки, мягкий завиток овечьей шерсти и прочность пастушьего посоха, и линия плеча пастуха... и линия его затылка... И всё это в точности соответствует звуку, который она изображает...»³

Каждый шаг путешественника по армянской земле сопровождается уникальными примерами из жизни армянского народа, демонстрирующими силу веры, духа, гражданственности и патриотизма. После того как один из специалистов поставил под сомнение существование Месропа Маштоца, разразилась национальная буря. Статью прочитала вся Армения. Автор удивлен, что взрослые люди так волновались из-за каких-то букв...

«Армяне сохранили алфавит неизменным на протяжении полутора тысяч лет. В нем древность, история, крепость и дух нации. До сих пор рукописная буква не расходится у них с печатным знаком, и даже в книгах, в типографском шрифте существует наклон руки писца. Рукопись переходит в книгу, почти не претерпевая графических метаморфоз. И это тоже замечательно» – в

¹ Битов А. Империя в четырех измерениях. III. Кавказский пленник. – М., 1996. – С. 17.

² Жюльен Н. Словарь символов. – Челябинск, 1999. – С. 201.

³ Битов А. Империя в четырех измерениях. III. Кавказский пленник. – М., 1996. – С. 17.

этом герой-путешественник видит преданность национальным ценностям. Изменения алфавита языка невозможны, так как это нарушит ход истории, национальную идентичность. Языковые процессы и трансформация, которые возможны, например, в русском языке (устранение буквы *ять*), не характерны для армянского языка. Отношение к языку как памятнику древности, фундаменту современной жизни Армении.

Урок истории также соответствует движению по кругу. У каждого армянина в доме есть книга по истории Армении, на этом замыкается круг истории. Три тома Лео есть в каждом доме. Как и Маштоц, он – очередная легендарная личность. Отношение к истории, как и к языку, уважительное, бережное, восхищенное. Всё настолько проникнуто духом истории, что путешественник не может найти ни начала, ни конца. Чтобы герой смог почувствовать историю как связь времен, его знакомят с величайшими памятниками древности. Древнейшая библиотека, по своей монументальности и монолитности напоминающая Вавилонскую башню или Ноев ковчег, со спадающим «с этих гор таким строгим гранитным отвесом, как водопад, а ниже, куда он спадает, пенятся лестницы, разливаясь в струи и сливаясь внизу в одну, главную, приближаясь к которой ты обязан неизбежно ощутить высокий строй, а когда ставишь ногу на первую ступень, уже испытываешь трепет, а по мере подъема, когда на тебя надвигается отвес Матенадарана и всё выше и вертикальней нависает над тобой, трепет этот как бы переходит в холодок в спине. И когда, приближаясь, ты всё уменьшаешься, уменьшаешься, а над тобой всё растет и растет здание, это, по-видимому, символизирует величие и огромность человеческой культуры и твою затерянность в ней»¹.

Путешественника восхищает гармония, как и в случае с алфавитом. Матенадаран – это хранилище рукописей. Огромное множество книг, вся мудрость армянского народа – в здании, которое в архитектурном, пространственном плане абсолютно соответствует своему назначению. Если форма правильно соединяется с содержанием, то у места появляется определенная сила воздействия. С какой бы стороны путешественник не огибал Матенадаран или не заходил внутрь, он ощущает связь между теми, кто создал этот архитектурный шедевр, и теми, кто создавал многочисленные рукописи: «Такой светлый, серый камень, что и строго, и не мрачно. И такие линии, и прямые, и мягкие, что сразу же ясна и великая традиция армянского зодчества и одновременно полное овладение всеми достижениями современной архитектуры с ее обнаженным назначением и эстетизированной простотой...»² Принцип путешествия определяется в первую очередь особенностями пространства. Автор использует принцип совмещения замкнутого пространства с бесконечностью. Так, находясь в квартире своих знакомых, герой в буквальном смысле совершает путешествие в путешествии. Урок географии переплетается с уроком истории. В каждом армянском доме есть атлас Армении. Отмечается, что он похож на лаваш. Такая параллель не случайна. Взять с полки атлас и рассматривать его по несколько часов – это естественная потребность каждого армянина. Трагическая история и геноцид армянского народа значительно уменьшили карту страны: «С каждым столетием она становилась заметно меньше. Вот она – зеленая, круглая – простирается на три моря. Вот на два. Вот на одно. А вот – ни одного. И так стремительно уменьшается Армения от первой карты к последней, всё время оставаясь в общем круглым государством, и, если пролистнуть быстро атлас, это будет уже кинолента, на ней будет заснято падение огромного круглого камня с высоты тысячелетий, он скрывается в этой глубине, уменьшаясь

¹ Битов А. Империя в четырех измерениях. III. Кавказский пленник. – М., 1996. – С. 27.

² Там же. С. 27-28.

до точки. А если так же пролистнуть с конца до начала, то будто маленький камешек упал в воду, а по воде всё шире, шире исторические круги»¹. Маленькая комната разрастается до масштабов страны в исторической перспективе.

В процессе путешествия герой знакомится с историей армянского народа. Во всех подробностях ему открываются трагические события геноцида. Эти страницы прошлого врезаются в память и восприятие Армении как небольшой с географической точки зрения страны напоминает ему о боли, страдании, о безвинно погибших. Сострадание, как и любовь к ближнему, позволяет путешественнику постигать суть вещей.

Следует отметить, что принцип школьного урока распространяется и на пространственную организацию текста. Пространство имеет план предметного выражения. Мир познается через предметы, в которых может быть сосредоточен огромный временной промежуток, исторические события, разноплановые ощущения (книга, атлас, лаваш, подозрная труба, колокол, камень, колодец). Предметы, в свою очередь, расширяются, если герой погружается в глубины национальных особенностей Армении. Автор обосновывает свой метод познания: «И я следую образу, как методу. Невооруженным глазом я ничего не вижу – надо тут родиться и жить, чтобы видеть. В бинокль я вижу большие вещи, например, арбуз – и ничего, кроме арбуза. Арбуз заслоняет мир. Или вижу друга – и ничего, кроме друга. Или... “Армянский ишак, армянский очень толстый женщина и обыкновенный армянский милиционер...” Каждый раз что-то заслоняет мир. Я переворачиваю бинокль – от меня улетает арбуз, как ядро, и исчезает за горизонтом. И вижу я в невообразимой глубине и дымке маленькую круглую страну с одним круглым городом, с одним круглым озером и одной круглой горой, страну, которую населяет один мой друг»².

Для путешествия выбрана определенная пространственная конструкция – школа. Это позволяет герою преодолеть собственное биологическое время и вернуться в детство, начать жизнь заново, сев за парту, в процессе учебы открыть для себя новый, неизвестный, мир. Беспомощность, наивность придают образу героя-путешественника детские черты. Путешественник посещает Армению с целью описать увиденное. Очерк как документальный жанр, требующий объективности, стремящийся к фактографичности, взгляду «со стороны», не подходит для данного типа путешествия. Армению можно понять, только породнившись с ней. И, хотя путешествие длилось всего десять дней, появилась книга особого жанра. Герой видит не Армению, а себя, познающего мир самобытной национальной природы, истории, культуры, архитектуры. Впоследствии, покинув страну и работая над книгой, автор вернулся к себе, пережив момент обновления и переоценки ценностей. Принцип изучения Армении подсказан самой страной. За отдельным образом всегда скрыт глубокий смысл, так же, как за отдельным человеком всегда стоит семья, родственники, друзья, за школой жизни – уроки, за атласом – история страны, за буквой или камнем – вековая мудрость, самоотверженность народа. Путешественник не описывает Армению, а учится понимать ее, слышать, видеть, не претендуя на всеобъемлемость. В конце путешествия многое так и не было освоено. Но цель была достигнута, путешественник увидел Армению в ее целостности и оригинальности, смог почувствовать национальную специфику, красоту, благодаря принципу сокрытия большого в малом, взаимосвязи прошлого и настоящего, движения по кругу. С последним связано движение как по горизонтали, так и по вертикали, когда круг превращается в спиралевидную конструкцию цилиндрической формы (подозрная труба, колодец, озеро или омут...).

¹ Битов А. Империя в четырех измерениях. III. Кавказский пленник. – М., 1996. – с. 32.

² Там же, – с. 44.

РОЛЬ ЛЕКСЕМ-СИМВОЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

(на материале романа-фэнтези
Г. А. Долгой «Боги Срединного мира»)

Антонина ИПЛИНА

Лексемы-символы в художественной литературе служат мощным авторским инструментом, позволяя передавать более глубокие смыслы и вызывать эмоциональные реакции читателей, которые могут выходить за пределы поверхностного повествования. Символы позволяют писателям наделять объекты, персонажей и события дополнительными смыслами, которые резонируют с читателями на нескольких уровнях. Данный литературный прием побуждает читателя взаимодействовать с текстом, раскрывать слои интерпретации, отражающие такие значимые темы, как идентичность, мораль, духовность, значимость человеческого бытия.

Лексемы-символы отнюдь не являются «декоративным» элементом художественного произведения, а играют основополагающую роль в создании глубинного смысла, выходящего за рамки прямого описания. Лексемы-символы стали объектом исследования многих знаменитых ученых, по-разному осмысливающих их сущность, но единодушно отмечающих, что предпосылками их возникновения в различные эпохи в художественной литературе послужили кризис морали и ценностных ориентиров.

Использование лексем-символов помогает авторам передать душевное состояние людей, ставших свидетелями и переживающих исторические события.

Среди российских литературоведов изучению лексем-символов в художественном произведении посвящены некоторые труды А. Н. Веселовского¹, А. А. Потебни², А. Ю. Нестерова³, А. В. Медведевой⁴, А. В. Алексеева⁵.

¹ Веселовский А. Н. Миф и символ // Русский фольклор: Вопросы теории фольклора. – Л., 1979. – Вып. 19. – С 186-199.

² Потебня А. А. Слово и миф. – М., 1989. – 622 с.

³ Нестеров А. Ю. Литературный текст, читатель и символ: проблема символического моделирования эстетического объекта. – Самара: 2002, Самарский гос. ун-т. – 36 с.

⁴ Медведева А. В. Символическое значение слова. – Воронеж: 2008, Истоки. – 192 с.

⁵ Алексеев А. В. Символическое значение слова в этимологии и истории русского языка // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 107-112.

Антонина ИПЛИНА родилась в 1981 г. в Намангане. Окончила романо-германский факультет и магистратуру НамГУ. Филолог, доцент международного университета «Туран», поэт, переводчик, член СП Узбекистана, кавалер ордена «Дустлик». Автор восьми сборников стихов и научных статей по проблемам поэтического перевода.

Известны работы зарубежных исследователей Ф. де Сосюра¹, Ч. Файдельсона², К. Льюиса³, У. Эко⁴, Дж. Стоуна⁵. Литературоведы Средне-Азиатского региона также внесли свой вклад в понимание роли символов в художественном произведении, среди них такие, как Н. И. Османова⁶, Г. Гарипова⁷, У. Тургунов⁸.

Изучив широкий круг научных исследований, посвященных роли лексем-символов, используя культурологический подход, проанализировав эстетическое воздействие на читателя и интерпретации скрытых смыслов, мы исследовали роман Галины Альбертовны Долгой «Боги Срединного мира»⁹.

Роль лексем-символов в романе-фэнтэзи Г. А. Долгой «Боги Срединного мира» заключается в создании многослойного повествования, где природные, исторические и мифологические элементы используются для передачи идей о времени, памяти, связи прошлого и настоящего, а также человеческой уязвимости перед силами, находящимися за пределами контроля. Эти символы раскрывают внутренний мир персонажей, их мечты, страхи, стремления. Посредством символов-образов подчеркивается внутренний конфликт героев, контраст между внешним и внутренним миром, борьба с традициями, которые одновременно формируют основу общества и подавляют личность. Все символы, использованные автором, работают на нескольких уровнях, связывая индивидуальное с универсальным, личное с историческим, внутреннее с внешним.

Мы выявили природу символов, их роль в формировании глубокого воздействия исследуемого произведения на реципиента, дифференцировали их на основные категории:

1. Символы «природных явлений». К ним относятся такие образы:

Река понимается как воплощение неукротимой силы времени и природы. Описание весеннего половодья, которое обрушивается на берег «с яростью голодного зверя», символизирует неукротимую мощь природы. Река разрушает курган и уносит с собой древний артефакт (символ цикличности времени, которое стирает границы между прошлым и настоящим). Жемчужная река, упомянутая в тексте, символизирует поток жизни, историю, которая течет непрерывно и вбирает в себя элементы прошлого.

Ветер в степи становится символом неограниченности сил природы и стремления к независимости, подчеркивает как силу, так и уязвимость героев перед лицом судьбы.

Ночь в степи символизирует таинство и неизведанность, а также гнетущее одиночество. Тансылу окружена тьмой не только физически, но и эмоционально, ощущая себя чужой в новом окружении.

¹ Saussure, F. de. Мйmoire sur le systime primitif des voyelles dans les langues indo-europйennes. – Leipzig, 1922. – 268 p.

² Feidelson, Ch. Symbolism and American literature. – 1953, University of Chicago Press. – 372 p.

³ Lewis, C. S. The Discarded Image: An Introduction to Medieval and Renaissance Literature. – 1964, Cambridge University Press. – 242 p.

⁴ Eco, U. Semiotica e filosofia del linguaggio. – 1984, Einaudi. – 328 p.

⁵ Stone J. The Institutions of Russian Modernism. Conceptualizing, Publishing and Reading Symbolism. – Evanston: 2017, Northwestern University Press. – 304 p.

⁶ Османова Н. И. Слово как символ в традиционной культуре кыргызов // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – 2015. – Т 8. – С. 175-189.

⁷ Гарипова Г. Литература Узбекистана // Мировой литературный процесс XXI века. – 2016. – С. 137-180. (Электр. ресурс: www.academia.edu/42210969).

⁸ Тургунов У. Символизм в творчестве джадистов // Молодой ученый. – 2020. – № 20 (310). – С. 517-518. (Электр. ресурс: <https://moluch.ru/archive/310/69996/>).

⁹ Долгая Г. А. Боги Срединного мира. – Екатеринбург: 2023, Издательские решения «Ридеро». – 244 с.

Дорога в степи (дорога, по которой едет экспедиция) является аллегорией пути к знаниям и самопознанию. Широта степи символизирует бескрайние возможности, которые открываются перед человеком.

Пыль в пути (путь археологов) становится символом трудностей, которые необходимо преодолеть для достижения целей. Пыль, покрывающая героев, может также символизировать их «единение» с историей, с прошлым.

Переход от ночи к рассвету символизирует надежду и новые начинания. Аязгул, поднимаясь к пещере, проходит путь от тьмы (неизвестности) к свету (надежде на спасение Тансылу).

Звезда в отверстии юрты подразумевает надежду на свободу и связь с прошлой жизнью. Одиочная звезда намекает на свет надежды, который всё еще мерцает в душе Тансылу.

Пламя костров являет собой символ жизни, традиций и празднования, которые контрастируют с внутренней драмой героини. Внешний мир празднует, тогда как Тансылу переживает кризис и унижение.

2. Символы-«предметы» из повседневной жизни.

Амулет – символ судьбы и памяти. Амулет древнего воина, вымытый из кургана, становится связующим звеном между прошлым и настоящим. Его путь через реку, ворона и экскаватор символизируют случайность и неизбежность влияния прошлого на настоящее.

Нож является символом освобождения и окончательного разрыва с унижением. Убийство Ульмаса не только акт мести, но и метафора борьбы с патриархальными устоями, подавляющими личность.

Коралловые бусы – это символ защиты и связи с родиной, матерью. Бусы, переданные Тансылу, символизируют материнскую любовь, охрану и благословение, пожелание сохранить душу и тело дочери.

Мешки с телами воинов – символ мести и неумолимости традиций. Они олицетворяют последствия нарушения устоев, показывая, насколько жестоким может быть их несоблюдение.

Секундная стрелка часов, за которой наблюдает Сима, символизирует неумолимость времени и необходимость успеть в важные моменты жизни.

3. Символы-животные.

Ворон – символ загадочности и предзнаменования. Ворон, проглотивший амулет, символизирует воплощение древней тайны или силы. В мифологии вороны часто ассоциируются с вестниками судьбы или проводниками между мирами.

Скачущий конь ассоциируется со свободой, силой и необузданностью, что контрастирует с зажатостью и спешкой Симы в городе. Черногривый конь помогает Тансылу обрести независимость, унося ее из плена традиций и насилия.

4. Абстрактные образы несут в себе следующие значения:

Подвал – символ страхов и неизвестности. Подвал, куда забирается девочка, символизирует неосознанный страх, неизвестность и скрытую опасность. Темные чугунные котлы усиливают тревогу, выступая как чудовища в восприятии ребенка. Звуки, ветер и белое облачко, преследующие девочку,

подчеркивают мистический характер подвала, делают его символом прошлого или потустороннего.

Белое облачко – символ духа или неразгаданной тайны. Облачко, тянувшееся за девочкой, ассоциируется с чем-то потусторонним – духом, следом прошлого или таинственной энергией, связанной с амулетом.

Троллейбус символизирует судьбу и возможности. Троллейбус, едва не ускользнувший от Симы, но остановившийся из-за поломки, представляет собой чуть ли не упущенные шансы, которые, однако, можно успеть использовать при достаточной настойчивости.

Археология – этот символ означает познание прошлого. Желание Симы изучать древность становится мостом между прошлым и настоящим, объединяя современную девушку с древними героями и их судьбами. Герой-археолог профессор Колесниченко представляет собой фигуру наставника, чей рассказ пробуждает в Симе стремление исследовать не только исторические артефакты, но и свои корни и предназначение.

Танцы шаманов и сражение с демонами являются отсылкой к борьбе добра и зла внутри каждого человека и к вечному стремлению к гармонии и балансу.

Круги и квадраты – рисунок, описанный Симой, отражает древние мировоззренческие концепции, символизирует стремление к упорядочиванию хаоса через познание.

Таким образом, текст исследуемого романа-фэнтези насыщен лексемами-символами, которые подчеркивают внутреннее состояние героев, борьбу между мечтами и реальностью, связь с прошлым и стремление к будущему, помогают реализовать вечную тему свободы и ответственности.

Система лексем-символов рассматриваемого произведения состоит из таких категорий символов, как природные явления (река, ветер, степь, звезда), предметы (амулет, нож, бусы), животные (ворон, конь), абстрактные образы (подвал, белое облачко, танцы шаманов, сражение с демонами). Эти элементы заключают глубокий смысл, помогая раскрывать важнейшие темы времени, памяти, неизбежности судьбы, связь между прошлым и настоящим.

Системно-смысловая организация символов в данном художественном тексте представляет собой смыслы, которые являются не только элитарно-культурными для Средне-Азиатского региона (юрта = надежность и спокойствие, коралловые бусы = материнская любовь и благословение), но и коллективно-архетипическими для всемирной культуры (река = время, ворон = предвестник беды).

Все символы рассматриваемого художественного произведения тесно переплетаются, создавая богатую палитру для интерпретации текста и раскрытия знаковых тем как для языка оригинала, так и для языка перевода.